

10335
1959

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

9

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЦА

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

62308

СОДЕРЖАНИЕ

КАРЛО КАЛАДЗЕ. Тбилиси, сентябрьские вечера. Стихи.	3
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Цветение лозы. Роман. (Окончание).	5
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Судьбы Грузии. Стихи.	24
РИММА КАНДЕЛАКИ. Швейцар из кафе «Унион». Повесть.	27
МЕДЕЯ КАХИДЗЕ. Новые стихи.	52
МАШИДАТ ГАИРБЕКОВА. Грузинские напевы. Стихи.	55

ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ

ГЮНТЕР ГЕРЛИХ. Ошибка.	56
--------------------------------	----

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

М. ДАВИТАШВИЛИ. Это волнует виноградарей. Заметки журналиста.	59
ИЯ МЕСХИ. Сурамский перевал. Очерк.	66

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Произведения М. А. Шолохова на грузинском языке	
ЛИНА ХИХАДЗЕ. «Судьба человека».	74 ✓
Д. ТУХАРЕЛИ, Э. КРЕМЕР. Два романа.	76 ✓

Г. ЦИЦИШВИЛИ. Готовясь к новому изданию...	79
Ш. АБХАИДЗЕ. Проза, драматургия, статьи Важа Пшавела.	83
Д. СТУРУА. Не только новое, но и хорошее.	85

МАСТЕРА ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА

Г. АЛИБЕГАНШВИЛИ. Давид Какабадзе.	87
--	----

СРЕДИ КНИГ

С. МАРИНАШВИЛИ — «Нианги» заговорил по-русски; Д. ТАМАРАДЗЕ — Осетинская проза; К. ГВРИТИШВИЛИ — Путем своего народа; М. ЗАВЕРИН — Главный объект — современность.	89—94
--	-------

Коротко об авторах.	95
-----------------------------	----

9

СЕНТЯБРЬ
1959

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Ответственный секретарь М. ЗАВЕРИН.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Карло Каладзе

ТБИЛИСИ, СЕНТЯБРЬСКИЕ ВЕЧЕРА

Перевод с грузинского Г. Мазурина

Я не думал, не знал, только верил в мечту,
Что увижу, как былью становится небыль!
...Я в горах. В небо узкой тропинкой иду,
Только ночь застает меня снова под небом.

Солнце всплесками ярких пожаров зашло,
Девять гор и морей нас опять разделило.
В небе тучка висит. А за нею светло,
Там иные миры, там иные светила.

Горы контуром черным вписались в закат.
Я на землю смотрю с высоты этой древней, —
И внизу в электрических звездах горят
Города и дороги, мосты и деревни.

Только что́ одна ночь моя значит сейчас,
Глаз моих ненасытная страсть узнаванья,
Если день —

это взлет, это миг моих глаз,
И зовется он днем только ради названья...

Звоны, вызвоны, пение радиомачт
И просторы в едином стремительном ритме, —
Весть, что в космос ракеты могучие мчат,
Солнце раньше всех мачт на заре сообщит мне.

Ну, а мне ль не стремиться туда всей душой,
Чтоб увидеть комету глазами поэта!
Неземная —

земной она стала мечтой
Не одной пары глаз с нашей мудрой планеты.

Та комета окуталась нашим теплом
И в космической дали осталась земною.

ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ

Р О М А Н

(Окончание)

Авторизованный перевод с грузинского С. Трегуба

Старик почти ничего не ел и брался за пищу только тогда, когда ему о ней настойчиво напоминали. Вилкой он почти не пользовался, брал пищу руками, а когда упал кусок хлеба, он, не обращая ни на кого внимания, поднял его с пола, поцеловал и съел.

Лука был немного глуховат и старался меньше разговаривать. Но Коринтели время от времени обращался к нему и заставлял его отвечать на разного рода вопросы.

— Вы недавно болели, отец? Извините, что не смог вас проведать.

— Я давно болею глазами, сынок, — отвечал тесть. — Ничего не поделаешь — профессия такая. Всякий труд, если к нему честно относишься, требует жертв. Доктора советуют оставить работу. Но как это мне не работать?! Не привык я к тому, чтобы меня кормили чужие руки. Вот только горе, что мой сын Автандил давно не пишет. Жив ли он?

— Разве наши руки чужие вам? — возразил Коринтели. — Вы достаточно наработались уже на своем веку, пора и отдохнуть.

— Грузинский хлеб все любят есть, сынок, но не все хотят его печь. Молодежь что-то не идет в пекаря. Во всем Телави нас только и осталось пять стариков, которые этим занимаются. Если мы уйдем, кто же будет за нас работать?

Арадели провозгласил тост за хозяйку.

Суския сказала:

— Сижу среди вас и чувствую себя так, будто я снова родилась. Я ведь совсем была плоха и боролась со смертью не столько из-за себя, сколько из-за него — нашего маленького Ростомы. Что только не сделаешь ради детей...

Она хотела еще что-то сказать, но Коринтели остановил ее:

— Хватит. Тебе вредно много говорить и волноваться. Твои двадцать минут истекли, пора в постель.

Суския согласилась:

— Ты прав, Вахтанг. У меня даже голова чуть-чуть кружится.

Коринтели и тетушка Текле поднялись, чтобы помочь ей выбраться из-за стола. В это время послышался лай Ахилла и вслед за этим появился шофер Ясе.

— Пришла женщина с мальчиком и очень просит доктора, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу.

— Какого доктора? — возмутился Коринтели. — Доктор сам болен, понимаешь, болен. Отправь ее, Ясе.

Вмешалась Суския.

— Как это отправь? Врач не имеет права так поступать. Нужно узнать, что случилось. Пусть войдет.

Коринтели повел плечами:

— Но ты ведь действительно нездорова.

Суския пропустила мимо ушей слова мужа.

— Попроси ее, Ясе!

В столовую вошла Нуну в сопровождении Малхаза.

— Что случилось? — кинулся ей навстречу Коринтели.

— Несчастье, — заплакала женщина. — Вот уже три дня, как мой маленький Микела задыхается, его что-то душит.

— Какая температура? — спросила Суския.

— Уже второй день сорок, он весь горит, — произнесла сквозь слезы Нуну. — Если бы ему не было так плохо, я бы вас не побеспокоила. Попыталась вызвать доктора из Кварели, но один — болен, а другой уехал на какую-то конференцию в Тбилиси. Что делать? Такая беда! Муж погиб на фронте, родственники отступились от меня...

— Как, Годердзи погиб? — встревожился Коринтели.

— Да, погиб, — глухо ответила Нуну.

— А врач был у ребенка вчера, позавчера? — спросила Суския.

— Вчера был. Думает, что дифтерит. Обещал ввести сыворотку, но вот сам свалился.

— Подождите, я сейчас, только оденусь, — энергично произнесла Суския, направилась к спальне и попросила тетушку Текле помочь ей собраться.

Майя к тому времени подала на стол жареного индюка, но все забыли, разумеется, про еду — все, кроме Малхаза, который придвинулся к столу.

Сначала он проявил любопытство к люстре.

— Зачем вам столько света, дядя? — обратился он к Коринтели.

— Чем больше света, тем лучше, мальчуган, — машинально ответил Коринтели.

— А у нас совсем нет света, — заметил Малхаз.

Коринтели уловил его голодный взгляд.

— Хочешь кушать? Не стесняйся. Вот хашлама.¹

— Нет, я люблю индюшачью ножку, — сказал мальчик, и, прежде чем ему дали ножку, он схватил со стола полный стакан вина. Опорожнив стакан, Малхаз с аппетитом принялся за индюшатику.

— Как тебе не стыдно! — прикрикнула на него Нуну и с силой потянула к себе.

Арадели шепнул дяде Нико:

— Эта женщина очень похожа на Сускию! Не находите?

— Ты прав, — подтвердил дядя Нико. — Я не раз встречал ее раньше, но не обращал внимания...

Тетушка Текле, следовавшая за Сускией, уговаривала ее:

— Не нужно тебе сейчас никуда ездить. Ты ведь еще больна. Пусть Вахтанг даст ей машину, она съездит в Телави, привезет оттуда врача.

То же говорил ей и Коринтели:

¹ Х а ш л а м а — вареное мясо.

— Я и в самом деле велю немедленно привезти врача из Телави. Тебе ехать нельзя. Дорога трудная. Да и к дому Нуну, насколько я знаю, машина не подходит. Нужно взбираться по тропинке. На дворе ночь. Подумай, что ты делаешь?

Но никакие слова не действовали на Сускию.

— Нужно! — сказала она решительно. — Ребенку нужно немедленно ввести сыворотку, иначе он погибнет. Дорога каждая минута. Как не помочь бедной женщине спасти ребенка. Я ведь сама мать.

Пытался вмешаться дядя Нико:

— Если бы я был на твоём месте, Вахтанг, я просто-напросто запретил бы своей жене ехать сейчас к больному.

— Ты забываешь, что она не только жена, — возразил Коринтели. — Она и врач, и мать... Кроме того...

Он хотел еще что-то сказать, но дядя Нико не слушал его.

— Она твоя жена, и это, я думаю, прежде всего и выше всего. Вы, конечно, можете считать меня отсталым человеком. Но как бы там ни было, я запретил бы ей ездить сейчас к больному. Она сама еле держится на ногах. Неужели вы этого не видите?!

Суския вышла из своей комнаты. Путь ей преградил отец.

— Я впервые в твоём доме, дочка, — сказал он хмуро, — и прошу тебя выполнить мою просьбу. Оставайся дома. Ведь говорит тебе муж, что он пошлет машину в Телави и доставит ребенку доктора.

Суския возразила:

— Пока привезут доктора из Телави, ребенок может погибнуть. Кто за это ответит? Ничего со мной не случится. Ты ведь сам, отец, только что говорил, что всякая работа требует самопожертвования. У каждого из нас есть свой долг. Не мешайте мне выполнить мой долг.

— Я только высказал тебе свое мнение, а ты уж, дочка, поступай, как знаешь, — отступил старик.

Суския, Коринтели, Нуну и Малхаз уселись в машину и уехали.

— Индюка-то, выходит, я жарила только для этого сопливого Малхаза, — сетовала Майя.

Прошло уже два часа, а машина не возвращалась. Лил дождь. Дядя Нико велел Майе принести зонтик и галоши. Он решил отправиться в Бермуху и разузнать, что случилось.

Тетушка Текле беспокоилась не меньше его: «Может быть, Суския почувствовала себя плохо?» И она поплелась вслед за мужем.

Зураб Арадели тоже пошел за ними.

Дядя Нико первым заметил с крыльца светящиеся фары.

— Где Суския?! Что случилось с хозяйкой? — закричала тетушка Текле, как только машина приблизилась.

Она успокоилась лишь после того, как открылась дверца, и Коринтели осторожно помог жене выйти.

— Мы, кажется, вовремя успели, — сказала Суския, облокотившись на его руку и с трудом поднимаясь в дом. — Сыворотка, вероятно, подействует. Без нее он бы погиб.

Подал голос маленький Ростом. Суския переоделась, тщательно вымыла руки и принялась его кормить. И тут она почувствовала, что с ней творится что-то неладное. немеют ноги, немеет все тело...

Профессор Шушаниа прибыл на рассвете. Внимательно осмотрев больную, он подошел к Коринтели, который грустно стоял у письменного стола в своей комнате.

— Садись,—строго сказал ему Шушаниа.

Коринтели присел.

— Откровенно говоря, я просто удивлен твоим поведением, Вахтанг. Мужчина не должен идти на поводу у женщины. Я ведь предупреждал, что ей нужно по крайней мере две недели находиться в постели. Меня крайне беспокоит, мой друг, состояние твоей жены. У нее ведь были очень тяжелые роды...

Он, как маятник, ходил из одного конца комнаты в другой.

— А что с ней теперь? — спросил Коринтели.

— Что тебе сказать? Думаю, что послеродовой тромбоз.

Важно, чтобы тромб рассосался, чтобы не образовалась закупорка коронарных артерий сердца или сосудов мозга.

И по тому, как медленно и тяжело произносил он эти слова, Коринтели понял, насколько опасно было положение его жены. Холодный пот выступил у него на лбу.

Профессор Шушаниа прописал больной компрессы, пиявки и уехал, решительно отказавшись от завтрака.

Суския то лежала в полузабытье, то спала. Ее разбудил плач ребенка, которого передали уже на попечение кормилицы. Суския с трудом приподняла веки, и тут впервые мелькнуло в голове: «Прощай, жизнь моя!».

У ее постели дежурили Коринтели и тетушка Текле. Она не сразу узнала их. Потом тихо спросила:

— Нет ли письма от Автандила?

Из глаз ее вдруг покатались слезы. Она не в силах была их сдерживать.

— Вахтанг, почему ты так далеко сидишь от меня? Придвинься.

Коринтели переставил стул.

— Побереги нашего малыша, — произнесла она, протянула ему руку, словно прощаясь, и закрыла глаза.

Потом, боясь, должно быть, забыть что-то очень важное, она отрывисто сказала:

— Похорони меня в саду... Там, под кизилковым деревом... Пусть Ростом и Бижина приходят к моей могиле...

Коринтели поцеловал ее в горячий лоб.

— Не предавайся печали, Суския, — пытался он ее успокоить. — Думай о жизни. Ты поправишься, ты ведь так нужна мне и сыну...

Она ничего не ответила.

— Выгоните летучих мышей... Они вопьются в мои волосы! — жаловалась Суския.

Никаких летучих мышей не было, но она успокоилась только тогда, когда тетушка Текле и Майя сделали вид, что полотенцами выгоняют мышей. Ночью ей почудилось, что на балкон их дома, тяжело ступая, поднялся Гео. На плече у него, как всегда, висела черная сумка. То был не Гео, а ангел смерти. За его спиной распростерлись черные крылья. Он приложил ко рту длинную трубу и зловеще протрубил: «Убит капитан Автандил Миндели».

Суския судорожно зарыдала.

На рассвете ее разбудил рев оленя. Она повернулась к окну и увидела янтарные гроздья винограда, отсвечивающие рубином плоды унаби, розовощекие персики и поздние розы. Красно-желтыми листьями

было изукрашено змеиное дерево¹ у обрыва, а на обрыве стояла самка оленя...

Коринтели и тетушка Текле находились рядом. Они дремали в шезлонгах.

«Пускай отдохнут!» — подумала Суския, но тут ей почудилось, что в комнату снова ворвались летучие мыши. Они повисли вниз головой на хрустальных подвесках люстры, потом упали к ней на кровать, впились в ее волосы, в грудь...

— Помоги, Вахтанг! — душераздирающе закричала она.

Коринтели и тетушка Текле вскочили.

Суския уже не дышала...

Коринтели вышел в сад. Он срезал все оставшиеся там розы и осыпал ими чело Сускии.

XXXIV

Нуну, вместе с другими колхозными бригадирами, вызвали в Кварели на совещание. На кого же оставить сынишку?

Маруа заартачилась: у нее, мол, износилось последнее платье, а в кооператив привезли маркизет, и ей нужно постоять в очереди.

— Присмотри за ребенком, а я привезу тебе маркизет из Кварели, — пообещала ей Нуну.

Маруа призвала в свидетели всех ангелов:

— Ни на минутку не оставлю твоего Микелу, только привези маркизет.

Но случилось так, что совещание отложили, и Нуну тем же автобусом, с которым уехала, вернулась в Бермуху.

Она пошла на отцовский двор. Собака лежала у порога. Из дома — ни звука. Кровать ребенка была пуста. Нуну решила, что ее сынишка, должно быть, у Маруа, так как Кетуа с мужем собирались уехать в Тбилиси, а Малхаз болел малярией.

Нуну хотела спросить Малхаза, но он крепко спал, и она лишь нежно погладила его по щеке. Мальчик застонал во сне и повернулся на другой бок.

Женщина поспешила к соседке.

Не переводя дыхания, поднялась она по крутой тропинке. Навстречу ей с лаем выскочила огромная овчарка.

— Маруа! — крикнула Нуну.

Но ей никто не ответил. Судя по всему, никого не было дома. Только ненавистные Нуну свиньи резвились в огороде.

Нуну встревожилась: куда могла деться эта противная Маруа? Когда заходит речь о работе в колхозе, то у нее находятся десятки причин, чтобы посидеть дома, а освободишь ее, так она и минуты не задержится на одном месте, бегаёт по селу и сплетни разносит.

За холмом живет Пело, подруга Маруа, такая же бездельница и сплетница. «Может быть, Маруа отправилась к ней и Микелу прихватила с собой?» — подумала Нуну.

Только стала она взбираться вверх, видит — идут Маруа и Пело и о чем-то беседуют. В руках у Маруа были сверток и мешок. Где же ребенок?

— Куда ты дела Микелу? — испуганно спросила Нуну.

¹ Змеиное дерево — бесплодное, дурно пахнущее растение.

— Никуда не девала, — спокойно ответила Маруа. — Он остался с Малхазом.

Нуну побледнела. У нее перехватило в горле.

— Как с Малхазом? Ты ведь обещала не отходить от него. Малхаз болен, он спит, а ребенка нет... Зря я тебе привезла маркизет...

— Я с Пело побежала за маркизетом, — оправдывалась Маруа, — да опоздала, и мы с Пело купили по десять кило соли. Ты знаешь ведь, что когда придет время резать и солить свинью, то нигде не сыщешь соли.

— Да что ты мелешь? — возмутилась Нуну. — Ребенок ведь пропал, понимаешь!

— Никуда он не денется, — махнула рукой Маруа. — Зря волнуешься.

Но маленького Микелы, действительно, нигде не было. И вместе с Нуну плакала уже и Маруа.

— А что если его забрала к себе Баблиа? — высказала догадку Маруа. — Она ведь иногда приходила посмотреть на своего племянника.

Нуну готова была этому поверить. «А может быть, и в самом деле пришла Баблиа, увидела, что ребенок один, и взяла его к себе?»

Ободренная этой надеждой, она побежала к дому дедушки Микелы. У ворот ей почудился детский плач, и лицо ее уже сияло от радости.

— Баблиа, эй, Баблиа! — звала Нуну.

Первой показалась Мгела. Она, вероятно, узнала Нуну и ластилась к ней, приветливо виляла хвостом. Нуну обняла собаку и поцеловала в голову.

Появилась Баблиа. Она и обрадовалась Нуну и удивилась. А когда узнала, что привело ее сюда, — опечалилась.

— Я не была у вас и ребенка не видела.

У Нуну совсем опустились руки.

Что же все это значит? В голову лезли разные мысли. Может быть, мстит Канкре: приехал на машине и похитил ребенка? Но она тут же вспомнила слова Маруа: «Канкре работает в Тбилиси экспедитором, живет себе припеваючи, подумывает о женитьбе». Зачем же ему нужно было связываться с ее ребенком?

А может быть, это дело рук Кетуа и ее мужа? Они ведь отправились в Тбилиси. Не взяли ли они с собой ребенка, чтобы отдать его там каким-то бездетным людям? Бывает ведь и такое.

У конторы колхоза ее нагнала жена Лалбацы — Тетро. Тетро, оказывается, тоже собиралась в Тбилиси, но в автобусе не нашлось места, и она вынуждена была отложить поездку.

— А Кетуа с мужем уехали? — спросила Нуну.

— Да, они пришли раньше меня, — ответила Тетро.

Нуну не успела рассказать ей о случившемся — ее увел к себе Тедо.

— Перестань плакать, — сказал он ей. — Слезами делу не поможешь. Я разговаривал со следователем Хидашели. Он обещал приехать по старому делу Абриа. Я потороплю его.

И он взялся за ручку телефона.

Следователь допросил всех соседей Нуну, но никто не мог ничего сообщить о таинственном исчезновении ребенка. Все твердили одно и то же: «Не видели», «Не слышали», «Не знаем».

— Ну-ка, теперь покажите вашего братца! — сказал Нуну Хидашели.

Малхаз приподнял голову и пытливо посмотрел на знакомого уже ему дядю.

— Маруа, помню, принесла ко мне мальчика, положила его и ушла. Остальное не помню.

Хидашели ласково посмотрел на него.

— Не говорила ли тебе что-нибудь тетушка Маруа?

Малхаз призадумался.

— Говорила: «Побегу в лавку и скоро вернусь», — ответил он.

— Прекрасно. И больше ничего?

— Ничего.

— И тетушка Маруа больше не возвращалась?

Малхаз причмокнул и отрицательно качнул головой.

— А маленький Микела плакал?

— Да, очень плакал.

— Долго?

— Нет, он скоро замолчал.

— Теперь скажи, после того, как ушла Маруа, не приходил ли кто-нибудь в эту комнату?

Малхаз покачал головой: никто, мол, не приходил.

— Не плакал ли после этого маленький Микела?

— Я спал, а когда проснулся, услышал его плач, но уже из другой комнаты.

— Как так? Не мог же грудной Микела сам уйти из твоей комнаты?

— Да, конечно. Я слышал чьи-то шаги и чей-то разговор.

— Чей? Припомни, — насторожился следователь.

— В комнатах было темно. Но мне кажется, что там были моя мама и дедушка Абриа. Они вместе и вышли.

Хидашели попытался закрепить это неожиданное показание и попросил Малхаза повторить его. Но тот стал тут же отнекиваться, ссылаясь на то, что у него болела голова и он, возможно, все это видел во сне.

Хидашели не отступал:

— Твоя мама и дедушка Абриа были здесь?

— Не помню, — отвечал Малхаз.

— Но плач ребенка ты слышал?

— Да, слышал.

— Он плакал в этой комнате или в той, маленькой?

— Сначала в этой, а потом в той.

Из всего сказанного трудно было что-либо понять: люди видели, как утром Кетуа с мужем садилась в автобус, уходящий в Тбилиси. Абриа, как все предполагали, находился сейчас в Горной Тушетии.

Следователь вызвал в сени председателя колхоза.

— Вот беда, наших ищеек передали военному ведомству, а они могли бы нам очень помочь в этом деле.

Тедо сказал:

— Хорошая собака-ищейка есть у профессора Коринтели. Вы ведь помните, мы ее брали у него в прошлом году. У него, правда, большое горе — умерла жена, не хотелось бы его беспокоить. Но если вы попросите, он не откажет.

— Мне как-то неудобно к нему обращаться, — ответил Хидашели. — А Коринтели, конечно, не откажет.

Тедо подумал и решил:

— Раз дело не терпит, я пойду... И Нуну возьму с собой.

На лестнице они встретили Майю.

— Хозяин работал до утра и только недавно заснул, — сказала она. — Приказано его не будить.

Тедо уговаривал ее:

— Срочное дело, понимаешь? У Нуну пропал ребенок. Нужна собака вроде вашего Ахилла. Разбуди. Я буду держать перед ним ответ.

Майя колебалась. Но слова Тедо и вид Нуну убедили ее.

Через несколько минут она ввела их в столовую. Со стены смотрел портрет Сускии. Нуну вспомнила, какой она была в тот вечер, когда, еле держась на ногах, поехала спасать ее ребенка. Глаза ее наполнились слезами.

Появился Коринтели. Он заметно похудел. Лицо у него заострилось. Он с удивлением посмотрел на Нуну, потом на Тедо.

— Что случилось?

Нуну молчала. Тедо рассказал ему о чрезвычайном происшествии. Коринтели был потрясен.

— Я обязательно пошел бы с вами, но чувствую себя плохо.

Он сам взял Ахилла на поводок и вручил его подоспевшему милиционеру.

Не прошло и часа, как вернулся Тедо и передал Коринтели, что его Ахилл никому не повинуется: он кинулся на следователя, изодрал ему брюки.

Пришлось отправиться самому Коринтели.

Когда он пришел к Нуну, Хидашели приказал милиционеру пойти в дом к Абриа и принести оттуда его ботинки или какую-нибудь одежду.

У Мао—жены Абриа упало сердце от одного только вида милиционера. И она обрадовалась, узнав, что ему ничего от нее не нужно, кроме старых ботинок ее мужа и его старой одежды.

Коринтели дал понюхать собаке старье. Потом он громко крикнул:

— Ахилл, шерш!

Пес сначала повертелся по комнате, потом выскочил в сени. Все последовали за ним.

Ахилл пробежал кривые чернохуторские улицы и тропинки, оставил в стороне колхозный сарай для саженцев, последовал к Лисьему оврагу, перешел мостик, взял подъем и вышел на шоссе. Затем он прошел мимо развалин Мамукского дворца, покружился почему-то у храма святого Георгия и зигзагами достиг Оленьего озера. Тут он, сделав круг, смело побежал в заросшее камышом болото и направился к большому дереву.

Медведи, видать, зарезали здесь корову. Кое-где валялись еще куски разодранной туши. На месте медвежьего пиршества сейчас восседали орлы. Можно было подумать, что опустели на время Кавказские горы: здесь были лысоголовые ягнятники, серые и черные ястребы... На ивах примостились вороны. В воздухе кружились коршуны и соколы. Слабые ждали, пока насытятся сильные и уступят им свое место.

Коринтели, обливающийся потом, Хидашели, Тедо и Нуну следовали за собакой.

И вот Коринтели замер. Трудно было сразу определить: явь ли это или кошмарный сон?

К зарослям ежевики скользила, подняв высоко свою приплюснутую голову, крупнейшая гюрза. Ее крохотные глазки сверкали на солн-

це алмазами. Серое ее туловище было покрыто вдоль хребта черными пятнами.

Ее увидел и Хидашели. Недолго думая, он выхватил револьвер и выпустил в змею две пули. Змея резко метнулась в сторону. Ее тело, словно подброшенное штормовой волной, взлетело на воздух и шлепнулось о землю.

Хидашели выстрелил еще раз. Извиваясь на одном месте и вздрагивая, гюрза боролась со смертью.

При звуке выстрелов всполошился лес. Вой и крики неслись из сотен глоток. А когда установилась тишина, Коринтели расслышал детский плач.

В зарослях ежевики, куда направлялась змея, плакал повернутый в тряпье маленький Микела...

Кетуа одна вернулась из города. Она бродила с завязанной головой, кряхтела и жаловалась на головные боли. Вечером она по секрету сказала Маруа, что поругалась в дороге с мужем, тот избил ее и одну бросил на улице.

Но через три дня в кабинете у следователя раскрылось нечто другое.

— Коберидзе не давал мне и мужу покоя, — показала Кетуа. — Он настаивал на том, чтобы мы выдали за него Нуну. Но для этого нужно было освободить ее от ребенка. Мы целый месяц ломали голову, как это сделать. Нам помог Абриа. Он припомнил один старинный тушинский обычай и сказал: «Будем придерживаться обычаев предков, вверим змее судьбу ребенка Годердзи».

Я с самого начала была против этого, я хотела увезти его в Тбилиси и устроить там у кого-нибудь, но Абриа сделал по-своему.

Кетуа всячески стремилась выгородить своего мужа. Но под конец призналась, что он действовал вместе с Абриа. Ушверидзе уговаривал ее: стоит убрать ребенка, тогда Нуну выйдет замуж за Коберидзе и мы легко сможем продать дом и переехать в Тбилиси.

Несколько раз почтальон Гео приносил Абриа Уджираули вызов в прокуратуру, но ни разу не заставлял его дома. Приходил милиционер. Абриа искали по всей Кахетии и в Горной Тушетии, но обнаружить его так и не удалось.

XXXV

В горах бродили не только звери, но и разного рода люди, близкие по облику своему зверям. От них, между прочим, ползли ядовитые слухи о том, что колхозы скоро будут уничтожены и вот-вот восстановят частную собственность.

Ядовитые эти слухи доползли и до Бермухи. Они кое-кому замутили голову.

— Что нам виноградная лоза? — снова слышалось на колхозных собраниях. — Овец негде пасти! Надо гнать отары на Северный Кавказ, а там — война. Выкорчем виноградные лозы и снова превратим наши земли в пастбища. А другую часть займем под хлеб и кукурузу.

Настроения эти подогревались трудностями, которые возникли в самом колхозе, — не хватало рабочих рук, мало было средств...

Новоселы — хевсуры, тушинцы, пшавы — не умели и не привыкли ухаживать за лозой. Их нужно было этому учить, и учились они с неохотой.

Нуну стала первой помощницей неутомимого Тедо. Он всегда ставил ее в пример другим женщинам, которые, потеряв на фронте близкого человека, предавались отчаянию, переставали работать в колхозе. Это раздражало их — и они окрестили ее «выскочкой», злословили по ее адресу.

Все реже и реже заглядывал на свой микроучасток и Коринтели. После смерти Сускии он находился в подавленном состоянии; забросил свою работу над книгой, ходил небритым, в неглаженном костюме и не стеснялся в таком виде ездить даже в Телавский институт.

Кормилица плохо следила за ребенком, и маленький Ростом часто болел. Коринтели вынужден был бросать всякую работу и заниматься сыном.

В доме оставалась заботливая Майя. Но с тех пор, как она потеряла на войне трех своих внуков, и ее трудно было узнать.

Тбилисский сельскохозяйственный институт настойчиво предлагал Коринтели кафедру агробиологии. Ему нужно было, конечно, изменить обстановку. Хотелось уехать. Но он не чувствовал в себе сил взяться за такую большую работу.

В один из дней приехал Цихистави. Коринтели сидел за маленьким столиком в саду и что-то читал.

Гость извинился за то, что помешал.

— Когда закончите свою книгу, Вахтанг? — спросил он.

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Горе, как, впрочем, и счастье, не способствует работе. Я так устал, что могу вот-вот свалиться. К дереву можно поставить подпорку, а с человеком что делать?

— Я думаю, что такой подпоркой для человека может служить вера в то дело, которому он весь отдается, — сказал Цихистави.

— После смерти Сускии мне опротивел даже мой собственный дом, — ответил Коринтели. — Здесь на всем следы ее заботливых рук: эти фруктовые деревья она поливала, за этими розами ухаживала... Я, как видите, впал в сентиментальность. Знаю, что это не годится. Но если человек не раскроет своего сердца ближнему, то его задушит горе.

— Все это мне понятно, Вахтанг, — сердечно произнес Цихистави, — но от вас же я не раз слышал, что сила мужчины в его умении превозмочь горе, продолжать борьбу и, я бы добавил, сохранить бодрость души.

Майя принесла вино и фрукты.

— Все это так, — вздохнул Коринтели. — И я не отказываюсь от своих слов. Но мне думается, что легче будет, если я уеду отсюда. Здесь все напоминает о ней. Свой дом и сад я отдам для сельской библиотеки.

— Не торопитесь, Вахтанг, — положил ему руку на плечо Цихистави. — Если бы было другое время. А теперь... Потерпите еще немного. Мы сломим шею врагу. Здесь поселятся десятки тысяч новых людей. Всюду — в Бермухе, Гвелети, Мамуке — зацветет виноградная лоза. Не вы ли говорили: «Любовь к родине без дела — фикция». То-то! Надо довести дело до конца.

— Правильно, — сказал Коринтели.

В его усталых глазах зажглись огоньки.

— Наша победа зависит не только от тех, кто воюет с оружием в руках, но и от нас, оставленных трудиться в тылу. Не так ли? — сказал Цихистави.

— Воистину так! — ответил Коринтели.

— Я тоже очень устал, — признался Цихистави. — Ведь я уже

больше десяти лет работаю в этом районе. Но разве можно об этом даже думать сейчас?!

Он торопливо взглянул на часы. Нужно было ехать.

Коринтели пригласил его обедать.

— С удовольствием остался бы, — сказал Цихистави, — но отары нашего района отправились в Горную Тушетю. Мне нужно быть в Алвани, а оттуда еще два дня ехать верхом.

Они простились, и Коринтели снова принялся было за книгу. Но вскоре он отложил ее, поднялся и пошел по саду. Он думал сейчас о том, что говорил ему Цихистави, думал и корил себя.

«Вот и досталось тебе, Вахтанг Коринтели. Тебя, оказывается, нужно еще учить уму-разуму. Более десяти лет, не покладая рук, трудится этот человек в районе, мужественно переносит и преодолевает тяготы и лишения. А ты здесь всего лишь два года и сделал не так уж много. Нельзя поддаваться своим интеллигентским капризам. Ученость не освобождает человека от тех обязанностей, которые возлагает на него родина».

В тот же вечер Коринтели отправил письмо директору Тбилисского сельскохозяйственного института. Он уведомлял, что в настоящее время не может покинуть Гвелети.

После отъезда Цихистави Коринтели стал собирать колхозных бригадиров и звеньевых и заниматься с ними. Его все чаще и чаще можно было встретить в виноградниках. Он тщательно наблюдал за состоянием лоз, определял, чем они больны, и учил людей, как лечить больные лозы...

Колхозницы попрощались с профессором и направились к сараю, чтобы сдать Гайозу свой инвентарь.

Коринтели шел меж рядами молодых лоз, радуясь их росту.

Ему повстречалась Нуну.

Сколько раз он видел ее в последнее время! На ней было обычно старенькое ситцевое платье. Она то таскала колья, то держала в руках секатор или распылитель, то стояла над какой-нибудь неумелой женщиной и показывала ей, как нужно подрезать лозу.

И каждый раз, встречаясь с нею, он испытывал чувство какого-то непонятного беспокойства. Ее поразительное сходство с Сускией волновало его, делало эту женщину особенно привлекательной.

Вот и теперь она находилась возле него, измазанная яркой парижской зеленью, с опрыскивателем на спине.

— Что это значит, Нуну? Ведь вы свое уже отработали, — удивился Коринтели.

— Как понимать «свое»? — ответила она. — У тетки Габедаидзе сына на фронте убили. Она не вышла на работу. А я сегодня весь день на вашем микроучастке пробыла. Сюда только сейчас поспела.

— Спасибо, — поблагодарил Коринтели, — на лозах уже сказывается ваша забота.

На следующий день они встретились у колхозного сарая и укрылись в нем от внезапно хлынувшего дождя. Как всегда, здесь был Гайоз. Он тихонько потягивал вино из кувшинчика.

Увидев Коринтели, Гайоз принес и поставил перед ним стульчик. Тот предложил его, естественно, Нуну. Но и она не присела.

— Может быть, отведаете холодного вина? — хлопотал Гайоз.

— Не беспокойся, Гайоз. Если хочешь услужить, то, будь добр, пошли какого-нибудь мальчика за моей машиной. Она стоит у почты.

Гайоз отправился на поиски мальчика. Коринтели остался с Нуну.

— Я краем уха слышала, что вы часто болели эту зиму, — первой заговорила Нуну. — Мне так хотелось вас проведать, но не посмела, стеснялась.

— Спасибо за сердечное участие, — ответил Коринтели и закурил.

— Я многим обязана вам и особенно вашей жене, — продолжала Нуну. — Если бы не она, мой ребенок погиб. А вы вторично спасли его... Если вы не возражаете, я буду иногда приходить к вам и помогать по хозяйству. Майя, говорят, слегла. Могу присмотреть и за вашим малышом. Мне теперь легче, приехала тетушка из Шилды. Она — бездетная вдова.

Коринтели был растроган.

— Благодарю, Нуну. Тетушка Текле нашла уже кормилицу. А Майя поправляется. Вы лучше расскажите, что хорошего в вашей жизни?

— Хорошего — ничего, — ответила Нуну. — Вот по ночам какой-то тип приходит и стучится к нам в дверь, — продолжала она после некоторого раздумья. — Пугает, должно быть.

Она улыбнулась. Коринтели хотел расспросить ее об этом поподробней, но явился Гайоз и передал, что машина прибыла. Следом за ним пришел Ясе.

— Посылку получил? — спросил его Коринтели.

— Она в машине, — ответил Ясе.

Коринтели сел рядом с Нуну.

— Какие-то книги прислали из Тбилиси, — показал он ей на большую связку.

Машина покачивалась из стороны в сторону. Он чувствовал временами близость Нуну, и она была ему приятна, хотелось сделать что-то очень хорошее для этой трудолюбивой и многострадальной женщины.

Проводив Нуну к дому, Коринтели пожал ее руку и сказал:

— Никого и ничего не бойтесь, Нуну! Крепко стойте в жизни. Мы обязательно поймем того негодяя, который мешает вам спать.

Вернувшись домой, он перед тем, как лечь, взглянул на портрет Сускии и подумал:

— Как необычайно искусна природа! Она может сделать двух разных и совершенно чужих людей такими похожими!

Сколько существует исключений в тех законах, которые считают неизблемыми наши биологи и агрономы.

— *Misterium magnum...*¹ — задумчиво произнес Коринтели.

Коринтели оживал. После завтрака он, как прежде, надевал свою рабочую одежду, влезал в охотничьи сапоги, клал в карман секатор и уходил до обеда.

Каждый человек, как известно, склонен к самооправданию. И Коринтели долго пытался уверить себя в том, что с ним не происходит ничего особенного, что все, как было, что Нуну вызывает в нем только чувство сострадания. В действительности же ему, конечно, хотелось заполнить ту пустоту, которая образовалась в его жизни после смерти Сускии.

Он искал встреч с Нуну, пристально вглядывался в нее, ловил

¹ Великое чудо. (Лат.).

каждое ее слово и находил, что у Нуны такой же мягкой грудной голос, как у Сускии, такой же низкий тембр, такой же переливчатый смех. Когда она поворачивала лицо к солнцу, то и глаза прищуривала, как Суския...

Возвращаясь из Телави, он торопил шофера, нетерпеливо поглядывал на часы и иногда, минуя дом, спешил к виноградникам. Если ее там не было, он волновался: «Не заболела ли? Не случилась ли какая беда?»

Встретив ее, он старался как можно дольше оставаться с ней, рассказывал ей разные новости, интересовался проведенным ею днем, делился наблюдениями, останавливался у какого-нибудь заболевшего куста лозы, срывал лист, клал его на ладонь и подробно объяснял ей, каковы признаки болезни и способы лечения.

Часто, вернувшись домой, он терзался мыслью:

«Как можно влюбиться в женщину, которая только внешне напоминает твою покойную жену? Это недостойно серьезного человека. Да и может ли быть истинным это чувство?»

Коринтели шел рядом с Нуной и делился с нею своими агробиологическими наблюдениями над химическими реакциями в почве, над метаморфозами листьев и цветов, над формированием плодов и корневой системы.

— Если помните, Нуна, в позапрошлом году, на Цихской мельнице, я говорил вам о той чудодейственной силе, которую приписывал древнегреческий поэт Гомер колхидскому вину.

Мы живем в такую эпоху, когда то, что некогда казалось сказкой, превращается в действительность.

Достойны удивления та чудодейственная сила, которой обладает виноградный плод, и то значение, какое имеет он для современной электронной техники и, в частности, для пьезоэлектронности.

Нуна ловила каждое его слово, стараясь вникнуть в их смысл. Она не знала, конечно, что такое пьезоэлектронность, и не понимала многое другое. Коринтели старался ей разъяснить.

— Если надолго оставить в сосуде виноградную мезгу, то на стенках осядут кристаллы,— продолжал он.— Их применяют для получения пьезоэлектронных эффектов. Кристаллы превращают в пластинки, снабжают их электродами, и они становятся способными ловить звуки, идущие со дна океана. Как видите, виноград — не только продукт питания.

Нуна кивнула головой.

— Мне это не приходило в голову,— сказала она.— Казалось, все очень просто: посади лозу, обрезай, опрыскивай, собирай урожай, дави вино—и все.

— О, лоза — это хитрая штука,— продолжал Коринтели.— Вон, посмотрите, полезла на персиковое дерево, сама ищет благоприятных условий для роста, и никто ее этому не учил. А вон, поглядите на те низенькие лозы. Они сами ползут, находят колья и проволоку и хватаются за них. Ловки и неприхотливы эти лозы «ркацителы», и потому-то их особенно любят в Грузии...

Когда-то, в средние века, о земле и ее обитателях говорили «misterium magnum». В переводе с латинского это значит — великое чудо. Да, так оно и есть. Все то, что постоянно происходит в природе, к чему мы привыкли, что считаем порою само собой разумеющимся, является на самом деле великим чудом.

Плод падает с дерева. Что здесь, кажется, особенного? Но Ньютон, наблюдая это, открыл закон всемирного тяготения.

— А разве этот высокий ветвистый куст лозы—не чудо?—Коринтели нагнулся и оглядел его. — Возьмите хотя бы его листья. Все они кажутся одинаковыми, вырезанными по одному образцу. А в действительности все они разные.

— Великое чудо! — повторил Коринтели. — Все, что вокруг нас, и мы сами — великое чудо, шаг за шагом разгадываемое наукой.

Взлет и падение, тождество и противоположность, тяжесть и легкость, атом и вселенная, материнство и отцовство, огромный мир, наполненный красками, звуками, находящийся в вечном движении, мир, который стал нам родным домом, где мы живем, любим и ненавидим, радуемся и страдаем, но который не можем оставить без слез, — разве все это не поистине великое чудо?!..

XXXVI

Цихистави возвращался из Горной Тушетии, и у села Абано на его машину напали бандиты. Завязалась перестрелка. Тяжелораненым оказался некто Лексо Габедаидзе, которого бандиты, бежав, бросили на дороге. Его отправили в больницу.

Спустя несколько дней в районе Оленьего озера кто-то убил самку оленя. Местные чабаны заметили в горах человека, чья голова была закутана башлыком. Трудно было издали точно определить, кто он.

Потом началась пора дождей. С утра над Дагестанской горой собирались серые тучи и располагались лагерем над гигантскими щетками ельника. Они сгущались и становились черными, похожими на путников, восседающих на верблюдах. Небо опускалось все ниже.

Просыпался мирно дремлющий Кавкасион. Чудилось, будто бы на каждой из его вершин установлена пушка и из нее палят. Канонада нарастала. Яростно гремели Кавказские горы. Казалось, что они сами обрушились на врагов.

На дороге был ранен Лексо Габедаидзе, а нашлись люди, которые передали Коринтели, что в стычке ранен Цихистави.

Коринтели чувствовал себя плохо, у него резко поднялось давление. Но он, не обращая внимания на болезнь и грозу, поехал в Кварели.

И он был несказанно рад, встретив в райкоме совершенно здорового Цихистави.

Обрадовался ему и Цихистави.

Кто знает, как долго просидели бы они за дружеской беседой (Цихистави посвящал Коринтели в дела района), если бы не раздался протяжный и резкий телефонный звонок. Цихистави поднял трубку, и сразу же на его лицо легла тень тревоги.

Из Бермухи сообщали, что какой-то злоумышленник перекрыл канал Гвелетской ГЭС, вода хлынула в Бермуху и затопила село и виноградники.

Цихистави и Коринтели поспешили в Бермуху.

Бушевала гроза, будто разверзлись хляби небесные и угрожали земле новым потопом. Ливень рушил скалы. Дорогу завалило камнями. Пришлось оставить машину и идти пешком по колена в потоках.

Промокшие до костей, прибыли они, наконец-то, в Бермуху и увидели там страшную картину: улицы превратились в мутные реки, по ним плыли доски, детские колыбели, домашний скарб...

Первый встретившийся им старик сказал:

— С утра всех здоровых мужчин послали на Алазань спасать унесенный наводнением паром. А тут — такая беда, и некому помочь.

С балконов и крыш неслись вопли детей и женщин. Старики, вооруженные лопатами, вплавь переправлялись с места на место, чтобы сделать воде проходы.

От бетонного моста остались только промежуточные опоры. Лисий овраг превратился в озеро. В виноградниках еле-еле виднелись верхушки кольев.

Нужно было немедленно открыть затвор головного канала.

Цихистави сказал Коринтели:

— Вы останьтесь здесь, а я попытаюсь добраться до плотины.

Коринтели рассердился:

— Плавать я умею не хуже вас, — и первым вошел в воду.

То вплавь, то по колено в воде он через час первым достиг плотины и открыл путь потоку.

Майя разожгла огонь в камине, но Коринтели никак не мог согреться. Пришел Ясе, уложил его в постель, напоил коньяком и горячим чаем, растер все тело водкой, но Коринтели все жаловался на холод. У него посинели губы и зуб на зуб не попадал. Измерили температуру — сорок.

Он не мог поднять головы. Она была будто наполнена свинцом.

Его приподняли и подложили под спину подушки. Вызванный из Кварели врач нашел у Коринтели воспаление легких.

Сквозь окно виднелись телефонные провода, усеянные запоздавшими ласточками. Они напоминали собой нотные знаки. Затем он увидел желто-красное змеиное дерево на краю оврага. Под ним Бижина, насторожив ушки, стояла и смотрела в пропасть.

Пробежал Ахилл и вдруг укусил ее за ногу. И вот Бижина рванулась ввысь и полетела...

Коринтели закричал, что было сил.

— Что случилось? — бросились к нему испуганные Майя и Ясе. Но он не мог шевельнуть языком.

Потом Коринтели успокоился и даже уснул.

Ясе, воспользовавшись этим, помчался в Телави за дядей Нико.

Коринтели узнал дядю Нико.

— Сына! — чуть внятно произнес он.

Дядя Нико понял и поднес к нему маленького Ростома. Коринтели поцеловал его в лоб и тихо заплакал.

— Вам поручаю, — произнес он.

Неожиданно пришла горестная Нуну.

— Это ты, Суския? — глядя на нее, сказал Коринтели. — Мне плохо... Следи за ребенком.

Речь его становилась прерывистой, сбивчивой. Он впадал в забытие.

Ему мерещилось: он и Суския лежат на мшистом валуне. Слышится соловьиный оркестр. Вдали дымчатый Кавкасион. Потом возникло бескрайнее море. Валун превратился в корабль. Вздрыбились

волны. Подобно терниям, впились в небо молнии. Огненно-дымчатый вихрь вырвался из горной вершины. Он превратился в черную, как ночь, гюрзу, которая жалом своим потянулась к Сускии.

Коринтели рванулся на помощь. Но руки и ноги его прикованы к мшистому валуну. Он силился крикнуть. Но голоса его не слышно.

Вскоре все исчезло: и море, и Кавкасиони, и Суския, и страшная гюрза...

XXXVII

Канкре арестовали в Телави, когда он, будучи пьяным, продавал мясо краденого барашка. К этому времени выздоровел Лексо Габедандзе, оказавшийся родственником Абриа Уджираули. Он, как выяснилось, был связан и с Канкре и с Абриа.

Канкре устроили очную ставку с Габедандзе. Они признали свою вину и выдали Церодену и Абриа, по указке которых действовали. Они хотели смыть водой бермухские виноградники.

Клубок преступлений был размотан. Цероденашвили задержали в Тбилиси. После недолгого запирательства он сознался в своих преступлениях. Цероденашвили ненавидел новую жизнь и надеялся на победу немцев.

На скамью подсудимых должен был сесть и Абриа. Но где его было найти?

Если бы не застарелый ревматизм, Абриа, вероятно, и сейчас не вернулся бы домой, а продолжал бы скрываться в лесу и молить святого Георгия, чтобы следователь Хидашели поскорей забыл его имя. Но проклятый ревматизм загнал его в конце концов домой.

Всюду ему чудился Годердзи. Увидев в небе самолет, Абриа в страхе подумал: «Уж не Годердзи ли это прилетел, чтобы сбросить бомбу на мой дом?» И он успокоился лишь, когда самолет удалился к Дагестанской горе.

Вечерело.

Абриа проголодался. Он ходил по двору и искал свою жену Мао. Ее нигде не было, и он, как всегда в таких случаях, всячески поносил ее, проклинал тот несчастный день, когда на ней женился, взывал к святому Георгию Квакаца и просил его ниспослать на нее всяческие беды: пусть она сломает себе шею, пусть заболит дифтеритом, пусть вечно остается алчущей и жаждущей.

— Я, гонимый, мучаюсь здесь от болезни и голода, — говорил он сам себе, — а она, пустомеля, сидит где-нибудь и чешет свой язык.

И вот старик, злясь на весь белый свет и чувствуя ужасное одиночество, решил отправиться к святому Георгию Квакаца, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз.

Как старый беззубый волк, охотящийся зимой вблизи хлебов закрытыми, воровато поплелся он меж виноградниками, опустевшими в воскресный день.

По дороге на каждом шагу он видел результаты своего злодейства: размытые и покрытые песком огороды и сады, дома, разрушенные наводнением. Не всюду еще сошла вода.

Он обогнул колхозный сарай для саженцев и быстро зашагал по тропинке.

Внезапно раздался зов:

— Абриа, Абриа!

Старик не оглядывался, он делал вид, что не слышит. Но его сигнал Гайоз.

— Куда ты так спешишь, злоязычный? Который уже день тебя ищет милиционер. Подожди!..

Слово «милиционер» еще больше подстегнуло Абриа. Тут раздались свисток, и Абриа увидел бегущего к нему милиционера.

Абриа находился у того самого оврага, который некогда так легко перемахнул олень. Овраг был залит водой. Абриа не остановился. Страх гнал его — и он бросился вниз. Абриа не был так проворен и силен, как олень. Падая, он ударился головой о выступ скалы.

В это время за оврагом шла жена Абриа Мао. Она несла домой хворост. А колхозник Джанго вез на арбе сено. Мао, увидев мужа в беде, бросила хворост, опустилась на колени перед аробщиком и взмолилась:

— Помоги старому Абриа!

Но Джанго даже не остановился.

— Нет, не проси, Мао! Абриа — человек своенравный, захотел искупаться — не будем ему мешать!

И он стегнул кнутом быков...

Через несколько минут всплыл труп Абриа.

ЧУДО ЦВЕТЕНИЯ ЛОЗЫ

Э П И Л О Г

«Возждите, дождю подобно, откровение мое, и да выступят, росе подобно, словеса мои, подобно дождю над побегом и подобно огню над сеном...»

Шли годы.

И вот окончилась война.

Многие герои этого повествования со славой пали в боях, защищая Родину. Многие, после кровавых дождей, возвратились со славой домой.

Раньше всех в Бермуху вернулся бывший мельник — старшина Соломон Гулухаидзе — он же Ниортава. Его грудь сверкала орденами и медалями. Все спрашивали его о судьбе земляков. Некоторых из них он встречал на фронтовых дорогах. Но он ничего не знал о Годердзи Эланидзе, ничем не мог утешить Нуну, дедушку Микелу, Баблию...

Нуну же совершенно поседела.

Бермуха и Гвелети тем временем поднялись и крепко стали на ноги. Чего только не сделает человеческий труд!

В Гвелети построили сотни новых домов. Открылась и сельская библиотека в бывшем доме Вахтанга Коринтели. Колхозное хозяйство наладилось, разрослось.

Как некогда, дружно цвела виноградная лоза.

У меня есть немало друзей по охоте во всей Грузии. Такими были для меня Годердзи и Соломон Гулухаидзе, он же Ниортава.

И вот в дни, когда я как раз собирался на охоту на дупелей, пришло письмо из Бермухи от Соломона Гулухаидзе. Он сообщал радост-

ную весть: возвратился Годердзи — и приглашал меня заглянуть в знакомые места.

Я отложил свои дела и поехал в Бермуху.

Прежде всего я отправился на Цихскую мельницу в надежде, что застану там Соломона Гулухаидзе. Но его, оказалось, назначили уже председателем райпотребсоюза. Пришлось идти туда.

Мы встретились как старые друзья.

Ниортава сообщил, что Годердзи не узнать. Вернулся он немым. Нуну несколько раз возила его к врачам в Тбилиси, но ничто не помогло.

Годердзи в самом деле трудно было узнать. Шрамы изуродовали его лицо. На правой руке он носил черную перчатку, из которой виднелись только два пальца.

Он очень обрадовался нашему приезду, силился что-то сказать, но вместо слов из его рта вырывались хрипы. А ведь каким он был еще совсем недавно!

— Помогите! — глядя на меня, сказал Соломон.

Я сразу не понял даже, к кому это он обращается. Но он смотрел именно на меня.

— О чем это ты, Соломон?

Он повторил:

— Помогите! Ведь слово писателя обладает чудодейственной силой. Оно вздымает и покоряет бури, превращает воду в вино и глину в сталь. Мы так оплакиваем умерших героев твоих произведений, словно они наши братья и сестры. Слово воскрешает мертвых. Оно может сделать то, чего не могут сделать ни доктора, ни лекарства, ни святой Георгий Квакаца.

— Прости, но я не достоин того, что ты мне приписываешь, — ответил я. А про себя подумал, что не так уж неправ мой друг.

Как хотел бы я сейчас владеть чудодейственным даром, чтобы помочь Годердзи!

Мы двигались группой вдоль рядов цветущих лоз. И тогда я схватил Годердзи за правую руку, потрянул ее и громко сказал:

— Оглянись вокруг. Смотри, как прекрасна наша земля после бури! Это истинный сад Гесперид. Смотри на твой любимый Кавкасион, где мы с тобой не раз охотились на медведей, волков, рысей. Смотри, как прекрасна наша Кахетия—страна лоз и роз, смотри, как прекрасно цветение лозы — сущее чудо земли!

Челюсти Годердзи напряглись, задрожали. И из его онемевшего рта словно вынули кляп.

— Да, как прекрасно цветение лозы, — тихо промолвил он.

Я и Соломон Гулухаидзе боялись утомить Годердзи, вновь обретшего дар речи. Но мы все же не утерпели и стали расспрашивать его о фронтовой жизни.

Оказалось, он тяжелораненым попал в плен, сидел в Освенциме, бежал оттуда, два года сражался в партизанском отряде Ковпака, снова попал в плен, затем в концентрационный лагерь, подвергался пыткам, умирал и воскресал. Там он стал немым.

Советская Армия освободила заключенных.

Годердзи разговаривал с трудом. Каждое слово доставалось ему с мукой, он нервно таращил глаза.

Соломон Гулухаидзе тайком шепнул мне, что дедушка Микеладзе

обязательно принесет сегодня в жертву святому Георгию Квакаца яг-
ненка. Об этом не нужно только говорить Годердзи.

И правда, в тот день под старым дубом зажарили шашлыки.

Тут были дедушка Микела, Нуну, Соломон Гулухаидзе, Хирчла
Очияури, бермухские врачи и учителя. Сынишка Годердзи сидел на ко-
ленях у Баблии.

Мы выпили за вечную память о погибших на войне героях.

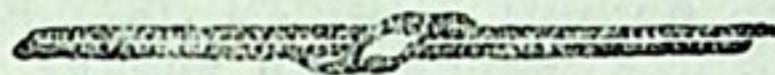
Годердзи провозгласил тост:

— Да здравствует наша страна, наш народ! У меня осталось два
пальца на правой руке, но если понадобится, то и ими я смогу стрелять
из автомата.

Дедушке Микеле казалось, что он прозрел. Обеими руками схва-
тил он подвернувшегося своего правнука — маленького Микелу и высо-
ко поднял над головой, показывая его людям, небу, солнцу.

Весело шелестел старый дуб — могучий старый дуб, который всегда
живет в моем воображении как символ стойкого и бессмертного духа
грузинского народа.

1951—1955 гг.
Тбилиси.

Георгий Леонадзе

СУДЬБЫ ГРУЗИИ

Перевод с грузинского А. Межирова

Кто изведаль, кто поведал детям
Ночь былого дня?
Кто по нашим дымным лихолетьям
Шел и пел, доспехами звеня?

Кто не загребал, не грабил, не пил
Карталинских гроздьев знойный сок?
Над страной кружился горький пепел,
Сединой ложился на висок.

Между пепелищем и потопом
Мы воздвигли стены крепостей,
На восток и юг по горным тропам
Шли встречать непрошенных гостей.

Наши недостроенные кровли
Пламя пожирало на ветру.
Реками народных слез и крови
Звали мы Риони и Куру.

Были лозы попраны хазаром,
Очаги разорены до тла,
Черный дым клубился над пожаром,
Пела половицкая стрела.

Сколько раз ценою истреблений
Враг просторы наши полонил,
Заставляя падать на колени
Возле свежерытых могил.

Из ущелий — пламя било в лица,
За спиной — кровавилась вода.
Мы в огне могли испепелиться,
Под волной исчезнуть без следа.

Но в земле, в любой и каждой пяди,
Жил бессмертья нашего исток,
И захватчик вопля о пощаде
Из души народной не исторг.

Даже те из нас, кого постигла
Злая доля жить с отчизной врозь,
Помнили, что слез в глазах у тигра
Видеть никому не довелось.

Не народ ли сам, на поле брани
Выбиваясь из последних сил,
В образе страдальца Амирани
Собственные муки воплотил?!

И правдивей не было рассказа,
Не было сказания святей,
Чем легенда древнего Кавказа
О тебе, грузинский Прометей!

Мудрость мысли нашей и десницы
На скрижалях запечатлена —
Да пребудет с нами, да святится
В поколениях будущих она!

Там в горах, где ни следов, ни тропок
Не отыщет самый зоркий взгляд,
Возникают храмы из раскопок,
Крепости в развалинах стоят.

Тяжелы и угловаты плиты,
Их поверхность серая груба,
Но узоры прочно в камень влиты —
Тонкая и точная резьба.

И непостижимая отрада —
Разглядеть на каменной плите
Тигра в тяжких гроздьях винограда,
Олененка в дивной простоте.

Рукописи прошлого листая,
На заставки пристально взгляни —
Легче легкой голубиной стаи
Вьются над заглавьями они.

До сих пор не порван, не изношен
Жаркой гладью вышитый наряд.
В тесной темноте чеканных ножен
Сабли закаленные горят.

Не назвать, не вспомнить, не исчислить,
Сквозь туман веков не разглядеть
Тех, кто заставлял дышать и мыслить
Камень, глину, золото и медь.

Плавили, чеканили, ваяли,
И, в неизвестность канув навсегда,
Даже имени не оставляли
На плодах бессмертного труда.

Так и не узнали мы доселе,
За чертой неведомых времен,
Где же, где могила Руставели,
Где Гурамишвили погребен.

Тьмой непроницаемой повита
Предков беспощадная судьба:
Кто оплакал нашего Давида,
Оценил деяния Саба?

Не оскудевал народный гений,
Закалялся в битвах, как металл.
Саакадзе на полях сражений
Вражеские орды измотал.

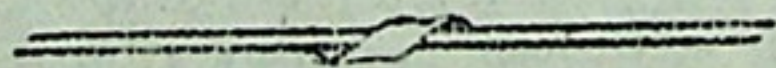
Триста арагвинцев бой неравный,
Смертный бой за родину вели, —
И сочится вечно кровь из раны,
Из Крцанисской раненой земли.

Вспомни тех, кто, яд изведав горький,
Пролил слезы у родных могил,
И в земле грузинской, как Георгий,
Надвое клинок переломил.

С прошлого не взыщешь за печали
И утраченного не вернуть!..
Враг не знал, что крылья за плечами
У народа раненого в грудь.

За плечами крылья для полета
Наш народ израненный хранил.
Это мы вдохнули в песню Шота
Чувства дружбы и геройский пыл.

Это мы прошли сквозь все невзгоды,
За свободу жертвуя собой,
Но дорога света и свободы
Стала нашей кровною судьбой.

Римма Канделаки

Швейцар из кафе «Унион»

ПОВЕСТЬ

...Моего труда в мастерской немного — только десятая доля. Главная моя работа — на улицах и в чужих домах. Я учусь жизнью. Я тружусь, глядя в оба глаза.

Художник П. ФЕДОТОВ
1840 г.

I

Утренняя заря холодным, прозрачным светом коснулась синих куполов Феодосеевской церкви и заглянула вниз — в колодцы дворов и желоба переулков.

Было очень рано.

От арки Разгонной почты еще не отправляли первую тройку. Распряженные лошади мирно жевали сено в торбах, а кучера спали.

Сонная тишина спеленала улочки и проулки, отходящие от проспекта вверх — подобно веткам от прямого ствола.

И отовсюду, в какой двор ни загляни, несся храп — могучий, богатырский, с разноголосым присвистом: ведь, как водится в этом городе, простые люди до наступления холодов спят всегда на свежем воздухе. Храпели на верандах, в ажурных галереях, на железных балконах и в глубине темных двориков. Здесь, на камнях, между бочкой с дождевой водой и стволом старого инжира, стояли тахты, покрытые истертыми паласами, и железные кровати с погнутыми ножками — и всюду храпели люди.

А мусорщик Того умудрялся ночевать на собственной тачке в любом дворе: достаточно было прислонить ее оглобли к основанию нижней галереи, подложить свернутую куртку под свою всклокоченную голову — и никакие заморозки не могли потревожить его свинцовый сон.

Собственно, холода уже подошли.

По ночам лужи у водоразборных колонок сковывало льдом. С деревьев опадали листья. пышные астры в скверах стремительно теряли цвет и чернели, словно у них была гнилая сердцевина.

Но в любое время года душно и тесно в квартире бедняка. К тому же детей всегда больше, чем коек. Приходилось укладывать ребят по двое, головами в противоположные стороны, а иногда и по трое — поперек семейного ложа. ветхая, источенная жучком мебель неумолимо вытесняла хозяев из помещений: пузатые комоды выпирали изо всех углов, кол-

ченогие столы занимали середину комнат, а кованые сундуки, набитые негодным тряпьем, стояли решительно во всех проходах. И взрослым с наступлением ночи не оставалось ничего другого, как взять скатанную валиком постель и убраться с нею на балкон или во двор.

Принято было говорить, что сон на воздухе «полезен для здоровья». О тесноте упоминать избегали.

...Примерно лет сорок пять тому назад, в холодное осеннее утро один из спящих во дворе старинного дома позади Феодосеевской церкви проснулся с рассветом.

Это был человек невзрачной внешности, чуть сутулый, с резкой складкой у рта, говорившей о привычке молча и терпеливо переносить невзгоды.

Он осторожно встал, умылся из кадки дождевой, порядочно застоявшейся, водой и расчесал пятерней волосы перед зубчатым осколком зеркала, прикрепленным к столбу деревянной галереи.

Движения его были проворны, поступь — легка и неслышна, как у юноши, а спина сгорблена, как у старика.

Напившись холодной воды из-под крана в каменной нише, человек рассовал по карманам старого пиджака папиросы, карандаши, стопки нарезанной квадратами толстой бумаги и решительно шагнул к воротам.

Мусорщик Того, покоившийся на своей тачке, словно форель на блюде, неожиданно поднял голову и пробормотал сквозь сон:

— Куда так рано, Ваню?

Человек по имени Ваню вздрогнул, хотел было ответить, но передумал и жестом успокоил Того: «Спи, спи! Потом скажу».

Убедившись, что мусорщик захрапел, человек выскользнул на улицу, обогнул Феодосеевскую церковь и вышел на просторы главного проспекта.

В пять часов утра эти просторы совершенно пустыны. Праздничный, желтый свет восхода отражался в верхних стеклах зеркальных витрин, в то время как нижние темнели омутами. Всюду, как веки спящих глаз, приспущены были плотные кремовые шторы, и не понятно, для кого лился, ширясь и розовея, этот великолепный свет встающего над городом дня: на всем своем пути до Александровского сада Ваню не встретил ни одного человека.

Нельзя же всерьез считать за живого человека неподвижного часового в мохнатой гренадерской шапке возле храма Славы: он казался чугуном изваянием рядом с пушечными ядрами эпохи покорения Кавказа, лежавшими маленькими пирамидами у ступеней.

Только птицы встречали утро. Прыгая в ветвях старых каштанов, они брали первые короткие ноты, наподобие оперных певцов, пробующих голоса.

Железная калитка городского сада оказалась приоткрытой. Два сонных сторожа убрали дорожки, сметая в большие кучи осенние листья, сморщенные, как старушечьи руки.

Ваню глянул на метельщиков. Что-то очень важное, утерянное памятью, напомнили ему сильные взмахи их рабочих рук. Вспомнил! Быстро достав из карманов карандаш, уголь и самодельный альбом, прошитый черной ниткой, Ваню присел на ближайшую скамейку и начал рисовать.

Удивительно, как меняет облик человека любимое занятие!

На изжелта-бледном изможденном лице проступил свет глубокой мысли. Тонкая усмешка заиграла под усами. Сразу стало видно: щедушный человек этот еще молод, полон сил, ума и страсти.

Сторожа, польщенные вниманием посетителя, сноровистее зарабо-

тали метлами. Но Ваню рисовал вовсе не их, и не их видел он в ту минуту перед собой.

Как это часто с ним бывало, случайное движение или поворот человеческой фигуры вызывали в его памяти совершенно другие картины.

Сейчас ожила и встала перед мысленным взором Ваню сценка, подмеченная им дня три назад на Майдане: молодой красавец-мясник зазывал в лавку пожилого покупателя. Мясник клялся и божился с веселым азартом зазывалы, которому хочется отбить выгодного клиента у соперников. Он выставил ногу, подбоченился, взмахнул увесистым куском баранины и начал сыпать прибаутками, стараясь привлечь внимание господина в котелке.

А рядом в безнадежном ожидании застыла никем не замечаемая жалкая пара: бедная женщина и ее мальчуган-оборвыш. Личия понурой спины нищенки, ее стиснутые исхудалые руки, подогнутые колени — все беззвучно стонало, молило, взывало о милосердии.

Силач-мясник и обессиленная голодом женщина!

Ваню был поражен в самое сердце, он снова и снова вспоминал эту сцену три дня подряд. Надо ее зарисовать. Необходимо зарисовать. А почему «необходимо», вряд ли он мог бы сказать даже самому себе. Такая уж судьба у него: словно кто-то навязал ему необычайный дар изображения колдовством или силой — и он, Ваню Ходжабегов, навсегда сделался его покорным слугой.

Рисовать приходилось карандашом — и всегда по памяти, но память была цепкая. Ночью, стоило положить голову на подушку, все увиденное вновь оживало в ярком и сильном движении.

...Шли процессии ремесленников, мастеровых, музыкантов. Азартные горожане затевали бой баранов на базарной площади. Любители петушиного боя стравливали двух пернатых бойцов в укромном уголке Майдана. В церкви венчали богатую пару, и обвенчанные проходили под скрещенными саблями шаферов. В тишине старого кладбища жених танцевал лезгинку на могиле отца, чтоб покойный батюшка мог порадоваться свадьбе наследника. Древние старики навеселе тащились домой после «келехи»,¹ не думая о том, что скоро придет и их черед.

Неповторимые картины! Старый город словно выворачивал перед Ваню свое нутро, недоступное чужим и пришлым: на, смотри, сынок! Запомни, пока жив. Ведь ты не какой-нибудь «гареши»², ты — свой, плоть от плоти народной.

Днем, примостившись в углу бакалейной лавки между жестянками с чаем, ящиками макарон и сахарными головами, Ваню набрасывал свой замысел на первом попавшемся под руки листке. Обычно он твердо вел линию, не отрывая грифельного острья от бумаги.

— Волшебный карандаш! — говорили изумленные покупатели, видя, с какой быстротой выступают на клочке совершенно живые, всем знакомые фигурки.

Но хозяин лавки — старший брат Ваню — Гаспар думал иначе.

Убирая по вечерам товар, Гаспар бушевал и метался — маленький, жирный, со спущенными подтяжками:

— Негодяй! Ты опять перепортил мне всю оберточную бумагу? Я строго запретил тебе рисовать на мешках, на обертке, на конфетных коробках. А ты что сделал? Позор моей жизни, несчастье моих дней, чтоб ты ослеп, чтоб тебя земля взяла! Как я буду теперь заворачивать лапшу и макароны в это дерьмо?!..

¹ К е л е х и — поминки.

² Г а р е ш и — пришлый, посторонний.

И ключья изорванных рисунков летели по комнате.

Вано терпел.

Гаспар ломал карандаши, топтал ногами альбомы, однажды ударил младшего брата костяными счетами, — но многое можно снести от чело- века, который тебя вспоил-вскормил, заменил отца, дал семье крышу.

Гораздо тяжелее терпеть холодное презрение невестки. Свинцовый блеск ее серых, ненавидящих глаз преследовал Вано повсюду. Вероятно, женщина наговаривала простодушному Гаспару о нем плохое. Проснувшись однажды среди ночи, Вано увидел, что Гаспар со свечой в руке обыскивает карманы его пиджака и брюк: ищет — не утаил ли Вано выручку.

Все можно стерпеть. Но эта обида была нестерпимой.

...Как не доверять ему, бессребренику, который, словно буйвол, работает всю жизнь для достатка чужой семьи, в то время, как его, Вано, собственные дети бегают оборвышами!

Это уж чересчур! Стиснув зубы, Вано принял решение. Навсегда запомнилось, как сообщил о нем жене: она стояла утром на красной черепичной кровле сарайчика во дворе и укладывала рядами на солнце пеке маленькие полосатые тыквы — дар деревенской родни. Тыквы своими закрученными хвостиками напоминали поросят. Вано любил глядеть на них. Он шепнул Вере, поднявшись к ней по приставной лесенке, что хочет уйти от брата. И она, маленькая, крепко сбитая женщина, молчаливая и всегда все понимающая, одобрила решение мужа немым движением ресниц. Говорить вслух оба остерегались.

Вот почему Вано встал сегодня на рассвете, ушел тайком из дому и ждет в городском саду человека, обещавшего ему помочь.

Неожиданно сознания Вано достигли чистые звуки, капелью падающие в молчание сада. Бой башенных часов вдали. Шесть, семь, восемь... Ого! Ждать осталось совсем немного. Сейчас решится судьба. Будь что будет, в бакалейную лавку он больше не вернется.

В воротах парка показалась массивная фигура седого человека в добротном английском костюме, с золотой цепочкой от часов поперек жилета и с палкой в руке. В другой руке толстяка была газета, которой он заслонялся от солнца.

По аллее шествовал важный, словно профессор, шеф-повар ресторана «Химерион» — тот благодетель, которого дожидался Вано. Он радостно и почтительно встал своему покровителю навстречу.

Поздоровались как старые друзья.

— Все сделал, — тяжелая одышка заставляла старика говорить кратко. — Место швейцара. В кафе «Унион». Рекомендацию дал. Сказал — честный человек. Семейный, непьющий. Хозяин говорит: пусть придет.

Шеф-повар выпростал из крахмальных манжет белые, пухлые руки и тяжело оперся о палку с серебряным набалдашником: переводил дух. Вано почтительно слушал.

— Жалованье, харчи, чаевые. Все, как полагается. В обиде не будешь. Форму наденешь. Фуражку даст. С золотым галуном. — Оба усмехнулись. — Одно прошу...

В наступившей тишине чирикнула птица.

— ...Как друг прошу: не рисуй!

Вано вздрогнул, даже оглянулся, недоумевая: может быть, это относится не к нему или он ослышался?

— Пока не рисуй. Обожди с художеством! Оно никуда не уйдет, а место... может уйти.

Старик смотрел прямо в душу лукавыми голубыми глазами. Отеки делали старческое лицо мягче и добрее, чем оно было на самом деле.

Вано ощутил ледяной холод в спине. Знакомое чувство: будто спал, видел хороший сон, а его грубо, пинком, разбудили.

Шеф-повар успокаивал приятеля отеческим тоном, тщательно выбранными аргументами. Швейцар — это совершенно то же, что царский камергер: работы никакой, а пачету много. Другой такой чистой, легкой должности во всем городе не найти. Да и разве не знает Вано, как трудно в наше время с работой? Тысячи людей голодают, бродят по городу, ищут хоть какого-нибудь заработка. Семейному человеку за такое предложение надо крепко ухватиться.

— Семья, Вано, семья — корень жизни! Все для семьи. Я, например, старый, больной, мне семьдесят, а я пятый десяток лет стою у плиты: у меня дети, внуки; надо всех одеть, кормить, учить, женить...

Старики любят давать советы, не замечая возраста собеседника, не считаясь с чужим опытом. Повар советовал Вано не раздражать хозяина, не привлекать его внимания, ничем не выделяться и «быть таким, как все». На это особенно напирал: будь такой, как другие.

Яркая и живая стариковская речь плавно лилась и журчала, а складка горечи все резче обозначалась у губ Вано. Как-будто сам он не знал наизусть всю эту науку смирения, мудрость приспособления! Зачем учить ученого? С молоком матери всосано, колотушками старших вбито. Но было чего-то нестерпимо жаль: жаль хорошо начавшегося дня, жаль рабочей зарядки, вдохновенья. Рисунок «В мясной лавке» был великолепен, сам это чувствовал. Он мог бы работать с таким увлечением еще и еще. Мог бы сделать сегодня многое. Мог бы... А нужно ли это кому-нибудь?

Резко встал:

— Ничего не поделаешь, батано,¹ ваша правда. Старые люди говорят: что на лбу написано, того не сотрешь. Мне на лбу написано — быть слугой. Так что ж, пошли наниматься в швейцары!

II

Шарль, собственно, не был хозяином кафе «Унион», он — как это называлось в старину — «вошел в пай».

Но умение вести дела, коммерческая хватка и внушительная фигура, облаченная в великолепный костюм, незаметно поставили г-на Шарля выше подлинного владельца «Униона». Настоящий хозяин — болезненный, желтолицый человек в цилиндре — почти не появлялся в кафе. Про него втихомолку сплетничали: боится своего компаньона, «околдовал» его Шарль, опутал!

Персонал «Униона» — кельнерши, повара, посудницы — опасался «Карла Ивановича», как огня: он умел подчинить себе человека одним взглядом темно-голубых навывкате глаз. Г-н Шарль не кричал, не сердился, каждому говорил «вы», но люди знали — от взгляда этих выпуклых, как оптические стекла, глаз ничего не скроется и ничто не будет прощено.

Раз в неделю, после закрытия кафе, г-н Шарль прохаживался ротмистрским шагом перед строем людей в белых передниках и объявлял взыскания:

— Клара сегодня заставила ждать клиента более пяти минут. В следующий раз — расчет. Нелли опять разбила блюдечко — вычет в пятикратном размере и предупреждение. Повару Шакро за несвежее яйцо в сабайоне — последнее предупреждение.

¹ Б а т а н о — господин, сударь.

Зато другого такого нарядного, сверкающего кафе, пожалуй, не было во всем городе!

Натертый паркет отливала густым янтарным блеском, на мраморных столиках в бокалах трепетали живые розы, высокие зеркала отражали тонкие фигуры официанток в черных платьях и крахмальных «петушиных гребешках» на завитых головках.

Здесь бесшумно двигались, никого не заставляли ждать, всем угождали.

Посетителям подавали мороженое в запотевших мельхиоровых вазочках, «санде» — воздушное сочетание сбитых сливок и клубники, румяные пирожки с хрустящей корочкой и рисовой начинкой. Но настоящей гордостью заведения был ароматный кофе, приготовляемый пятью способами: по-венски, по-варшавски, по-турецки, по-рижски и, наконец, по рецепту г-на Шарля, «кофе Унион» — вязкий и черный, как мазут: к нему полагались крошечная рюмка коньяку и стакан ледяной воды впридачу.

Кафе всегда было полно народу. В воздухе стоял густой запах косметики, духов и кондитерской.

«Карл Иванович», он же г-н Шарль (национальность его никому не была известна, на расспросы обычно он отвечал туманно: эльзасец), прохаживался по залу и приветствовал почетных гостей — военных, чиновников — изысканным поклоном. Короткие, как тюленьи лапы, руки Шарль закладывал за спину.

Твердый взор эльзасца отражал глубокое удовлетворение. Лишь изредка омрачало его одно-единственное тревожное сомнение: г-ну Шарлю не нравился новый швейцар. Какая невзрачная фигура!

Если б не ходатайство шеф-повара соседнего ресторана «Химерион» (уважаемого старика, которому г-н Шарль задолжал кругленькую сумму), никогда не позволил бы он себе взять на службу такую жалкую личность! Швейцар должен быть представительный, крупный, грудь — колесом, усы — пистолетом. Швейцар — живая вывеска заведения, его столп, его защита. Швейцара должны опасаться забулдыги, бродяги и пьяницы, а также те молодые люди в коротких брючках, привыкшие бегать от долгов и уходить, не заплатив, каких развелось в городе подозрительно много. **Наблюдение** — вот для чего нужен швейцар, а не только, чтоб дверь отворять!

А этот замухрышка с шафрановым лицом малярика, по-видимому, сам робел перед всеми и стушевывался в роскошном вестибюле кафе. Было еще одно, неприятное г-ну Шарлю, обстоятельство: нового швейцара окружала неуловимая и непонятная атмосфера внимания. Замухрышку почему-то дружески приветствовали молодые поэты, художники, второразрядные актеры и музыканты. Как раз та часть публики, которой г-н Шарль, глубоко ее презирая, не мог доверять: ведь недаром в 1905 году Шарль, сторонник царского престола, натерпелся отчаянного страха. Бомбы, покушения, прокламации, стрельба.... Десятилетие прошло с тех пор, но предубеждение осталось. Однако новый швейцар не был из «той» среды. Тут г-н Шарль судил безошибочно. Когда посетители давали на чай, «замухрышка» принимал, благодарил и снимал фуражку.

Никакой смутьян, никакой бунтарь так бы себя не повел. Да и по тайно наведенным в полиции справкам тифлисский мещанин Ваню Ходжабегов числился мелким бакалейщиком, никаких политических грехов за ним как будто не значилось.

ИЗ РИСУНКОВ ВАНО ХОДЖАБЕГОВА

Վանս.

Шел горячий спор...

Сплавч-мясник и обессиленная
голодом женщина с мальчуганом.

...Обвенчанные проходили под
скрещенными саблями шаферов.

Шли процессии
ремесленников, мастеровых,
музыкантов.

Древние старики навеселе
тащились домой после
«келехи».

Азартные горожане
затевали кулачные
бои...

Но все-таки г-н Шарль твердо взял себе на заметку: в случае малейшей провинности—выгнать!

...Поздно вечером директор-распорядитель (как он любил себя именовать) удалялся домой — вкушать покой в кругу семьи. Тогда кафе «Унион» меняло облик, в его стенах становилось уютнее, веселее.

Стекла витрин по-зимнему плакали крупными слезами, когда, незадолго до закрытия кафе, в него неожиданно вваливалась шумная ватага «своих». Молодые люди в мятых шляпах и распахнутых пальто, из-под которых виднелись небрежно повязанные красные и зеленые шарфы, громко смеялись, показывая здоровые зубы, и по-хозяйски занимали столики. Они первым делом крепко пожимали руку швейцару и спрашивали его, чем он их сегодня порадует? Нет ли новых работ?

Да, так и говорили — «порадует». Непостижимо!

«Ради таких минут стоит жить», — думал Ваню.

Ради них можно было терпеть томительные двенадцатичасовые дежурства у зеркальных дверей, боль в пояснице и ногах, двугривенные, подаваемые двумя пальцами, наглый окрик какого-нибудь адьютанта:

— Эй, швейцар! Сбегай-ка за извозчиком!

Стоило ли помнить об унижительных мелочах, когда сейчас его, как равного, приглашают присесть за столик и окружают добродушным, почтительным вниманием настоящие люди?

Чуть дрожащей рукой выкладывал швейцар свои рисунки на мраморный столик.

Кудлатые головы тотчас тесно сближались в круг, и Ваню слушал, как слушают музыку, нарастающий гул смеха и одобрения:

— Смотрите-ка, «криви». Настоящий «криви» — кулачный бой на Майдане.

— Нет, на Авлабаре.

— Нет, в Навтлуги.

— Да стоит ли спорить! Важно, как это изображено.

— Удивительное зрение у Ваню! Зорко он видит, наш скромный друг. Видит то, мимо чего мы ежедневно равнодушно проходим: молодость старого города, веселье, бессмертие и силу простого народа. Да какой же это «старый» город? Ветхи здания, народ вечно юн. А как это сделано, смотрите...

Тут вдруг все начинали говорить сразу и непонятными Ваню словами: «искусство композиции», «динамика», «ракурсы», «экспрессия», «кроки». Художники перебивали друг друга, вскакивали и горячились. Иной, желая лучше пояснить свою мысль, окунал палец в знаменитый кофе и рисовал на мраморной доске причудливую линию.

И вдруг все бурно аплодировали очередному оратору. Тот, сдвинув на затылок мятую шляпу и вытирая пот со лба, отпускал резкое словечко по адресу богачей:

— Наши спекулянты нефтью, — говорил он, — воображают себя меценатами, за бешеные деньги покупают картины за границей, а не ценят и не понимают таланта своего народа...

— Взять Ваню, к примеру! — говоривший клал руку на плечо швейцару, — разве не мог бы он стать нашей гордостью и нашей славой, если б какой-нибудь Рябушинский, Манташев или Лианозов поддержал его?

— Правильно, Георгий. Bravo, Шарбабчян!

И гости шумно аплодировали.

Вано смиренно сидел рядышком. Его костлявые руки покойно лежали на коленях, озябшее сердце отогревалось в тепле дружеских улыбок. Он принимал за шутку то, что говорилось о Лианозовых и Манташевых; это же были полубоги, перед которыми заискивали даже министры, даже великие князья. Хозяева нефти, воротилы политики! Но художники желали Вано добра, и он мечтал лишь об одном — чтоб счастливые вечерние минуты тянулись подольше. А когда часы били половину двенадцатого ночи и шумная ватага поднималась, начинала прощаться со швейцаром, тот застенчиво совал свои рисунки в карманы уходящих:

— Возьмите, возьмите на память. У меня много...

(Как знать, может быть, один из его новых друзей повесит рисунок, изображающий кулачный бой — «криви», на стену своей мастерской, и тогда работу Ходжабегова станут рассматривать другие посетители — настоящие люди, понимающие толк в искусстве! Разве не в этом его, Ходжабегова, единственное счастье?).

Только один завсегдатай кафе, огромный и сумрачный художник Гоги Зазнашвили никогда не присоединял своего голоса к хору одобрений, хотя ценил работы Вано не меньше других. Оставшись вдвоем с Вано, с суровостью друга рубил безжалостно:

— Что пользы от разговоров? Говорят, говорят. А время уходит. Тебе нужен учитель. Строгий, злой, настоящий. Чтоб поправлял, чтоб требовал и указывал, как дальше быть.

Однажды, мрачно глядя на оробевшего швейцара с высоты своего огромного роста, Гоги предложил: в ближайшее воскресенье оба пойдут к Склифасовскому. «Маэстро» уже предупрежден, он ждет Вано.

Гоги сказал это пасмурным зимним вечером, когда официантки гасили огни, а мальчик-посыльный с грохотом запирали железные створы. Но даже и в полумраке гардеробной было заметно, как побледнел швейцар. Губы его беззвучно шевелились, на лбу выступил пот...

К Склифасовскому!

У Склифасовского была лучшая художественная школа в городе. Некоторые его ученики стали именитыми людьми, имели собственные мастерские, ездили за границу. Их полотна выставлялись в галерее, про них печатали в газетах. Смеет ли он?..

Гоги сумрачно наблюдал смятение приятеля, читал его мысли, как открытую книгу. Сейчас Вано мысленно советуется с женой, подсчитывает стоимость уроков, прикидывает, во что обойдутся краски, кисти, холсты, бумага и — готов наотрез отказаться. В какой это русской пьесе Гоги слышал: «О бедность, бедность, как унижаешь ты сердце нам!» Ведь он и сам прошел через это. Сын рабочего, выросший на сухом хлебе с сыром, Гоги знал цену копейке. Сомнения бедняка Ходжабегова были ему слишком хорошо понятны.

Смуглое лицо художника осветила улыбка, он схватил понурые плечи приятеля своей медвежьей лапой:

— Эх, брось считать, Ванечка! Брось раздумывать! Не знаешь ты добряка Склифасовского. Таких, как он, мало на грешной земле. С немущих ничего не берет, даже еще сам кое-кому помогает. Он и меня даром учил.

* * *

...Преподаватель рисования и живописи Николай Васильевич Склифасовский встретил друзей приветливо. Просмотрел рисунки Ва-

но, посвистал радостно, обласкал его и велел обязательно приходить по вечерам — заниматься в классе природы. Разумеется, бесплатно.

ЭЛН 136740
3034010133

III

В конце зимы заболели дети.

Ящик для угля опустел. Топить стало нечем. В квартире Ходжабеговых поселилась сырость: за ночь тряпье в доме становилось липким. По утрам детское белье приходилось просушивать во дворе на веревке, а башмачки вообще никогда не просыхали. По ночам многоголосый кашель сотрясал койки.

Вера слегла.

Всю зиму женщина превозмогала боли в пояснице. Прикладывая волчью шерсть и обматывая трижды теплую шаль вокруг туловища, она, еле передвигая ноги, ходила к богатой родне в Сололаки — стирать белье. (Это называлось «помогать в хозяйстве»). Но перед великим постом и ее скрутило. Характер Веры изменился: теперь она часто плакала, осыпала мужа упреками, проклинала бедность, жалела, зачем вышла замуж за нищего. Пропадает ее красота, ее молодость, ее сила!

...Тогда Ваню, нахлобучив картуз, отправлялся чуть свет в другой конец города — к Ивану Карамановичу, семидесятилетнему торговцу шерстью. Друг покойного отца, старик не раз выручал семью Ходжабеговых из беды.

Погруженный в невеселые думы, Ваню шагал, опустив голову, по кривым переулочкам Армянского базара.

Была оттепель. Жидкая грязь затопляла мостовую.

...Навстречу попадался франт-карачохели с перетянутой талией и петушиной походкой, и Ваню вежливо сходил на мостовую: его прочные, из буйволиной кожи чусты не боялись грязи, в то время, как человеку, обутому в щегольские азиатские сапожки нельзя и ступить в жидкое месиво. Двоим же на базарном тротуаре — не разойтись. Значит, уступить должен Ваню.

Но на мостовой Ваню то и дело получал крепкие толчки в бок... С криком «окш! окш!» его обгоняли погонщики ослов, груженных углем и мелкими дровами. Торопливо шли крестьяне из окрестных сел с тяжелой ношей на спине. За ними семенили крестьянки, сгибаясь под тяжестью корзин, из которых несло клохтанье и гогот пернатого товара. Рысцей бежали парнишки, неся на спине плоские бочонки с вином, испятнанные фиолетовыми подтеками. Все спешили к рыночной площади. Дорог час, дорога минута!

Холодный луч солнца пробился сквозь войлок туч. День обещал распогодиться.

Ваню свернул в сторону. Сегодня ему невтерпех наблюдать то, что раньше он так любил: оживленные группы мокалаке — горожан вокруг живого товара — надменных индюшек, визгливых поросят и грязно-белых барашков, лежащих прямо на земле; азарт торгующихся; игру страстей на лицах. Тяжело видеть предпраздничное веселье, если ты не можешь сам ни купить, ни продать!

А румяные яблоки зимней лежки, связки бледно-лиловых чурчхел, груды смуглых каштанов и ожерелья кирпично-красных ягод «унаби» только лишней раз напоминали Ваню, что его дети сегодня ничего не ели.

Пошел было Банным переулком: навстречу попался мулла с лицом

умного царедворца и четками в сухой руке. Ваню остановился и незаметно сплюнул. Известно. — если идешь занимать деньги, то лучше не встречаться с попом.

Поднялся в гору извилистым подъемом, вымощенным крупным булыжником. Улицы больше не было: чередой шли ступени, тесные площадки и — снова ступени.

Постучал в подъезд старинного дома с веерами цветных стеклышек в окнах и галереей, повисшей над обрывом.

От соседства ли облаков, оттого ли, что город потонул глубоко внизу, — тишина стояла необычайная.

Слабый голос крикнул с галереи, что Иван Караманович болен, встать не может и надо пройти двором.

Прошел двором, где стригли баранов и мочили шерсть в чанах, шагнул в темную, пахнущую мышами прихожую. Желтый, колеблющийся свет свечи просачивался в дверную щель.

Хозяин лежал в постели.

Ставни, закрытые на засов. Полумрак пустой комнаты. Глиняный кувшин возле одинокого ложа и одинокий старый человек в войлочной шапочке на блестящем черепе, поднявший костлявую руку, чтобы приветствовать гостя, — все заставило сердце посетителя тоскливо сжаться.

Но первые же слова Ивана Карамановича показали, что о смерти в этом доме и не помышляли:

— Ты читал, Ваню, что пишут газеты про германского царя?

На стеганом одеяле лежал смятый газетный листок. Ваню снял картуз и почтительно присел на краешек стула. Он знал: о деле сразу заговаривать не подобает. Сперва предстоит выслушать длинную речь о зазнавшемся германском кайзере и президенте Пуанкаре. Почтенный торговец обрадовался приходу Ваню: есть с кем поделиться мыслями о текущих делах государственных.

— Падает престиж Российской империи, Ванечка! Нет больше настоящих государственных деятелей с тех пор, как умер граф Витте. Ты знаешь, что такое престиж? Это как кредит в торговле, как добрая слава фирмы. Нету его. Нету. Обанкротился торговый дом Романовых, и нет ему нигде доверия...

Старик злорадно хихикнул.

Ваню дивился про себя этой живости ума: прикованный жестоким ревматизмом к постели, семидесятилетний старик был в курсе всех последних политических событий, судил о европейских делах тонко и здраво.

— Быть войне, Ваню. Туго придется тогда великой русской империи! Японец бил — грянул 1905-й год. Герман побьет — что еще грянет?

Приступ боли заставил старика умолкнуть. Заохав, он принялся растирать колени. Тогда Ваню откашлялся и скромно изложил свою просьбу.

Иван Караманович глянул блестящими из-под мохнатых бровей глазами, что-то припоминая: а правду ли люди говорят, будто отец большого семейства швейцар Ваню Ходжабегов поступил... учиться в школу рисования? Сколько же ему лет?

— Ты прости старика: сам крестил, сам забыл.

Покраснев до пота, до слез, Ваню пробормотал, что идет уже четвертый десяток. Старик пожевал сухими губами — не поздно ли? Ваню потупил голову. Иван Караманович в раздумье вытащил из-под жесткой, обтянутой полосатым джеджином подушки огромный извозничий кошелек и не спеша отсчитал несколько зеленых бумажек и одну красненькую.

— Эх, Ванечка! Было бы у тебя в руках настоящее ремесло, не пришлось бы тебе стоять у дверей швейцаром. Если бы ты лет двадцать назад вступил в амкар¹, все равно какой, скажем, в амкар маляров, был бы ты давно уже мастером. Мастер малярного амкара! О! Это много. А сейчас ты кто? Вроде как бы никто. Рисующий человек — и только! Разве рисовальщик может быть мастером? Пхе!

Зажав в кулаке деньги, старик пустился в любимые свои воспоминания. Амкары — да, вот это была сила! Все, бывало, считались с амкарами. Даже губернаторы, даже наместники царя не могли не считаться с ними: ведь десятки тысяч ремесленников объединяло амкарство.

Старик вспомнил знаменитый бунт амкаров в 1863 году, страшный бунт, когда десятитысячная толпа ремесленников, возмущенных новым, несправедливым налогом, вылилась бурным потоком на улицы большого города, окружила дарбази² богачей, выволокла на улицу сборщика податей и избила его до смерти. Сам Иван Караманович безусым юным парнишкой толкался в разъяренной толпе. Страшен гнев амкаров! У-у, как ревели медные глотки оружейников и шорников, сапожников и мясников! Гул стоял, как при землетрясении...

— И что же? Никто не посмел тронуть амкары. Казаки — и те стреляли в воздух!

Старик бил кулаком по одеялу, брызгал слюной.

Вано терпеливо, в сотый раз, слушал знакомые воспоминания.

Помянул крестный отец и славные дедовские обычаи. Когда Ивана Карамановича торжественно перевели из подмастерьев в мастера, он получил на публичной церемонии от старшины амкара три священных пощечины. Признаться, он еле устоял на ногах: тяжелая была у мастера рука! А потом шерстобиты всей общиной — двести человек — три дня кутили в садах Ортачала. Ух, в-ва! Это был пир! Жареные индюки, цыплята, вино! Вот как водилось в старину! Зато не было ничего на свете крепче братства ремесленников: все за одного, один за всех.

Свеча затрещала, стала гаснуть...

Глядя на оплывающий стеарин, неожиданно и без всякой связи припомнил старик, как в 1909 году в глубокой печали и скорби провожала Грузия любимого Илью Чавчавадзе в последний путь. Старик нарисовал картину похорон великого поэта: слезы тысяч людей, черную парчу, серебряные ленты венков. Часами длилось шествие, не было ему конца. А кто шел впереди всех, со знаменами в траурных чехлах? Амкары шли впереди всех, высоко держа свои стяги! Первыми шли амкары за гробом Ильи Чавчавадзе — вот в каком почете у народа было амкарство, ремесленники!

Старик всхлипнул и отер слезу:

— А сейчас?.. Пхе!

Он с презрением, со злобой сплюнул. Старшины-устабаши притесняют мелких работников, а с богатых взятки берут — помогают тому или иному денежному тузу пройти на выборах в тифлисскую городскую управу. Всевозможные пройдохи используют амкарство в своих целях, не скупясь на взятки.

¹ Амкары — ремесленные объединения, существовавшие вплоть до Октябрьской революции. Расцвет амкарств был в XVII—XVIII веках. Во второй половине XIX и начале XX века, когда фабричное производство вытеснило кустарную промышленность, амкары постепенно захирели и утратили свое значение.

² Дарбази — дворец.

«Сам» Мирзоев, взяв Сальянский рыбный промысел на откуп, присылает амкарским старшинам по арбе рыбы — два раза в год; покупает их голоса. Богачи Тамамшев, Карганов ссужают амкарским заправилам крупные суммы денег безо всяких процентов. Думаешь, зря? Шайтан разберет эти запутанные дела, рука руку моет!

— Ничего не осталось от прошлой чести, строгих правил и доблести амкарства. Нас унизили, в грязь втоптали богачи...

Старик круто оборвал речь, сунул скомканные кредитки в руку гостя:

— Возьми: здесь хватит на врача для Веры и на каурму¹ для ребят. Но послушай старика: оставь ты эту свою школу рисования, не позорь седины! А я посоветуюсь с нотариусом, может быть, и сумею включить тебя в мое завещание, выделить тебе частицу наследства. Ты же крестник мой. Эх, близок, близок конец!

Он застонал и умолк.

Вано низко поклонился старику.

Знал: из доброго пожелания ничего не выйдет — огромная, жадная родня, ревниво стерегущая завещание торговца шерстью, не допустит оторвать кусочек. Но Вано умел быть благодарным за теплое слово, пусть и не давало оно никакой выгоды.

* * *

Обратно шел мимо гигантского караван-сарая. Во всех этажах торгового здания, словно осы в сотах огромного улья, сновали люди: торговцы-оптовики, покупатели, перекупщики, а во дворе караван-сарая несколько здоровенных парней-кузнецов, свалив на землю стреноженных буйволов, набивали им подковы на черные мохнатые ноги.

Ковка буйволов! Великолепное зрелище.

Согнутые выи, могучие рога животных говорили об их неодолимой силе. Но человек, как всегда, оказывался хитрее. И вот буйволы опрокинуты, связаны, беспомощно лежат на земле. Размах мускулистой руки кузнеца, вооруженной молотом, понравился Вано своей удачью. Он замер на месте, прищурился и нацелился, как охотник.

Все наставления Ивана Карамановича мгновенно испарились из памяти.

Это надо нарисовать! Обязательно надо нарисовать! Сегодня же нарисует и — отнесет Склифасовскому, будь что будет.

IV

По вечерам классы художественной школы Склифасовского были переполнены.

Рисовали всюду: в двух больших комнатах студии, на стеклянной веранде и даже в прихожей. Большие лампы под рефлекторами рассеивали сильный и ровный свет. Натурщики бесшумно входили, раздевались за ширмой и поднимались на дощатый помост, покрытый ковром. Их мускулистые торсы, облитые глянцевитой кожей, низкие лбы и вьющиеся крупными завитками смоляные волосы были ярко освещены со всех сторон.

Казалось, на помосте движутся ожившие античные статуи, послушно принимая указываемую позу. Иногда преподаватель подходил, менял положение руки или ноги живой природы.

¹ Каурма — блюдо из баранины.

В прихожей, где стены были сплошь увешаны гипсовыми масками и мертвенно-белыми слепками носов, ушей, рук и ног, за мольбертом работал крошечный гимназист: прилежно срисовывал огромную голову Геркулеса.

А на веранде позировала дряхлая старуха. Она сидела в кресле, старинная шаль водопадом струилась по ней до пят. Извечный образ старости — борозды морщин, пятна на впалых щеках, запавший темный рот, впервые изображенный Рембрандтом в теплой, человеческой его красоте, особенно привлекал молодежь: старуху рисовали человек двадцать.

Учитель время от времени подходил к рисующему. Протискиваясь тяжелой фигурой между тесными рядами стульев, этюдников и колен, он делал вполголоса замечание. А иногда он большим пальцем проводил на плотной бумаге воображаемую линию, и ученик, отстраняя от себя рисунок на расстояние руки, прищуриваясь, искал незаметную для себя, но увиденную глазом мастера ошибку. В классе царила полная тишина, нарушаемая лишь скрипом угля или шорохом разворачиваемой бумаги.

Обычно запоздавшие, не найдя места на вешалке, сваливали за просто верхнюю одежду на сундук в прихожей и неслышно проскальзывали в классы.

Позже всех приходил Ваню Ходжабегов.

Ему удавалось изредка, не чаще двух раз в неделю, найти себе замену в вестибюле кафе «Унион»: на посту его сменял мальчик-посыльный, а делалось это все в тайне от г-на Шарля, который по вечерам в кафе не бывал, — при молчаливом сочувствии официанток и работников кухни. Тогда Ваню, чувствуя себя свободным, торопливо пускался в дальний путь через весь город, туда, на Андреевскую улицу.

Горькие и радостные вечерние часы!

В студию входил на цыпочках, словно в храм, и с порога охватывал любовным взглядом ряды молодых голов, обращенных к нему в профиль. Секунду он любовался работой молодых — мужественным, смелым жестом одного, тщательной и точной манерой другого. Потом, смиренно опустив глаза, проскальзывал в свой уголок.

Здесь Ваню Ходжабегова ждали неоконченный рисунок и модель. Увы, все тот же кувшин! Ибо, сколько ни бился Ваню, у него с живой натурой ничего не получалось.

Да и с мертвой натурой дело шло плохо.

Не имея первичной подготовки, Ваню терялся; он не мог, не умел передать в рисунке пропорции и характер модели, выявить тушевкой ее форму, пользоваться светотенью. «Вот перед тобой кувшин. Чтобы изображение не было плоским, чтобы выявить объем кувшина, возьми да растушуй», — говорили ему.

Это казалось азбучно просто. Но он не знал, как это делается!

Тогда сам Склифасовский подходил к нему и, взяв карандаш из рук Ваню, терпеливо растушевывал робкий, неумелый рисунок.

Грузный, похожий на запорожского казака, Николай Васильевич Склифасовский имел привычку закусывать ус во время работы. Растушевывая, бормотал:

— Плоховато, сударь мой, плоховато...

А Ваню глядел на большой выпуклый лоб, на мягкие, обвисшие усы и думал про себя, что такое лицо он мог бы зарисовать без всякой светотени, без растушевки — все равно, вышло бы похоже!

Почему же здесь, в студии он терпел неудачу? Отчего не мог он

пользоваться теми же средствами, что и другие? И к чему тогда ученье, если он, Ваню, не способен от него ничего взять? Недели шли, успехов было мало, очень мало, до обидного мало.

От горьких сомнений, от грызущих мыслей Ваню Ходжабегов вконец исхудал. Лицо его приняло землистый оттенок (не знал, что шутники студии давно втихомолку рисовали его костлявым Дон-Кихотом, печальным Мефистофелем и даже просто тараканом).

Ваню не сдавался. Месяц за месяцем упрямо ходил на занятия. Если он ни на что не годен, так пусть ему это скажут другие! Сам он слишком привязан к студии Склифасовского, дорожит встречами с друзьями, рад дышать воздухом искусства и не в силах от этой радости отказаться...

Обычно в конце вечера дородная дама — жена художника появлялась на боковой галерее, дребезжа колокольчиком, что означало: одиннадцатый час, занятия окончены. По домам!

Наступала веселая суэта. Античные статуи срывались с помоста и, топоча босыми ногами, бежали за ширму — покурить, одеться. Молодые люди вскакивали, расправляли спину и разминали ноги.

Одни показывали друг другу работы, другие ревниво прятали их, повернув доски к стене. Если никто не подходил к Ваню Ходжабегову, — он чувствовал в этом обидную для себя деликатность: значит, его щадят, дают возможность скрыть от чужих глаз свою неудачу! Если же подходили, он краснел и в ответ на каждое замечание с виноватым видом быстро кивал головой.

Самый юный и самый одаренный из всех, красавец-мальчик Зига (Сигизмунд) Валишевский не мог скрыть веселого любопытства, искрящегося в мальчишеском задорном взоре. То и дело, вытягивая шею, посматривал он в сторону Ваню и еле сдерживал улыбку. В самом деле, зачем ходит сюда этот «старый», с седыми висками человек в одежде простолюдина, если он, сколько с ним ни бьются, не в состоянии нарисовать правильно то, что удается в гимназии даже девчонкам: кувшин, обыкновенный кувшин!

* * *

— Ходжабегов, останься. Я должен с тобой поговорить.

Ваню дрогнул: вот оно! Наступила минута, которой он боялся. Склифасовский стоял над ним, не по обычному строгий. Он держал в руке несколько ученических работ Ваню: плоские кувшины, кривые гипсовые головы... Потерянное, убитое даром время! Сам видел до чего плохо сделано, теперь он еще и услышит об этом. Что ж, он готов.

Стиснув зубы, Ваню прошел в кабинет Николая Васильевича, сверху донизу увешанный произведениями самого учителя: большие полотна, яркая живопись. (Не было времени разглядывать то, что более всего интересовало). Отказался от предложенного хозяином кожаного кресла, упрямо остался стоять. Дескать, говорите сразу, зачем время тянуть? Я готов.

Но учитель молчал. Проследив направление его взгляда, Ваню увидел на лакированном письменном столе другие свои вещицы: зарисовки Майдана, жанровые сценки — те, что делал для себя. Сколько их тут лежало! Похоже, что все приятели—клиенты кафе «Унион», кому он когда-либо дарил свои рисунки, передавали их на суд Склифасовскому.

Вот его драматический, полный движения и ритма «шахсей-вахсей» — религиозное шествие мусульман. Рядом — мирная и лукавая базарная сценка «Покупатель и кинто». А вот яростная схватка рогатых бойцов — «Бой баранов в окружении азартных зрителей». А бок о бок с

нею зарисовка лежащих на земле верблюдов и волов — «У конторы торгового смотрителя». Даже самое свежее, вчерашнее — «Ковка буйволов» — и та очутилась тут! Все, все, что делал для себя с любовью, с жаром и огнем!

Со страхом ждал приговора. Учитель прикусывал ус. Он положил рядом ходжабеговских апполонов и венер — унылые, без тени, без светлых бликов мертвые контуры, и тут же рядом — зарисовки «старого Тифлиса», живые, полные огня и движения люди и животные. Трудно поверить, что все это сделано рукой одного и того же человека!

Какой сложный, редкий случай — ученик, который великолепно рисует по памяти и совершенно не может, не умеет рисовать с натуры! Что сказать ему — седеющему, угрюмо-сгорбленному как бы в ожидании удара?

— Прямо скажу, Ваню. У меня тебе нечего делать.

Ваню рванулся к дверям, учитель поймал его за рукав. Экий чудак, собрался бежать, даже не дослушав: бывают же такие обидчивые таланты! А впрочем, понимает ли бедняга Ходжабегов, что он, несмотря на трагическую свою неудачу, действительно талант? А может быть, Ваню, наглядевшись на работы других учащихся, и впрямь стал полагать, будто вершина искусства в том, чтобы правильно воспроизвести на листе какой-нибудь кувшин в полном его объеме, со светотенью, безусловно положенной ловким карандашом?

— Нет, Ваню, нет. Рисовать гипсовые головы, различные предметы — это лишь ученичество. Та ступень, которую необходимо пройти. А вот — мастерство...

Учитель взял рисунок Ваню — «Петушиный бой» и помахал им в воздухе:

— Вот здесь ты — мастер, да! Но что делать, Ваню! Мы не выбираем себе родителей. Ты не виноват, что родился бедняком и никто не мог заняться твоим художественным образованием с малолетства, никто не оценил твоих способностей и вовремя не помог тебе пройти начальную школу искусства, освоить азбуку рисования. Хорошо еще, что ты интуитивно (Ваню так и не понял, что значит «интуитивно»), вопреки незнанию и наперекор невежеству, сумел постичь основные законы графики. В этом твое счастье. Но... Пытаться вернуть теперь тебя вспять? Проходить с тобой элементарное, азбучное, когда полжизни уже позади? Нужно ли это? Надо знать цену времени и беречь его!

Помолчали. Ваню глядел вниз, считая доски паркета. Учитель ходил по комнате.

— У тебя острое зрение, феноменальная память и чисто кавказское чувство юмора — вот дары, которыми наградила тебя природа. Но ты и от себя добавил кое-что: создавая замысел, ты нашел собственные способы и средства для его выражения. Это же ценно, Ваню: собственный путь в искусстве! Самое ценное, что только у художника есть.

Ваню чуть поднял голову. Художник положил руку на его плечо.

— Остайся ты здесь — я должен был бы переламывать тебя да переучивать. Для чего? Чтобы через десять лет — почти стариком — ты вымучил из себя что-нибудь, подобное вот этому?

И учитель небрежно показал большим пальцем через плечо: со стены улыбалась тщательно сделанная женская головка — дар Склифасовскому одного из «признательных учеников». Зализанная, холодная манера. Мертвая вещь.

— Нравится? Нет. Мне тоже нет. Есть у меня одаренные ученики, но и «копиистов» — тоже немало. Такие всегда поют с чужого голоса. Подражают. Один работает «в духе Маковского», другой — «в духе

французов». Редко у кого сейчас в искусстве свой почерк, своя тема. У тебя же они налицо.

Голова у Ваню шла кругом: так не похожи были мысли Склифасовского на то, что твердили доброжелатели-художники Георгий Шарбабчян, Гоги Зазиашвили и другие, чьи имена он не мог сейчас даже припомнить! «Учиться необходимо, — твердили они, — без школы нет художника».

Осипшим от волнения голосом Ваню пытался пересказать учителю все, что его смущало. Склифасовский грустно улыбнулся.

— Милый, да кто же в этом сомневается! Без школы нет художника. Верно! Только у меня — не та школа, которая нужна тебе. Вот и все.

Помолчали, глядя друг другу в глаза. За стеной прогремел дробный стук каблуков — по лестнице вниз, вниз. Хлопнула парадная дверь: это «античные статуи» бежали в ближайший духан — согреться, пропустить стаканчик имеретинского... Учитель, покашляв, сказал, что слышал о тяжелой жизни Ваню: больная жена, четверо детей. Как тут посоветуешь бедному человеку, еще и обремененному такой семьей, ехать в столицу учиться? Он и дома еле сводит концы с концами. Вот почему Склифасовский долго колебался, взвесил все и решил сегодня сказать Ваню:

— Не стоит тратить остаток жизни (так и выразился — «остаток») на ученические занятия. Надо продолжать самостоятельно работать в том жанре, в котором Ваню Ходжабегов действительно силен.

Делать по памяти зарисовки типов старого Тифлиса, эти великолепные юмористические сценки, которые так нравятся всем — и художникам и простому народу.

— Иди своим путем. А если помощь понадобится — прошу ко мне в любое время без церемоний. Слышишь? В любое время ко мне. Всегда рад! Поправлю рисунок, если надо. Бумаги тебе дам, коли нужда. Чайком побалуемся с кизилковым вареньем, моим любимым...

Рассмеялся.

— Приходи, когда хочешь, сынок.

* * *

Черная ночь на исходе сырой зимы. Месиво слякоти под ногами. Желтые кольца в тумане вокруг фонарей. Мрак в небе и на земле. Возле Воронцовского моста Ваню, плохо разбирая дорогу, споткнулся и упал прямо в черную, навозом пахнущую жижу. Встав на ноги и пытаюсь счистить грязь рукавом, он горько рассмеялся: «Иди своим путем». Вот его путь. На четвереньках, в грязи.

— Нализался? — глухой окрик городского где-то рядом. В тумане — бесформенная черная глыба: только очертания башлыка, сабли, кобуры револьвера, а лица нет. Слепая грубая глыба. Блюститель порядка.

...Пьян? Да, Ваню пьян. Пьян скорбью, пьян отчаянием. Эх, плохо придуман этот свет, где бедного человека, чуть захочет он выбраться из грязи невежества, судьба непременно столкнет обратно — в лужу. «Приходи, когда хочешь...» Нет, он сын мрака и уйдет обратно во мрак, обремененный своим никому не нужным талантом, от которого бедному человеку в его трудной жизни только горе!

Ему «отказали от студии». Да. Надо смотреть прямо в корень, отбросив все услышанные «сладкие», добрые, утешающие слова. Он привык без жалости к себе глядеть в глаза правде.

«Это не та школа, которая нужна тебе».

Где же взять бедняку другую школу?

Громада города на правом берегу Куры темнела неприступной массой. Крепость. Ни огонька, ни проблеска света. Все окутал густой туман.

Вано в ту минуту иступления казалось: город намеренно, враждебно погасил огни, чтоб не пропустить его. Так он пробьется, черт возьми, вперед, вперед, хотя бы к своему стойлу! Есть в стойле полоска теплого света: жена, дети. Только в мудрое устройство мира Вано Ходжабегов больше не верит.

Проклятие тем, кто разделил мир на богатых и бедных, отняв у бедняков молодость, их право учиться, пока молод. «Не получил художественного образования...» Да, в детстве он учился по бумажной макулатуре, выбирая из предназначенных на обертку бумаг в бакалейной лавке интересные иллюстрации и репродукции с картин Эрмитажа, прятал эти сокровища под прилавком; а хозяин — старший брат, — найдя по тайной «склад», наотмашь хлестал Вано по щекам «за баловство». Да, он бит. Многократно бит, безо всякой вины, и сейчас побит еще раз.

Подняв кулак, Ходжабегов грозил городу.

А впрочем...

Если верить Ивану Карамановичу, когда ученик переходит в разряд мастеров, он обязательно должен получить «три священных пощечины». Так повелось исстари. Что поделаешь — тяжел путь к мастерству! (Он усмехнулся, стал насвистывать, шаг его стал тверже). Только нельзя мастеру без амкара — и больно терять студию, ведь это был его амкар, амкар искусства; как-никак, там говорили родным ему языком, думали и чувствовали то же, что и он, занимались делом, которое он, Вано, считал единственным стоящим занятием на земле...

Возле Феодосеевской церкви, сидя на тумбе, покачивалась невообразимо растерзанная фигура. Мусорщик Того. Всклобоченная голова его была мокрой от дождя и тяжелой от выпивки.

Мусорщик пытался обнять Вано: прощай, генацвале. Взяли в армию. Завтра ему забреют лоб, а сегодня он крепко погулял, в первый раз в жизни наелся досыта, напился пьян. А теперь Того отпустили «домой» — попрощаться. С кем, слушай, прощаться? Семья вымерла с голоду в потийских болотах. И дома нет. Один, как перст.

— Мы — навоз! — бормотал Того, качаясь. — Мы — грязь, Вано. Нас слишком много и потому никому нас не жаль. Забреют в солдаты — и, очень просто, убьют! А я-то жил, я терпел, как ишак. Для кого? Для чего? Ни разу в жизни не был сыт. Никогда не спал в настоящей постели.

Размазывая грязь по щекам, он плакал. Вано крепко обнял мусорщика за плечи и повел к себе в дом ночевать.

...На другое утро мальчики — разносчики газет звонкими голосами поведали миру: Австрия напала на Сербию. Началась европейская война.

V

Здравствуй, Майдан, здравствуй, старый друг!

Снова в твоих «темных рядах» бредет незаметный прохожий. Он снимает картуз и приветствует знакомых. Правда, их стало маловато.

Старые торговцы чуть притрагиваются к бараньим папахам — успели забыть Вано. Молодые вообще его не знают, но разве это важно? Не для сплетен, не для пересудов пришел Ходжабегов под своды торговых рядов. Ему приятно потолкаться в густой толпе, взглянуть еще раз на знакомые лица, встретить свою «живую натуру».

Вот шествует навстречу хозяин сирадж-хана, винный торговец, жирный, как бараний курдюк, — такого Ваню рисовал не раз! Следом павлином выступает в котелке и долгополом сюртуке, глухо застегнутом на все пуговицы, важный, именитый коммерсант — тоже герой зарисовок Ваню. Гибко раскачиваясь, проходит кинто в своих широченных шароварах — его-то он воспроизводил столько раз! На голове у кинто — лоток с фруктами; не придерживая его руками, кинто, словно опытный эквилибрист, сохраняет равновесие, пробираясь в густом месиве толпы, рассыпая прибаутки направо и налево, а глаза жуликовато и насмешливо рыщут по сторонам. Когда зрение устанет от смены типов и лиц толпы, надо выйти к Куре, там рыбаки на плоту, крутящемся в тугих струях реки, тянут — выбирают сети.

Что же, нарисует он и рыбаков! Давно прошел дикий, одолевший его ночью, приступ отчаяния, и Ваню Ходжабегов снова стал самим собой: ясный сердцем и умом, с прищуренным глазом и тонкой усмешкой, наблюдатель вечнокипящей жизни народа.

Но в мир пришла война. Нельзя было не заметить, как она изменила все вокруг.

Базар старел на глазах. Люди горбились, одежды ветшали, во всех взорах сквозила тревога. Знаменитые базарные острословы приумолкли. Прекратились и «тамаша»¹ на площадях. Ни кулачных боев — «криви», ни борьбы силачей — «чидаоба», ни петушиных, ни бараньих боев. Молодежь угнали на фронт, старики притихли.

По каменистым улочкам, закрученным спиралью, теперь беззвучно скользили темные тени: женщины в трауре. Тонкие, бледные лица, огромные скорбные глаза. У дверей растворов и на порогах домов молча сидели пожилые мужчины. У многих на груди приколоты маленькие фотографии сыновей, окаймленные траурной лентой: наивный и трогательный знак горя.

Однажды Ваню Ходжабегов вскарабкался на Верхнюю улицу, постучался в знакомый дом с цветными стеклышками, веером вставленными в окна. Здесь царил тишина мертвых: Ивана Карамановича разбил паралич. Старый торговец шерстью, увидев Ваню, замычал, по щеке поползла слеза. Над постелью больного висел портрет молодого красавца с низким лбом и великолепно закрученными усами. На выпуклой груди красавца — георгиевский крест. Портрет окаймляла черная лента.

...Обратный путь Ходжабегов выбрал в обход. По широкой шоссейной дороге двигалась скрипучая арба с поклажей, старый аробщик плелся позади. Ваню нагнал аробщика. Что-то надломленно-усталое в походке крестьянина схватило Ваню за сердце: эти гнущиеся колени, плетью повисшие большие рабочие руки... Предложил закурить. Крестьянин поблагодарил попутчика, приложив руку к голове, обвязанной башлыком.

Разговорились: и в семье аробщика несчастье. На галицийском фронте сражались три его сына. Двое тяжело ранены: старший руку потерял, младший — обе ноги. А что в крестьянском хозяйстве человек без ног? Эх, какой был работник! Любое дело кипело в его руках: уборка винограда, молотба, пахота, рубка леса, охота — на все мастер! Девушки заглядывались на красивого парня...

— А вчера письмо пришло. Мать плачет, плачет...

Аробщик круто оборвал речь, хлестнул буйволов хворостинной и затянул песню погонщика, тягучую и древнюю, как мир: «Ари арало...»

В тот же вечер, запершись, при свете свечи Ходжабегов нарисовал арбу, груженную «румби» — огромным бурдюком вина, — старого кре-

¹ Тамаша — народные зрелища.

стьянина с его спотыкающейся походкой и застывшим взглядом... Этот рисунок многих поразил. На Ваню не похоже. «Пессимистическая вещь!» — говорили друзья.

Но когда в мире столько горя, откуда возьмешь улыбку?

VI

Дела кафе «Унион» шли великолепно.

Торговля кипела, посетители валили толпой. Это были какие-то новые клиенты, Ваню раньше не видел таких: в дорогих и тонких костюмах аристократов, с грубыми и наглыми лицами торгашей. Чаевые они швыряли, не стесняясь, за столиками сидели подолгу, сдвинув головы и испещряя бумажные салфетки столбиками цифр. Насколько можно было расслышать, эти люди перепродавали друг другу все на свете: бриллианты и картины, военное обмундирование и недвижимую собственность, перезаложенные имения и мебель, отрезки коверкота и заграничную парфюмерию, собак и женщин.

Подача спиртных напитков в кафе была воспрещена. Новых клиентов это не смущало: принимая на вешалку их пальто и шинели, швейцар видел оттопыривающиеся карманы; оттуда выглядывали горлышки завинченных плоских фляжек.

Г-н Шарль делал вид, что не замечает, как сильно от посетителей пахнет коньяком; движением бровей он указывал швейцару, что делать. Ваню сбивался с ног, бегал за извозчиком, помогал подвыпившим одеться, зорко следил, чтоб ничего у них не пропало. Поздно вечером новые клиенты — никогда раньше не было такого! — уводили девушек с собой. Белокурая статная Клара, маленькая Нелли и другие официантки нежно-фамильярно брали новых богачей под руку, называли их по именам и на «ты». Швейцар видел все. Отвращение душило его.

Г-н Шарль стал шире в плечах, он глядел теперь на людей надменно, откуда-то издали: для него наступила эра больших дел!

Напротив, через улицу строился новый отель — «Мажестик». «Мажестик» означает — величественный. «Мажестик»! Это будет отель, равного которому нет в Европе! И г-ну Шарлю предложили место управляющего в нем. Сколько забот ушло на то, чтоб подобрать гарнитуры солидной мебели красного дерева и бронзовые люстры; чтобы найти дорогие, редкие ковры, приобрести сервизы из настоящего фарфора. Но, увы, в дело вмешалась грубая военщина.

Все сокровища будущего отеля пока приходилось держать на складе: военные власти заняли «Мажестик» — страшно сказать — под лазарет! В оголенных стенах отеля на узких койках лежали смуглые бородатые люди, бредили и стонали. По коридорам военным шагом проходили врачи в накрахмаленных халатах. К огорчению г-на Шарля, в одном из самых шикарных холлов оборудовали операционную, а в другом — мертвецкую.

Шарль морщился, страдал. Испортят, загадят здание, варвары.

Приходилось терпеть весь этот беспорядок: война должна когда-нибудь кончиться, начнется новая эпоха. У г-на Шарля были свои сведения насчет того, какая именно! Новые хозяева (с ними у г-на Шарля завязаны тайные, прочные связи), настоящие дельцы и финансисты международного калибра, придут на Кавказ, в этот запущенный, чудесный край, полный неразведанных богатств. Одни возьмут концес-

сии, другие начнут эксплуатацию недр. О, они покажут «этим русским», как надо по-настоящему вести дела — по-американски, с размахом!

И тогда, тогда г-н Шарль по-настоящему проявит себя! Это будет мажестик.

...Многое можно подслушать, стоя на страже у зеркальных дверей. Однажды вечером швейцар услышал, как г-н Шарль отчитывал Клару:

— Нельзя девушке так общедоступно вести себя! Это нерасчетливо. Вы кончите панелью!

Клара плакала, сморкалась в крошечный платочек и твердила, что не виновата: уж очень пристают. А г-н Шарль, заложив свои плотные тюленьи лапы за спину, предлагал девушке «одуматься». Чем трепаться с подозрительными, не лучше ли пойти на содержание к уважаемому старому биржевому маклеру, его приятелю? Превосходный делец, держатель нефтяных акций. Правда, маклеру шестьдесят пять лет, он нехорош собой, ревнив, но—деньги, деньги!.. Надо же смотреть вперед, Клара, надо далеко смотреть вперед. Биржевой маклер! Положение прочное, как вот этот мрамор.

И г-н Шарль щелкал холеным ногтем по доске столика.

В одиннадцатом часу вечера за столик сели двое. Молодые, остроглазые, с сухими губами и выдающимися подбородками, они переговаривались на неизвестном швейцару языке.

— Я полюбил этот город, Гемфри! — говорил тот, что был выше ростом, посветлее лицом, — англичанин. Низенький, черноволосый Гемфри в ответ горлом выталкивал странный звук: «Эоу», по-видимому, знак согласия.

— Мне хотелось бы вернуться сюда, — продолжал светловолосый. — Говорят, кто пил воду Куры, будет вечно тосковать по ней, всю жизнь стремиться обратно. Таково свойство воды Куры... И я пил ее, Гемфри, и я хочу вернуться снова. Посмотрите, какие оригинальные вещицы я приобрел на базаре! Разве не говорят они о талантливости здешнего народа, обреченного на гибель, как и все, что находится под пятой этого злополучного русского царя!

Говоривший выложил на столик кавказский кинжал с серебряной насечкой, четки из окаменелой черной смолы — «гишеры», пару витых филигранных браслетов и (швейцар помертвел) несколько рисунков — его, Ваню, рисунков! То были давние его зарисовки времен доброго мирного времени: Танцующий кинто... Кинто с ларьком... Кутеж в Ортачала... Даже разглядел под ними собственные инициалы!

(Кому же он их подарил? Не мог вспомнить. Но кто-то продал его подарок. Пока дети Ваню голодали, а он раздаривал свои рисунки, кто-то пользовался, наживаясь за его счет).

Оба иностранца весело заговорили враз, легкими прикосновениями пальцев отмечая то, что им наиболее понравилось: характер профилей, детали одежды, движения танцующих. Если б мог Ваню понять чужой язык, он узнал бы, как сожалели гости, что не удалось найти автора рисунков, «талантливого и оригинального художника базара».

— Вышел бы неплохой бизнес! (По-видимому Гемфри был более практичным и не подвержен лирике). Найди мы этого художника, какого-нибудь оборванца, несомненно можно бы заказать ему по дешевке целую партию скетчей, а потом удачно сбыть их в Нью-Йорке. Там любят это! Экзотика. Шарж. Сплендид!

Швейцар стоял навытяжку у дверей. Его бесстрастное лицо ничего не выражало.

Часы пробили одиннадцать. Он подал гостям легкие английские плащи, получил на чай, поклонился.

Только когда тяжелая дверь кафе захлопнулась за посетителями, мальчик-посыльный обратил внимание на странные звуки, идущие от вешалки: один, в уголке гардероба, всегда спокойный, тихий, железной выдержки швейцар бил себя кулаком в лоб — и не то стонал, не то хрипло смеялся...

* * *

В город прибыл великий князь Николай Николаевич. По распоряжению городской управы, все амкарство вывалило на улицу для торжественной встречи высокого гостя.

Ходжабегову удалось видеть эту невеселую «тамаша».

Не глядя на ремесленных старшин, которые, перекосив рты, восторженно вопили «ура», главнокомандующий вразвалку, кавалерийской походкой тихо шел от вагона по красной дорожке ковра. Его оловянный взор был нечеловечески холоден. Военные, жандармы, городовые замирали в столбняке, с выпученными, остановившимися глазами.

Вано вернулся домой и зарисовал все то, что видел.

Пришел художник Гоги Зазиашвили — попрощаться перед отъездом на фронт — высокий, в ремнях, с портупеей, он казался помолодевшим. Просмотрев зарисовку, Гоги остался очень доволен: у городских был идиотский вид, великий князь выглядел настоящим фельдфебелем. Карандаш Вано стал острее, чем раньше, и Гоги впервые сказал ему:

— Ну, спасибо. Утешил!

И поцеловал Вано.

VII

Последняя кееноба!¹

Вано думалось — не праздник это, а прощанье... Прощанье старого города с дорогими ему обычаями, целый пласт которых безвозвратно, навеки отходил в прошлое.

Ведь многие горожане забыли даже, как надо по-настоящему справлять народный карнавал! Кееноба много лет уже была запрещена в городах из-за того, что однажды какие-то смельчаки вздумали представить в карнавальной шествии — страшно сказать — государя императора и его министров. Кееноба еще праздновала крестьянская молодежь по деревням, но и тут власти были начеку: рассказывают, однажды в Шорапанском уезде на масленице толпа ряженных крестьян с кееном («шахом», предводителем кееноба) во главе ворвалась в волостное управление, разорвала царский портрет, избила управляющего и, отобрав у него книгу сборов с урожая, порвала ее в клочья. Вот какие бывали кееноба! Видно, есть в народном смехе что-то опасное, содержится в нем некое взрывчатое вещество...

Но в год от рождества христового тысячу девятьсот пятнадцатый (год приезда царского дяди, главнокомандующего Николая Николае-

¹ Кееноба — народный праздник, устраивавшийся ежегодно в конце масленицы — в память освобождения Грузии от захватчиков в XVI — XVII веках.

веча в Тифлис) — полиция бодрствовала вовсю. К общему удивлению, великий князь разрешил кееноба: пускай простой народ повеселится, забудет о войне, о своих бедах. Только... не надо затягивать празднество. Как бы чего не вышло. Покороче, покороче. И на масляной неделе прошел «хвост кееноба» — так прозвали урезанный праздник старики. Однако, по мнению Ваню, даже и «хвост кееноба» был великолепен!

Племянник Ходжабеговых, смысленый и шустрый паренек лет шестнадцати, ежедневно забегая к ним в дом с базара, сообщал дяде Ваню последние новости.

Старый город деятельно готовился к карнавалу, Кеена обычно выбирали из среды мастеровых, на сей раз Кееном выбрали хромого каменщика. «Супругу Кеена» должен изображать кто-нибудь из ребят того же амкара — мальчишка покрасивее лицом, переряженный в женское платье. Захлебываясь от радости, племянник горделиво сообщил: а его, Хачика, выбрали «бериком»¹, он будет играть «козла» в пантомиме! Радость!

Самых лучших «бериков» в городе уже не было: одни, одетые в серые шинели, воевали под Эрзерумом, другие полегли на полях Галиции. Но базар с печалью и нежностью вспоминал их затейные шутки, перебирая, как четки, имена погибших. Все же и сегодняшние подростки не ударят в грязь лицом. Ведь они тоже истые дети народных предместий—Авлабара, Харпухи, Майдана, — сплошь острословы, танцоры и певцы.

...Глухой гул бубна возвестил начало празднества. Когда Ваню Ходжабегов подоспел к Майдану, навстречу ему уже неслись крики:

— Кеен едет!

— Кеен!

Поверх густой, чернеющей массы толпы Ваню увидел выгнутую шею верблюда. На колыхающейся двугорбой спине сидел ряженный — Кеен. Корча уморительные рожи, он делал во все стороны властные жесты ржавым шампуром-жезлом: отдавал приказы. Приближенные подобострастно выполняли распоряжения владыки карнавала: с такого-то торговца взять дань, такому-то дать двадцать палок за неповиновение.

Шествие двигалось, сопровождаемое хохотом и подзадориванием зрителей. Перед лавкой известного скупца-ростовщика толпа остановилась. Вперед выступили певцы, распевая сатирические «шаири»:

Сердце из дерева,
Печень из камня,
Морда из кирпича...²

Ростовщик поспешил запереть ставни—не помогло. Рев толпы вызвал его наружу—и сквалыга должен был, стоя у порога, смиренно выслушать еще раз, как народ песней отчитывает его за жадность, за плутни; потом он покорно уплатил Кеену «дань».

Шествие повалило дальше.

Следом за Кееном шли, пританцовывая, «берики», одни ряженные козлом, волком, кабаном, медведем, другие—в одежде попа, судьи, сельского старшины. Они на ходу разыгрывали маленькие сценки —

¹ Берики — карнавальные народные маски животных (кабана, медведя, волка, лисы) или должностных лиц (судьи, жандарма, чиновника, попа).

² Стихи народного поэта Етима Гурджи, певца и импровизатора.

комедии. Вано узнал племянника: смеющееся лицо парнишки выглянуло из-под войлочной маски. Хачик подмигнул дяде и пошептался с министрами Кеена (хорошо знакомые Вано булочник и шорник, сего дня неузнаваемо «загримированные» углем и переодетые в полосатые халаты и чалмы). Министры, в свою очередь, доложили повелителю. И вдруг Вано услышал: его окликают.

Сомнения не было. Сам Кеен, выпрямившись на верблюжьей спине, делал Вано Ходжабегову издали приветственный знак своим жезлом:

— Приблизься!

Разве можно не подчиниться предводителю кееноба? Не успел Вано опомниться — десятки рук протолкнули его, как мяч в игре, протащили сквозь толпу и поставили лицом к лицу с Кееном. Он еле успел сдернуть перед его величеством картуз: шутки плохи, если не окажешь Кеену почета — тебя научат вежливости палкой.

Сверху, с верблюжьего трона, из-под остроконечного колпака глянуло на Вано веселое лицо рабочего, скуластое и курносое.

Углем намазанные треугольные брови и ватные усы делали каменщика неузнаваемым. Он важно откинулся на своем двугорбом, колышавшемся троне и уперся в бок одной рукой.

— Слыхали мы, — торжественно изрек, покачиваясь на верблюде, повелитель кееноба, — будто рисуешь ты наш базар в изрядно затейливых картинах, без прикрас и без вранья! Так ведь? Не ошибся я? Молодец! За то, что любишь простой народ и служишь нам своим талантом, жалуем мы тебя нашей милости придворным художником. Достоин ты высшей награды. Эй, министры! Сюда!

Отвешивая поклоны, подскочили булочник и шорник в своих полосатых халатах. Кеен отдал вполголоса распоряжение — и на голову Вано нахлобучили лавровый венок — знак особой милости народной.

Тотчас вся базарная площадь, сколько там ни было тысяч людей, обернулась и уставилась на Вано Ходжабегова.

И хоть была эта шутка лишь одною из тысячи проделок озорной кееноба — крепко забилося его, Вано, сердце! Он оглядывался и топтался, шурился и усмехался — смущенный и неловкий в своем лавровом венке. А площадь загремела:

— Ура, Вано! Да здравствует Вано!

Тут валом повалили зурначи, сазандары, волынщики-мествире, барабанщики с диплипито¹, и музыкальная волна, нахлынув, отделила Вано от необыкновенного зрелища, от Кеена и верблюда, оглушила и повлекла за собой, как щепку увлекает морской прибой.

Этак, пожалуй, он до вечера не выберется отсюда! А в его распоряжении был всего-навсего час времени, единственный свободный час, и он хотел видеть все...

Осторожно сняв венок, Вано спрятал его за пазуху.

...Взрыв хохота потряс толпу. Вокруг тряслись широкие плечи мокалаке, вздувались откинутые шеи, открытые рты обнажали крепкие зубы. Грохот здорового веселья катился и перекатывался, сотрясая даже старинные здания: на крышах, балконах и галереях черным-черно от людей, и все помирают со смеху. Над чем смеются?

Чтоб узнать, Вано вскарабкался на верхнюю ступеньку старинной церковной паперти; до его слуха долетел лишь отрывок импровизации,

¹ Сазандари, зурна, диплипито — грузинские народные музыкальные инструменты.

молниеносно и живо разыгранной «бериками» на площади: шел «суд», «судья» торговался с «обвиняемым», назначал невероятную цену за оправдательный приговор, а тот вертелся, юлил и пытался всучить мелкую взятку. Знакомая картина! Зрители держались за бока.

Внезапно шествие кееноба двинулось вперед, но смех толпы оборвался, словно ветер пробежал по рядам, все стихло.

Среди ряженных шли трое. Двое, переодетые жандармами, тащили третьего — «арестанта» в цепях, с грустным и миловидным лицом. «Представляют, как арестовывают политического», — шепнул сосед соседу. Лица помрачнели, слышались тяжелые вздохи. Ваню прищурился, вытянул шею: это надо зарисовать. Он обязательно должен это зарисовать! Настоящая кееноба перед ним, ее зерно, ее острый и глубокий смысл.

* * *

...В кафе «Унион» царило затишье: в тот вечер три четверти города отправилось на Майдан смотреть народный карнавал. Вечерний проспект казался безлюдным. Мимо кафе изредка пробегали автомобили, вспышки фар усами скользили по мокрой мостовой.

Столики опустели. Официантки отдыхали в буфетной. Девушки возбужденно шептались, сблизив завитые головки: Клара поведала им, что согласилась на выгодное предложение маклера, и подруги завистливо вздыхали. Стать содержанкой богатого биржевика — какая редкая удача!

Можно сейчас и швейцару расправить плечи, посидеть, покурить. Буфетчик выключил люстру. Мягкий свет боковых торшеров успокаивал зрение, навевал дремоту.

Но швейцару никак нельзя дремать. Вынув из кармана самодельный альбом, Ваню углубился в рисование. Хотелось запечатлеть все, что видел сегодня: «хвост кееноба», его величество Кеена в войлочном колпаке, «бериков», ряженных, смех огромной толпы, и «арестанта» в цепях с молодым, печальным лицом, да и себя зарисовать заодно здесь, в уголке базарной площади... Время текло незаметно, как вода утекает из треснувшего кувшина. Погруженный в любимое занятие, Ваню не заметил, как по залу кафе прошел ветерок шепота. Тщетно буфетчик делал ему знаки, предостерегающе кашляли официантки...

Властная рука внезапно вырвала рисунок. Ваню поднял голову.

Г-н Шарль собственной персоной, нежно-алый от возмущения, стоял над ним, выпуклые глаза его метали холодные молнии. Рисующий швейцар! Видано ли что-либо подобное? И где? В образцовом кафе «Унион»! Швейцар должен наблюдать, а он вместо того рисует!

А главное, что рисует? С отвращением, словно ядовитую змею, держал г-н Шарль двумя пальцами злосчастный листок: набросок изображал арестанта в какой-то странной фуражке (возможно, студенческой), обтрепанных, карикатурных жандармов вокруг него — и все это на фоне скопления чудовищных уродов и кривляющейся толпы. Фантасмагория самого вредного направления! Дух вольнодумства, дух крамолы, дух возмутительный и плебейский...

Пора положить безобразию предел.

Вытянув палец, указал Ходжабегову на дверь:

— Вон!

...В этот вечер г-н Шарль, как обычно по субботам, ротмистрским

шагом прошелся вдоль строя молчаливых людей в белых передниках. Короткие и плотные, как тюленьи лапы, руки держал за спиной. Отметил усердие одних, провинности — даже мелкие — прочих. Ничто не могло укрыться от его всевидящего взора.

Кларе за хорошее поведение — неделю отпуска по семейным обстоятельствам.

Повару Шакро за неудачные песочники — выговор с вычетом из жалованья.

Швейцара Ваню Ходжабегова — уволить за художество.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

По установлении Советской власти в Грузии на творчество Ваню Ходжабегова было обращено внимание советской общественности: в Картинной галерее устроена была выставка его рисунков, тепло отмеченная первыми советскими газетами Грузии («Певец старого Тифлиса» — называли его критики). Ходжабегову поручили оформлять площади и улицы города в дни революционных празднеств. Казалось, началась вторая жизнь художника — свободная, светлая, целиком отданная любимому труду...

Но организм, подточенный тяжелым трудом, годами недоедания и болезней, слабел. Силы таяли. Лихорадка, которую подхватил Ваню еще в молодости, работая землекопом в Евлахе на канале, изнуряла его. Весной 1922 года, Ваню Ходжабегов недолго проболел и скончался.

Графическое наследие Ходжабегова велико: сотни его зарисовок находятся ныне в музеях Тбилиси, Еревана, немало их хранится в частных коллекциях.

Но до сего времени нет альбома, где читатели увидели бы, наконец, собранные воедино лучшие миниатюры «певца старого Тифлиса».

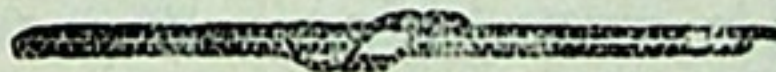
...У Ваню Ходжабегова не было учителя.

Он мог бы с полным правом сказать о себе словами великого русского живописца П. Федотова, что лишь ничтожная часть работы его — в мастерской, а истинный труд — на улицах, площадях, где подлинный художник «трудится, глядя в оба глаза».

Выходец из низов народных, тихий и скромный «до святости», вечно молчаливый человек, Ваню Хаджабегов сумел провести сквозь нелегкую свою жизнь мудрую и тонкую улыбку наблюдателя.

И еще одна, радующая советского читателя подробность: Ваню Ходжабегову было свойственно органическое чувство **братства народов**. Армянин по национальности, Ходжабегов воспел в своем творчестве Грузию, которую самозабвенно любил и глубоко знал, — труд народа, его обычаи, отдых, спортивные состязания, торговлю, домашний быт.

Все увиденное передано Ходжабеговым в присущей ему реалистической манере. Ибо — сын народа, он жил в народе и у него одного «учился жизнью».

Медея Кахидзе

НОВЫЕ СТИХИ

СНОВА НА РОДИНЕ

Перевод с грузинского С. Виленского и Я. Серпина

Как юный паромщик, над быстрой рекой
Я песню пою, возвращаясь домой.
В ликующем свете весеннего дня
Самшвилде и Мцхета встречают меня.
Горячее солнце слепит мне глаза,
Стрекочет, мелькая в ветвях, стрекоза;
Как птица, запуталась я перед ней
В силке ослепительно-ярких лучей.
Кто сердце мое опьянил?
Тополя?
Лоза Карданахи?
Родная земля?..
А время не ждет — пламенеет закат,
В багряных папах вершины стоят;
По горной тропинке иду в забытьи
И небо ложится на плечи мои.
Луна, как чинчила,¹ над острой грядой,
И тянутся горы к луне молодой.
Спешу я,
Дорога моя далека,
Зовет меня, плещет в долине река.
А вот и Гомборский встает перевал,
Что в детстве, бывало, меня чаровал.
Сегодня я снова встречаюсь с тобой,
Земля Кахетинская,
Край мой родной!

¹ Чинчила — сосуд для вина.

Как под ветрами
Листья осины, —
Вся я в тревоге.

Кто там с глазами,
Полными сини,
Встал на дороге?

Встал — погляжу я —
Всем улыбаясь,
Тонкий, высокий.

И ухожу я,
Тайно смущаясь,
В путь одинокий.

Небо в дремоте.
Вьюги запели.
Где же он, где же?

В диком полете
Белой метели
Как я им брежу!

Пусть же в унылом
Ветре продрогший
Гибнет выюрок —

Память о милом
В сердце, и в строчке,
И между строк...

СВЕТЛЯЧОК

Перевод с грузинского Ю. Вронского

Светлячок, ты с рожденья пылаешь огнем,
Долго длится скупое горенье...
А по мне — лучше сразу сгореть, чтоб, как
днем,
Стало ночью — хотя б на мгновенье!

Не видали сгоревшим тебя никогда.
Твой фонарик горит экономно,
Ну а я, словно падающая звезда,
Лучше сгину бездумно, бездомно...

Я хочу, чтобы свет мой прохожим помог
Подойти к дорогому порогу.
Для себя, для одной, как скупой светлячок,
Не хочу освещать я дорогу!

* * *

Перевод с грузинского Ю. Вронского

Ты ушел.
Свернул за дом угловой,
А здесь в углу,
Виновато светя,
Настольная лампа
С опущенной головой
Стоит, как наказанное дитя.

А на улице ель,
Как Дед-мороз,
Безмолвствует в зябком сне.
Без тебя нелегко
До слез
Этой улице,
Дому
И мне.
Вечер в город сгоняет мглу,
По асфальту снежинки крутя,
А я в твоём сердце,
В дальнем углу,
Стою, как наказанное дитя.

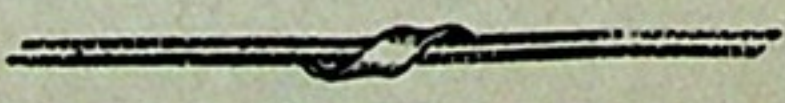
* * *

Перевод с грузинского Ю. Вронского

Я тебе доверяюсь, как ветру листок,
Как бумажный кораблик морю.
Не пылаю, а тлею, когда ты далек,
Рану сердца слезами мою.

Гравий грустно хрустит под ногой
И ярится прибой без цели...
Ты не хочешь в любви утонуть, дорогой?
Из сердец мастерить свирели?

Наше счастье подобно волне голубой —
Нет следа от нее, текучей...
Мне бы в гравий зарыться сейчас с головой,
Мне б заплакать осенней тучей.

Машидат Гаирбекова

ГРУЗИНСКИЕ НАПЕВЫ

Перевод с аварского Эм. Александровой

Счастье радости нежданной
Разбудили в сердце мне вы,
Странной прелестью гортанной
Напоенные напевы!

И покорно растворяясь
В многогласном вашем строе,
Счастьем я переполняюсь,
Тихо слезы лью рекою.

Громом сечи величавой,
Погребальным звоном тризны
Воскрешаете вы славу
Предков, павших за отчизну,

А потом из тьмы былого
Возвращаете нас снова
К современности, согретой
Счастьем подвига большого...

Счастье радости нежданной
Разбудили в сердце мне вы,
Чудной прелестью гортанной
Напоенные мотивы!

Гюнтер Гёрлих

О ш и б к а

Перевод с немецкого Э. Гольдернесса

ОТ АВТОРА

Этот рассказ впервые был опубликован в заводской многотиражке, издаваемой партийной организацией СЕПГ на народном промышленном предприятии в Людвигсфельде.

Работу писателей в заводских газетах я считаю очень важным и полезным делом. Всего полезнее это для самих писателей. Это позволяет им узнать очень много о непосредственном воздействии своих произведений на читателей. Так было и со мной. Рабочие нашего завода не раз беседовали со мной о многих произведениях, опубликованных в заводской газете. Беседы эти возникали при всяком удобном случае.

По поводу моего короткого рассказа «Ошибка» у меня произошел разговор на занятиях охранной дружины.

Действие этого рассказа происходит 17 июня 1953 года. В тот день, день попытки фашистского путча, я много увидел и много понял.

Помню, например, одного рабочего в группе пьяных бандитов. Побледневший, с туго набитым портфелем подмышкой, он широко открытыми глазами глядел на облака черного дыма — бандиты подожгли газетный киоск. Один из хулиганов, скривив рожу, сбил с ног старика, тихим голосом протестовавшего против поджога, — это была его газетная будка.

А ведь рабочий, стоявший возле, несомненно бежал ранним утром вместе с ними, следуя призывам, ко-

торые свидетельствовали о чем угодно, но только не о том, что фашисты хотят уничтожить рабочую власть.

Быть может именно в этот момент рабочий многое понял. Быть может как раз тогда он впервые отчетливо подумал: «Не этого я хотел, не этого».

В то время было еще немало рабочих, не распознавших, кто скрывается за фразами о «западной свободе и демократии»; есть и сейчас рабочие, которые честно и хорошо работают на своих предприятиях для своей и общей пользы, но не понимают, что их жизнь и честный труд все еще находятся под угрозой. Мой маленький рассказ говорит им: «Не ждите, пока еще не поздно! Классовый враг не спит!»

Итак, разговор об этом рассказе, — как раз в тот день опубликованном в заводской газете, — произошел у меня во время занятий нашего подразделения охранной дружины. Мы сидели на корточках перед помещением Народной полиции, ожидая раздачи оружия. Один из рабочих обратился ко мне, указывая на рассказ: «Это ты написал?»

Я ответил утвердительно. Он помолчал, а потом сказал:

— Это очень верно. В таких случаях нельзя долго церемониться.

Мы разговорились. К нам подошли другие. Разумеется, разговор шел не о литературных или эстетических проблемах, не о языке моего

рассказа. Мы говорили о том, что если бы 17 июня 1953 года у нас уже были охранные дружины, фашисты не посмели бы так обнаглеть.

Конечный вывод был прост и краток: служба в охранных дружинах — дело полезное. Это не было высказано прямо, но видно было, что большинство пришло именно к такому заключению.

Разговор наш был прерван раздачей оружия. Пожалуй, в этот день кое-кто из дружинников занимался с большей охотой и старательностью, чем обычно. Я имел право чувствовать, что мой рассказ сыграл свою роль в классовой борьбе. А это самое главное.

* * *

Утро семнадцатого июня выдалось знойное. Площадь с каменной серой трибуной посредине была полна народу. Толпа топтала траву и цветы на широких газонах и ярких клумбах.

Норберт Новотный тоже был на площади. Поскольку ему утром на стройке велели бастовать, он пошел вместе со всеми. Сперва он очистил свою лопату от налипшего бетона, тщательно смотал кабель от бетономешалки, сдал лопату и кабель кладовщику, а затем побежал догонять остальных.

Одни злобно говорили: «Ну, теперь будет покончено с СЕПГ!» Другие бормотали: «Посмотрим, что из этого выйдет». Многие сворачивали домой, говоря: «Нам тут делать нечего. Это скверная затея».

Новотный ничего не говорил. Он добежал до самой площади и стоял теперь на широкой дорожке, окаймляющей газоны.

Большинство толпилось у каменной трибуны. «Что там будет?» — спросил Новотный. — «Будут выступать», — ответил кто-то угрюмо.

Новотный увидел, что на камень взбирается, поддерживаемый множеством рук, человек в светлом плаще. Поднявшись на каменный цоколь, он рывком поднял руку. «Граждане!» — закричал он, и нестройный шум голосов стал тише.

Через сероватые облака пробилось солнце. И тут Новотный узнал человека на трибуне. Он стал проталкиваться вперед. Многие ругались, но он не обращал на это внимания. Люди стояли плотной стеной, и до камня было все еще далеко. Он приподнялся на носки, чтобы лучше разглядеть оратора.

Тот говорил, безостановочно потрясая руками. Новотный забыл об окружающих его людях. Он видел только сухощавое лицо и смыкающийся и размыкающийся рот. Ненависть нахлынула горячей волной, пальцы сами сжимались в кулаки.

Там на трибуне был Альбрехт, обер-лейтенант Альбрехт. Новотный забыл о цветах, о сером, облачном небе; во всем мире были сейчас только он и Альбрехт.

— Друзья! — вскричал человек на трибуне и поднял руки. — Долой это правительство, мы жаждем человечности!

Новотный, услышав последнее слово, крепко зажмурил глаза, затем снова открыл их; на лбу у него проступил пот, а во рту пересохло.

Долго, очень долго пришлось ему ждать этой встречи. Тогда он решил, что застрелит Альбрехта, но промедлил с этим делом, а потом обер-лейтенант исчез.

Люди на площади кричали, что-то пели. Каменный цоколь был пуст.

Новотный отыскал глазами светлый плащ и устремился за ним. Человек в светлом плаще торопился, улица сменялась улицей, но они ни разу не оставались одни. Новотный старался лишь не упускать его из виду. Горела автомашина, человек с окровавленным лицом вбежал в дом, звенели оконные стекла, орли пьяные. Новотный ничего не замечал, он с тупым упорством думал лишь о человеке, бежавшем впереди него. Что-то должно произойти, он не может оставить это так.

Когда по мостовой загрохотали танки, человек поспешно свернул в ближайшую улочку. Новотный чуть не потерял его из виду, но прибавил шагу и успел заметить, как человек

исчез в маленьком одноэтажном до-
мике.

Новотный вошел в дом. В перед-
ней было прохладно. Он прислушал-
ся. За дверью, к которой вела ле-
сенка, замирали шаги. Тяжело ды-
ша, он поднялся по ступенькам и
резким толчком распахнул низкую
дверь.

Посредине комнаты у стола стоял
человек, которого Новотный искал.
Он поспешно обернулся к двери,
чуть пригнувшись. Оба молчали и
не шевелились. Затем человек
спросил:

— Как вы сюда вошли?

Новотный захлопнул дверь и по-
дошел к столу.

— Я нашел тебя!—сказал он. За-
тем он сел на стул.

В комнате было жарко, но его
знобило.

— Вы не изменились,—произнес
он каким-то чужим, сдавленным го-
лосом и пристально посмотрел в ли-
цо человеку за столом.

Тот еще больше наклонился впе-
ред и пробурчал:

— Я вас не знаю.

— А я вас сразу узнал!—настаивал
Новотный и подумал: «Он не хочет
меня узнавать». И тотчас же у него
мелькнула другая мысль: «Он мо-
жет выпрыгнуть в окно!»

— Уходите отсюда, вы пьяны,—
потребовал человек раздраженно.

Новотный смотрел ему в лицо.
Сколько раз бессонными ночами,
полный страха и ненависти, он ду-
мал об этом чужом, предвкушал его.
Не просто убить, а чтобы тот уми-
рал долго, медленно, а я его тогда
спрошу: «Чего ты реवेशь? Прокля-
тый овечий хвост!»

Ведь именно с этими словами об-
ратился тот к Новотному, когда все
было кончено, и Новотный, в то
время совсем еще мальчик, не в си-
лах был отвести глаз от лежащего
на земле безжизненного тела.

Человек крикнул:

— Чего вам надо?

Новотный ухватился обеими ру-
ками за край стола.

— Ты Альбрехт, а я Новот-
ный, — в голосе его звучала злоба и
ненависть, он почувствовал, как
кровь хлынула ему в голову. — Я
Новотный, — повторил он угро-
жающе.

Человек внезапно выпрямился и
отступил назад.

— Я не знаю вас, — настаивал он.

Новотный вскочил. Стул шаркнул
ножками по полу.

— Неужели память изменила те-
бе? Тогда один человек сказал:
«Хоть бы скорее пришел конец этой
бойне!» А ты устроил из этого поле-
вой суд. Его расстреляли. И было
это совсем незадолго до конца. Ты
об этом уже не помнишь?

Человек за столом отступил еще
на шаг.

— Ты должен меня знать,—отче-
канил Новотный. — Вспомни школь-
ный двор, желтую стену... Они тогда
были красные от крови... Чтобы
запугать, ты заставил меня стре-
лять, потому что тот, другой, был
моим товарищем. Ты назвал это по-
левым судом. Это было убийством.
Убийством! Понимаешь?!

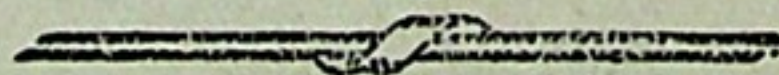
Новотный дрожал всем телом.
Довольно слов! Схватив стол обеи-
ми руками, он отпихнул его в сто-
рону.

Между ними ничего не было. Но-
вотный разжал кулаки и протянул
руки вперед. Фигура другого выри-
совывалась на светлом фоне окна.

Новотный шагнул вперед. Другой
поднял руку. Новотный почувство-
вал, как что-то обожгло ему грудь.
В ушах раздался гром.

Падая, он успел подумать, что
теперь все вокруг будет в красных
пятнах. Он попытался приподнять-
ся, но жжение в груди свалило его.
Он закрыл глаза. Послышался не-
ясный нежный звон.

«Я в чем-то ошибся, — подумал
он. — С ними нужно кончать сразу,
как можно быстрее. Ждать нельзя.
Ждать — смерть...»

М. Давиташвили

Это волнует виноградарей

Заметки журналиста

Если грузин заговорит про свой родной край, он, как одно из главных его богатств, с любовью назовет виноград, с давних времен знаменитые грузинские виноградники. Недаром герб Грузинской ССР вместе с колосьями пшеницы обрамляет виноградная гроздь!

Да, Грузия — страна винограда. Словно зеленые морские волны, расплескались виноградники по ее долинам и склонам гор. Один мой друг, украинец, живущий в Грузии, назвал нашу республику «виноградным Донбассом», и, по-моему, вполне заслуженно. Как невозможно представить себе Донбасс без угля, Сибирь без леса, Узбекистан без хлопка, так и Грузия не мыслится без изумрудной лозы.

Из шестидесяти восьми районов Грузии виноградарством занимаются шестьдесят. На каждого жителя республики приходится сто лоз! Трудно найти у нас крестьянина, который не растил бы виноград. Прежде чем строить дом, грузин закладывает виноградник.

На земле насчитывается свыше четырех тысяч сортов винограда, и нет в мире страны, где бы произрастало так много местных сортов, как в Грузии. Народной селекцией выведены и отобраны здесь исключительно высококачественные сорта, общим числом свыше пятисот, и почти все они являются хорошим сырьем для виноделия. Лучшие грузинские вина делаются из шестнадцати отборных сортов: «ркацители», «саперави», «мцване», «цицка», «цоликаури», «алиготе», «каберне», «александрели», «оджалеши», «горули-мцване», «усахелаури», «чинури», «пино», «хихви», «крахуна», «чхавери». При закладке новых виноградников сейчас берутся только эти лучшие сорта; ими занято уже две трети грузинских виноградников.

Многие грузинские сорта винограда произрастают уже за пределами республики — в Азербайджане, Армении, на Украине, в Молдавии, Средней Азии, во многих краях и областях Российской Федерации, в Болгарии, Албании и других странах. Особенно широкую известность приобрел старинный грузинский сорт, шедевр народной селекции — великолепный «ркацители», дающий обильные урожаи. Это — универсальный сорт, из которого получают самые различные типы высококачественных вин и коньяков, натуральные виноградные соки. Виноградари братских республик полюбили «ркацители» и за то, что он больше, чем другие сорта, устойчив против грибковых заболеваний и холодов. Так же высоко

ценят знатоки сорт «саперави»: он дает красные вина, не уступающие знаменитым винам Франции.

Грузинские сухие и естественные полусладкие вина, шампанское и коньяки неоднократно получали высокую оценку на международных конкурсах. О том, что их признали повсюду, свидетельствуют не только многочисленные золотые и серебряные медали, но и неуклонно увеличивающийся экспорт.

Кстати, если уж речь зашла у нас о вине, скажем и о его пользе — да, смело можно сказать, что вино — вещь не только приятная, но и полезная. Чудесные свойства высококачественных виноградных вин общеизвестны. Советские и зарубежные ученые сходятся во мнении, что повседневное умеренное употребление вина способствует здоровью. В Грузии издавна ценят виноградные вина не только за их питательные и вкусовые свойства, но и как диетический напиток и целебное средство при различных заболеваниях (болезнях желудка, ревматизме, малярии, упадке сил). На виноградные вина возлагается благородная миссия борьбы с алкоголизмом, вытеснения более высокоалкогольных напитков, и в частности водки.

Двадцать первый съезд партии решил, что производство винограда в стране должно быть резко увеличено. Нашей республике за семилетие предстоит заложить пятьдесят три тысячи гектаров новых виноградников — почти в два раза больше, чем было заложено за все годы Советской власти. В 1921 году виноградники занимали в Грузии тридцать тысяч восемьсот гектаров, теперь их шестьдесят семь тысяч, а к концу семилетки будет сто двадцать тысяч. Республика должна произвести в 1965 году более 500.000 тонн винограда.

Задача — огромная, и решит ее труд. За семь лет объем работ на виноградниках должен увеличиться вдвое. Какая же сила обеспечит такой громадный скачок? Ответ напрашивается сам собой: техника!

Казалось бы, все ясно? Нет, ясно здесь, к сожалению, далеко не все — и не только в деталях, но и в главном.

* * *

...Чудесной дорогой, вьющейся по склону Цив-Гомборского хребта, мчится машина вглубь Кахетии. Внизу расстилается узорчато-зеленая Алазанская долина... Принято говорить, что здесь каждый рождается виноградарем. Сотни тысяч гектаров занимают земли этой долины, протянувшейся по среднему течению реки на сто шестьдесят километров. На ее полях с древних времен возделываются пшеница, плоды, овощи, но истинной гордостью края, его славой и богатством был и остается виноград. Здесь колыбель высококачественного грузинского виноделия, здесь крупнейшие виноградарские районы республики — Гурджаанский, Телавский, Кварельский.

Из века в век кахетинский крестьянин работал, не расставаясь с оружием, снова и снова насаждая виноградники, уничтожаемые врагом. Нелегка была его жизнь; «кави» и «тохи» — соха и мотыга — были единственными орудиями его труда. Новое время, новые люди преобразили природу Кахетии, утроили, удесятирили ее богатства.

В село Чумлаки Гурджаанского района я приехал перед самым сбором винограда. Все здесь были охвачены подготовкой к приближающемуся «ртвели», у всех на устах было одно: виноград! Предстояло убрать богатый урожай, заложить несколько десятков гектаров новых плантаций. А не поразит ли налитые соком гроздья страшный бич виноградников — град?.. Об этих и многих других насущных вопросах виноградарства шел у нас разговор с председателем колхоза Владимиром Осошвили.

— Большие, большие у вас перемены! — сказал я ему.

— Да, совсем другим стало наше село, — с задумчивой улыбкой ответил он, вспоминая, как видно, время наших первых встреч. — Забыли

уж мы времена, когда радовались, как дети, электрическому свету... Давно уже заботит нас другое: как бы лучше использовать электричество в хозяйстве. Электрифицировали мы уже сушку и очистку семян, доение коров, резку кормов, распиловку леса, помол зерна...

— А как у вас с машинами на виноградниках? — спросил я.

— Беда, — сразу помрачнев, ответил председатель. — Это ведь, сами знаете, одна из самых трудоемких отраслей, а механизирована она еще мало, совсем мало... Вот ждем, все ждем от наших инженеров машин для виноградаря!..

— Однако урожай-то вы снимаете неплохой, — заметил я.

— Да, но... очень нелегко он нам дается...

Я сознавал всю справедливость этих слов. На первый взгляд может показаться, что виноград — неприхотливое растение: он любит щербистую почву, не боится палящей жары южного солнца: сама его лоза, сухая, узловатая, как бы говорит об аскетической склонности к лишениям. В действительности же редкая культура требует такой заботы, как виноград. Он нуждается в уходе круглый год, не дает крестьянину передышки ни на день. «Хороший виноградарь — заботливая нянька», — говорят в Кахетии. Восемьдесят раз в году надо подойти виноградарю к каждой лозе, чтобы вырастить на ней эти туго налитые гроздья, а таких лоз на гектаре не одна тысяча. Восемьдесят раз! Ибо дел на винограднике много: глубокая вспашка, четырехкратная культивация междурядий, мотыжение, внесение минеральных удобрений, подкормка органическими удобрениями, трехкратное опыление серой, пятикратное лечение бордосской жидкостью, обрезка, «зеленые операции»...

Именно этой огромной работой, а не «добротой» лозы, мастерством виноградаря, а не самоусовершенствованием природы объясняется неуклонный рост урожайности кахетинских виноградников.

Словно читая мои мысли — думали, как видно, мы об одном, — председатель продолжал:

— Дальше так дело, конечно, не пойдет... Ведь впереди — какая работа!.. Возьмите наш колхоз; за семилетие площадь под виноградниками нам надо увеличить вдвое. И так всюду. Разве не должна прийти нам на помощь техника... Так говорю, Илья? — обратился он к старому, опытному звеньевому Илье Кенкишвили, который вошел в это время в кабинет.

— Конечно! Какой может быть разговор! — откликнулся старик. — Машины нужны! Где столько людей возьмем?.. Да и так уж пора облегчить нам работу... Вот хлопкоробам, кукурузоводам — им уже машины помогают по-настоящему.

Такие слова мне приходилось слышать от виноградарей и раньше. Не однажды раздавались с трибун и с плантаций требования: скорее создать комплекс машин для виноградников. Но ответы на этот ясный и громкий голос звучат нестройно и невнятно.

— Вы, наверное, слышали про новые машины для виноградников? — спросил я на этот раз у своих чумлакских друзей.

— Слышать-то слышали, а какой толк? Машин-то ведь у нас как не было, так и нет!

Увы, мои собеседники были правы. Не год, не два, а много лет назад наши ученые и конструкторы стали представлять комиссиям хорошие машины, призванные намного облегчить труд виноградарей: гидробур для посадки лоз, кольезабиватель, тракторы для обработки междурядий, опрыскиватель, навесной аппарат для внесения минеральных удобрений в междурядья, агрегат для прививки саженцев, аппараты для сбора урожая. О каждой из этих остроумных машин стоит рассказать отдельно, однако удивительнее всего общая их судьба: до плантации они не дошли!

В чем же дело, кто виноват? Многие: и Госплан, и Совнархоз, и Самтрест, и республиканское Министерство сельского хозяйства, и научно-исследовательские институты, и местные сельскохозяйственные органы.

— А вот, например, о закладке виноградников с помощью гидробуров вы слышали? — спросил я у Ильи Кенкишвили не без лукавого желания проверить: а понимает ли старик по-настоящему, о чем говорит, не голосует ли «за» только для того, чтоб не отстать от молодежи?

— Как же!.. Хорошая вещь!.. Говорят, вода роет ямки для посадки лоз... Наш агроном сказал, что этот водяной... как его называют?..

— Гидробур, — напоминаю я.

— Да, да, гидробур... очень работу ускоряет и расход воды на полив сокращает...

Да, это именно так, старый виноградарь знал, чего хотел. Для посадки лоз при помощи гидробуров требуется на гектар шесть-семь человеко-дней вместо тридцати — тридцати пяти при обычном способе, к тому же за весь вегетационный период достаточно провести три полива при норме шестьдесят-семьдесят кубометров на гектар против 2.300—2.500 кубометров на гектар при поверхностном поливе. При этом гидромеханический способ посадки обеспечивает стопроцентную приживаемость лоз, способствует более раннему их плодоношению.

Достоинства гидробуров никто не оспаривает. Дигомский мотороремонтный завод и Цнорская механическая мастерская освоили их производство... И это пока все. Районные инспекции по сельскому хозяйству не спешат помочь колхозам приобрести эти буры, Министерство сельского хозяйства также не очень торопит.

— Почему? — спросил я у одного авторитетного товарища.

— Не привыкли видеть технику на виноградниках. Инерция!.. Если вдруг, скажем, все сеялки или комбайны в один прекрасный день не пустить на поля — скандал будет, а тут — нет, ну и нет!..

В том же чумлакском колхозе я вместе с председателем артели зашел в дом к Иванэ Нацвлишвили, другому звеньевому-виноградарю, тоже замечательному мастеру своего дела. Средний урожай винограда в колхозе составил в прошлом году 80 центнеров с гектара; звено же Нацвлишвили в самых неблагоприятных условиях довело его до 105.

— Если бы не проклятый град, — говорил Иванэ, — свободно можно было снять в полтора раза больше!

Его слова звучали задорно, однако не похожи были на красное словцо — звезда Героя Социалистического Труда на его груди свидетельствовала о том, что Иванэ Нацвлишвили не шутит в серьезных делах.

Любовь к своему труду, свободному труду на колхозной земле, принесла счастье в дом Нацвлишвили. Семья бывшего бедняка, для которого при царской власти и деревянный домишко был недостижимой роскошью, живет теперь в двухэтажном каменном доме. В нем чисто и уютно, в нем все говорит о полном достатке, о жизни безбедной и культурной. Недавно Нацвлишвили купил автомашину «Волга». На ней его семья ездит к родственникам в соседние села, в гурджаанский театр, в Рустави, где живут и работают дочь Иванэ — Бабулия и ее муж Акакий. Счастье этой семьи, счастье многих и многих других крестьянских семей Грузии имеет широкую, прочную материальную основу. Эта основа — виноград.

— Наша партия правильно определила, — сказал мне Нацвлишвили, — Алазанская земля может давать винограда больше, чем дает теперь, гораздо больше!.. Но...—и мы заговорили о прививке лозы, на которую затрачивается обычно огромный труд.

— Как бы ее поскорей механизировать! — воскликнул Нацвлишвили. — Ведь говорили же у нас что-то о такой машине!..

Да, говорили — и не зря. За рубежом еще никому и никогда не удавалось создать эту машину. Трудность заключалась в том, что неточно привитая лоза плохо приживается; надо подобрать равной толщины подвойный и привойный материал, сделать тут и там соединительный ко-

сой срез и надрез язычков, причем оба они должны быть одинаковой формы, аккуратно и прочно соединить подвой с привоем. Несовершенные иностранные машины производят только срезы, а соединение подвоя и привоя, резка и сортировка чубуков по длине и диаметру по-прежнему делаются вручную.

Но еще два года назад в Тбилиси, в Научно-исследовательском институте садоводства, виноградарства и виноделия сконструировали по схеме Григория Папава агрегат для комплексной механизации прививки виноградных лоз. Он состоит из трех машин — резально-сортировочной, виноградно-прививочной и обвязочной, смонтированных на одной раме. О его работе можно судить по таким цифрам: при ручной прививке один человек за восемь часов может привить в среднем 800—900 чубуков; виноградно-прививочная и обвязочная машины агрегата делают за то же время по четыре, пять и более тысяч аккуратных прививок, резально-сортировочная может нарезать и рассортировать двенадцать тысяч штук подвоя и привоя. Агрегат очень экономичен, он окупает себя за один сезон.

Мы решили сделать с Владимиром Осошвили предварительный подсчет.

— Вот посмотрите, — сказал Осошвили, подведя итог. — Чтобы выполнить в республике семилетний план закладки виноградников, надо заложить двести шестьдесят миллионов привитых саженцев, а прививок для этого надо произвести втрое больше — семьсот девяносто пять миллионов! Прodelать такую работу без машин?.. Нет, прямо-таки невысимо!..

Чумлакский председатель был прав, к словам его присоединился бы каждый виноградарь. Ну, так где же они, эти хорошие, необходимые машины? Их с нетерпением ждут в грузинских колхозах и совхозах, на них поступили заявки из союзных республик, от них не откажутся и за рубежом... А ведь первая партия агрегатов должна была поступить весной этого года, к сезону прививки. Но Государственное специальное конструкторское бюро по сельскохозяйственной технике, которому поручено было их выпустить, сорвало задание правительства — агрегаты безнадежно запоздали. Эта первая партия агрегатов планировалась, кстати сказать, в чисто символическом количестве — пять штук, а всего за семилетку предусматривается выпустить лишь пятьдесят агрегатов. Узнав об этих планах, виноградари улыбнулись — нет, эти аптекарские дозы — не по масштабам семилетки! Ведь если говорить о продукции, а не о рекламе, то только одной Грузии нужно самое малое 1.300 агрегатов! Дело, однако, не исчерпывается сказанным: даже и то, что планируется, вряд ли будет выполнено. К изготовлению агрегатов для весеннего сезона на 1960 год не только не приступали, еще и не решено, какой завод будет заниматься их производством. К середине сентября еще не были даже сняты рабочие чертежи с давно готовой, доработанной модели. А ведь специальное конструкторское бюро и Научно-исследовательский институт садоводства, виноградарства и виноделия еще 18 мая писали в Совнархоз Грузии и Министерство сельского хозяйства, что агрегат испытан и что незначительные дефекты следует устранить, а также подготовить необходимые чертежи. Авторы письма просили: поручить одному из заводов выполнение этих работ, чтобы обеспечить выпуск агрегатов к сезону 1960 года.

С тех пор прошло почти четыре месяца, но дело не сдвинулось с места. Только в начале сентября, после второго письма, работники Совнархоза стали думать: на каком же заводе разместить заказ на вторую партию (десять штук) агрегатов? К середине месяца они ни до чего еще не додумались.

— В чем же дело, почему не пускаете агрегат в серийное производство? Ведь испытания прошли успешно, виноградарей он вполне устраивает, они его ждут! — спросил я руководящих товарищей Самтреста и

Управления виноградарства и садоводства Министерства сельского хозяйства республики.

— Зачем торопиться? Проверим еще раз, — ответствовали они олимпийским спокойствием.

Как тут было не вспомнить: уже в Румынии заинтересовались нашей прививочной машиной, она у них на винограднике работает, а мы все никак не пустим ее в производство!

Как ни странно, но с таким же хладнокровием отнеслись к новой машине и кое-где на местах. Мне как-то сказали, что один из пяти готовых агрегатов валяется в грязи, во дворе кутаисской базы Сельхозснаба. Трудно было поверить этому. Хороший хозяин не пройдет спокойно мимо валяющегося в грязи колеса простой крестьянской телеги, а тут — такая машина. Я позвонил кутаисскому журналисту Михаилу Гвелесиани и попросил его узнать о судьбе агрегата. Вот что он сообщил: второго сентября, когда он пришел на базу, лил сильный дождь; лозопрививочный агрегат, предназначенный для зестафонских виноградарей, валялся во дворе и уже успел порядком заржаветь. Он, оказывается, лежит там четвертый месяц, но это ничуть не тревожит директора кутаисской базы Сельхозснаба Валентина Робакидзе.

Директор базы пытался успокоить возмущенного журналиста:

— Что ж, под открытым небом у нас хранится и другая техника, — говорил он, показывая на тракторы и плуги.

Но эти машины не боятся осадков. Другое дело — лозопрививочный агрегат. Он также боится воды, как, скажем, швейная машина, которую, принадлежи она ему, директор кутаисской базы Сельхозснаба уж, конечно, не оставил бы под дождем.

Очень важно механизировать и сбор винограда. Эта работа — тоже из самых трудоемких и тоже выполняется только вручную. Во время работы у сборщика заняты обе руки. Одной он берет кисть, другой срезает ее ножом или секатором. Но вот прошлый сезон виноградари села Хванчкара, родины прославленного полусладкого сорта вина, наблюдали нечто новое; их земляк Анги Ткешелашвили, по специальности техник-электрик, автор многих изобретений и рационализаторских предложений, собирал урожай таким образом: в левой руке держал ведро, а в правой — какой-то блестящий предмет в виде пистолета, которым срезал и укладывал гроздь, не касаясь их руками, — гроздь держались на конце инструмента, пока Ткешелашвили не отпускал рычаг.

Изобретенный Анги Ткешелашвили «виноградоуборочный револьвер» (восхищенные колхозники называли его «комбайном») значительно облегчает и вдвое ускоряет работу сборщика, способствует сохранению высокого качества винограда, исключает потери. Потребность в нем чрезвычайно велика. Но и этому простому и удобному инструменту не повезло: к нынешнему сезону таких «пистолетов» изготовили всего двести (!?), хотя Тбилисский механический завод, выполнявший этот заказ, не возражает против серийного выпуска.

Летние месяцы в Кахетии часто бывают засушливыми, а значительная часть здешних виноградников расположена на неполивных землях. Чтобы задержать в почве побольше влаги, надо чаще взрыхлять междурядья.

В 1954 году наши виноградари услышали про новый универсальный плуг-культиватор ПКВ-1,8 системы Захария Квирикашвили. Проработав много лет главным агрономом Хирсинского виноградарского совхоза, хорошо зная насущные нужды виноградарей, Захарий Квирикашвили создал плуг, который можно с успехом использовать и для глубокой вспашки, и для рыхления, и для культивации. В отличие от старых, этот плуг обрабатывает междурядья на всю ширину, почти до самых стволов. Если после вспашки почвы старыми плугами края междурядий приходится обрабатывать дополнительно, то после плуга-культиватора ПКВ-1,8 остается сделать только перекопку и мотыжение в рядах.

— Отличный плуг! — говорят механизаторы и виноградары. — С ним очень хорошо работается! Давайте нам его поскорей!

Но планирующие органы не торопятся и с плугом Квирикашвили. Выпустив первые триста штук, наши заводы этим и ограничились. Между тем, специалисты подсчитали, что из всех 67.000 гектаров грузинских виноградников механизировать работы можно на 35.000 гектаров. Это значит, что нам нужно не менее семисот плугов-культиваторов марки ПКВ-1,8, доказавших свои преимущества в условиях Грузии.

Нужны виноградарям и малогабаритные тракторы, их выпускает Харьковский завод, они уже испытываются в Грузии на вспашке и культивации узкорядных виноградников. Эти тракторы должны внедряться в массовом порядке уже с будущего года, и очень важно позаботиться, чтобы они были обеспечены не только соответствующим количеством навесных машин и орудий, но и запасными частями, о которых, к сожалению, нередко забывают. Производство запчастей вполне могут наладить наши заводы.

Все условия для широкой механизации работ на виноградниках у нас есть. Однако проблема «большого винограда» решается пока кустарно, вяло, в отрыве от настоятельных требований жизни. Инерцию привычки надо преодолеть. К предстоящему Пленуму ЦК партии мы должны иметь конкретный план комплексной механизации виноградарства на ближайшие годы — план уплотненный, смелый, всеобъемлющий.

Виноградским хозяйствам нужны машины, которые облегчат труд людей, позволят им в изобилии давать стране виноград — щедрый дар благодатной грузинской земли. Этот вопрос давно волнует наших виноградарей. Они ждут, они требуют делового ответа.

Сурамский перевал

ОЧЕРК

Живу в мире свистков — густых и бархатных, высоких, пронзительных и хриплых, сердито-рыкающих и долгих-долгих, протяжно-грустных. Все здесь пропитано ими: старенькое, уже порядком облупленное здание локомотивного депо, весь поселок железнодорожников, раскинувшийся у подножья гор, само небо, нависшее низко над Сурамским перевалом...

Днем эти свистки сливаются с остальными шумами поселка, а по ночам ломятся в открытые окна, плавают стайками под потолком, кружатся, неуловимые и быстрые, как мысли в разгоряченном мозгу. Для того, чтобы привыкнуть к ним, надо, видимо, жить так, как живут здесь, из поколения в поколение, из года в год: под свисток локомотива открывают на мир глаза, с ним — посылают этой земле свое последнее «прости».

Но мне кажется, что и я уже начинаю различать их голоса, и среди многих других узнаю «наш».

— Я на перевале! — оповещает он звонко и весело. — Смотрите же — я на перевале! И это здорово, здорово, здорово! Давно ли по этим путям бегали «американцы» да «итальянцы»? А теперь я сделан здесь, здесь, здесь! Всеми своими двигателями, генераторами, контакторами и пантографами я здешний, здешний! Меня сделала моя республика! Я на перевале!

...Утро. Медленно встает солнце, освещая долину и ближние горы. Выхожу из деповской гостиницы, где всю ночь напролет дружно гремели на этаже рукомойники: одна бригада приходила на отдых, другая — вставала в рейс.

Сегодня и я отправляюсь с «нашим». Вот он выходит из своего «стойла», становится возле депо. По рельсам, словно по каналам, плывут

ярко-голубые, сверкающие никелем электровозы. В сравнении с «нашим», они мне кажутся излишне щеголеватыми и легковесными на своих шести осях. «Наш» выкрашен в строгий серый цвет. Его длинный обтекаемый кузов покоится на мощной карете о восьми осях. Нет традиционных площадок, которые «съедали» полезную площадь кабины, нет кричащего никеля. Все строго, внушительно, веско. Паспорт, укрепленный под окошком машиниста, свидетельствует о том, что эта машина обладает мощностью в 4.200 квт, т. е. почти вдвое большей первых отечественных электровозов, весит 184 тонны, развивает скорость 100 км в час. Изготовлена она на Тбилисском электровозостроительном заводе имени Ленина.

Перед тем, как взобраться в кабину, я еще раз смотрю вокруг, на этот маленький (совсем маленький!) кусок земли, наполненный деловитым движением людей и машин, на это небо (всего лишь один лоскут неба!), заштрихованное сетью электрических проводов. И, поначалу совсем, казалось бы, без связи с виденным, передо мной возникает образ человека в очках, с баками, склоненного над рукописью. Он пишет. Из-под его пера выходят слова горечи и гнева. «Так больше нельзя жить! — взывает он к рассудку людей. — Народ стонет! Народ заточен в крепость!..»

Даниэл Чонкадзе написал свою «Сурамскую крепость» в 1859 году. Сейчас 1959-й. А Сурамская крепость выстояла! Но это совсем другая крепость. Ее начали строить наши деды. Продолжаем строить — мы.

Первые ее камни закладывались в ту пору, когда крепостное право пало. Первенец императорского транспорта — николаевская «железка» взволновала умы прогрессивно мыслящих общественных деятелей Грузии. «Же-

лезная дорога необходима этому краю», — говорили они. Рельсовые пути легли на Карталинскую долину, подошли к Сурамскому перевалу. Строить железную дорогу в горах без опыта, по головокружительной трассе? Но останавливаться было поздно. На перевал согнали крестьян с окрестных деревень. Линия Тбилиси — Хашури — Зестафони вступила в строй в 1872 году.

Запыхтели двухтрубные «Фирли», взбираясь по крутому подъему до верхней станции Пони. Опасная дорога уносила с собой человеческие жизни, калечила людей. Уже прокладывали тоннель через скальный горб хребта, и рельсовые пути соединили два моря — Черное и Каспийское. По путям пошли вагоны с грузом, цистерны с нефтью. Начался вывоз, ввоз. Экономика края резко пошла в гору.

Так был взят в этих местах первый большой перевал, за которым показались новые широкие дали. Сказочно-прибыльными выдвинулись они доморощенным и заокеанским толстосумам, которые кинулись на богатства этой земли, ее марганец, нефть.

Но за первым перевалом открылся второй.

Железная дорога дала краю то, что не входило ни в какие расчеты власть имущих. Вдоль всей магистрали, в депо и мастерских, на станциях и полустанках появились рабочие люди. Они были сплочены едиными интересами своего класса. Тесными родственными узами связанные с селами, откуда пришли, они революционно воздействовали на своих сельчан. Этот большой отряд рабочего класса сыграл решающую роль в борьбе всех трудящихся Закавказья за Советскую власть.

Вспомним перенесенные из-под Сурамского перевала в Тифлис Главные мастерские Закавказской железной дороги, эту замечательную кузницу революционных кадров. Сколько славных «учеников от революции», последовательных ленинцев, выросло в кругу рабочих этих мастерских. Вспомним, наконец, 1905 год, этот первый большой перевал на пути к Октябрю. Как всколыхнул он от края до края всю дорогу, и, особенно, тот ее наиболее

важный участок, который держали в руках перевальцы.

«После декабрьских событий в Тифлисе, — читаем в очерках Истории Коммунистической партии Грузии, — борьба за овладение Сурамским перевалом явилась наиболее значительным эпизодом революционной борьбы в Грузии в 1905—1907 годах».

Да, сурамцы не стояли на одном месте никогда.

Не исполнилось Грузинской Советской республике и десятка лет, как на перевале все пришло в движение. На этот раз события выходили далеко за рамки этого края. Через хребет решено было провести первую электрифицированную магистральную дорогу, т. е. электрифицировать существующий горный участок пути. Эта мысль зародилась еще до революции, но осуществлять ее взялись уже советские люди — и в самые тяжелые для республики дни. Было голодно и очень трудно с материалами. Но уже сиял огнями Загэс, уже заканчивалось сооружение второй грузинской гидростанции на Риони. По Московской Северной дороге и в Баку пошли первые пригородные электрички. Всюду заговорили о преимуществах электрической тяги перед паровой.

В самом деле, с электрификацией исчезла потребность дороги в топливе, не нужны были пункты водоснабжения вдоль магистрали, сокращался локомотивный парк, так как один электровоз мог заменить от двух до трех паровозов. Не счесть, сколько еще больших и малых перемен сулило Сурамскому перевалу появление электрических машин.

Но самих-то машин не было. Ни старая Россия, ни тем более Грузия не производили их. Пришлось ехать за ними за тридевять земель в чужие страны, покупать на стороне, самим собирать узлы. Электровозы обходились стране по 300 тысяч рублей золотом каждый. Поэтому, пока на Сурамском перевале шла обкатка советской электрифицированной дороги иностранными машинами, за тысячи километров от этих гор, на московском заводе «Динамо» развертывалась ударная стройка первых советских электровозов

«Владимир Ленин» и «Советский Сурамский». Настал день, когда ВЛ-19-01 прибыл в Хашури на перевал. Московский слесарь динамовец В. С. Никитин проверил машину и вручил ее сурамскому машинисту Н. Д. Ткешелашвили. Первый отечественный электровоз стал под поезд, поднял пантограф и вышел на перевал.

Еще побежали годы.

Уже не одна электрифицированная дорога была построена в стране. На Сурамский перевал, как в школу, приезжали паровозные машинисты учиться водить магистральные электровозы. Здесь же впервые начали ремонтировать эти машины. Впоследствии в Тбилиси был построен локомотиворемонтный завод, где «лечили» машины со всех дорог. В то же время, по твердо укоренившейся традиции, на Сурамском перевале испытывались новые тормоза, новые марки отечественных машин. Электровозы производил Новочеркасский завод.

Недавно новочеркасцы прислали на перевал свою новую мощную машину — восьмиосный тяжеловес серии Н-8. Электровоз прошел у сурамцев испытания. И с тех пор крепко засела мысль: если научились ремонтировать — значит можно и создавать?

Так «наш», родной брат того, что проходил здесь недавно «экзамен», вышел на дороги страны. Появился и на перевале. К концу семилетия республика будет выпускать их столько, сколько не имеет такая старая производительница электролокомотивов, как Франция.

С высоких стен новой Сурамской крепости открылись новые широкие перспективы: применение кибернетики в управлении электровозом, создание новых машин переменного тока. Всем этим уже занимаются в специальном конструкторском бюро завода имени Ленина и в новом научно-исследовательском институте электротехнической промышленности.

От маленьких железнодорожных мастерских — до крупного завода, производящего совершенные электролокомотивы. От робкой сборки «заморских» узлов — до создания

своих конструкций. Право, славный путь!

Итак, кабина грузинского магистрального электровоза. Стекла, стекла, стекла... Светло, как в фонаре. Молоденький поммашинаста, которого зовут Автандил, старательно протирает окна, снимает пыль. Это кажется лишним — все блестит, как с иголки, но Автандилу хочется быть особенно усердным. Как ни говорите, ему очень повезло. После учебы — сразу на новую машину и в бригаду коммунистического труда, которой руководит знатный на Закавказской дороге старший машинист Илья Лабадзе.

А вот и сам Илья сидит у рукоятки контроллера в ожидании отправки. Он подтянут, немногословен, молодцеват. Форменная фуражка сильно надвинута на лоб и во всей осанке чувствуется уверенность хорошего мастера. Это он принимал экзамен у новочеркасского тяжеловеса. Правда, тогда у контроллера сидел старый машинист Г. Кавлишвили, а Илья контролировал левую сторону. Сейчас командование машиной полностью возложено на Илью. Сын деповского слесаря, он вырос здесь, на перевале, и уже порядочное время водит тяжеловесные поезда. Но такого веса, как на этой машине, ему не приходилось еще брать — 2.800 тонн!

О том, что значат эти тонны, лучше всего может рассказать третий наш спутник, учитель Ильи, старший машинист-инструктор Николай Дмитриевич Ткешелашвили.

Да, это он самый, первый паровозный машинист, пересевший с паровоза на отечественный электровоз. Представить себе только — как недавно и как, в сущности, давным-давно это было... Нещадный жар и пыль паровозной топки, одурманивающий запах мазута и вдруг — белая сорочка, галстук, блеск многочисленных приборов, рукояток и кнопок. А главная сенсация — на перевал без «толкача» поднят состав весом в 700 тонн. Поднял его Николай Дмитриевич на ВЛ-19-01.

Где же сейчас этот славный электровоз-ветеран? А вот: стоит только высунуться из окна кабины и можно его увидеть. Конечно, он сильно по-

старел и выглядит довольно старомодно, но сдаваться не намерен пока. ВЛ-19-01 выполняет на станции Хашури маневровые операции. Что ж, может быть, это и лучше, чем стоять в музее. Но настало же такое время, когда наш первый отечественный электровоз интересно было бы увидеть всем.

Кончена пора приготовлений, оформлена вся техническая документация, выдан маршрутный лист.

— Выходной зеленый! — предупреждает помощник.

— Есть зеленый на выходе! — отзывается командир.

И мы плавно трогаемся в путь.

Сколько раз, читатель, ты проезжал эти места? Сколько раз, стоя у окна, любовался воротами в Боржомское ущелье, красивыми пейзажами долин и гор? Но ничего ты не видел, верь мне, если не сидел в кабине машиниста. То ли потому, что она высоко приподнята над землей — гораздо выше, чем пассажирский вагон; то ли стеклянный фонарь, широкий обзор позволяет воспринимать все сразу, со всех сторон, но почему-то, когда смотришь на свою землю отсюда, — особенно радуется душа.

В самом деле, что составляет душу повседневного и, в сущности, весьма однообразного труда машиниста? Водить тяжеловесные составы, перебрасывать с места на место народнохозяйственные грузы, добиваться высоких скоростей — это работа. В ней есть свои радости. И все же в каждой работе должны быть крылья. У машиниста — это ощущение легкости в движении, стремительности тысячетонной силы и... вид из окна. Чем лучше вид — тем лучше настроение. А хорошее настроение в работе — не маленькая деталь. Поэтому от имени машинистов спасибо конструкторам за то, что создали такую просторную кабину, дали столько света водителю, подумали о нем. В такой кабине приятно работать и на перевалах и на бескрайних широких равнинах.

Мчимся вперед. Не успев тронуться, уже взбираемся на подъем. Электровоз как-будто заглатывает две стальные струи, непрерывно бе-

гущие под колеса. Впереди — тоннель.

Что мы знаем о нем? Что он длинный, очень длинный. И старый. Пожалуй, один из самых длинных и старых железнодорожных тоннелей в нашей стране. Следуя по нему, пассажиры любят считать минуты, проведенные в чреве хребта. И непременно найдется среди них хотя бы один, который расскажет, как его сооружали с двух противоположных концов, и как при сбое эти концы чуть было не разошлись, отчего инженер, проектирующий этот тоннель, застрелился.

Он, этот словоохотливый пассажир, покажет и обелиск у западного портала тоннеля, поставленный, якобы, в память о неудачнике. Драматическая легенда. Но и только. На самом деле концы тоннеля при сбое идеально сошлись — и проектировщик не стрелялся. Сурамский тоннель — это блестящая победа точного расчета старых русских инженеров.

Но кому же в таком случае поставлен обелиск? Он поставлен в честь государя императора Александра III, осматривающего в 1888 году работы по сооружению тоннеля. В этом месте стопа августейшего посетителя изволила коснуться сурамской земли.

Вот, оказывается, какому «герою» досталось единственное место в истории этого выдающегося подземного сооружения?!

Из кабины машиниста хорошо видны цифры на портале тоннеля: 1886 — 1890. Это даты сооружения. Значит, в тех условиях на такую работу было затрачено всего четыре года? Наверное, не люди здесь работали — богатыри. Хотелось бы знать, кто они, каково им было тут?

Два маленьких документа, хранящихся в Центральном историческом архиве Грузии, дают хотя бы некоторое представление о подлинной, невыдуманной драме, разыгравшейся на перевале в те времена.

Первый — запрещенное к печати Кавказским цензурным комитетом сообщение, которое должно было быть опубликовано в газете «Новое обозрение».

«26 июня 1890 г., в понедельник, при работах Сурамского пере-

вала рабочие подрядчика — инженера Бескровного до 300 человек отказались работать вследствие неуплаты жалования. Они не позволяют работать и другим. Из Тифлиса 27 июня отправился наряд жандармов на ст. Бежатубань для прекращения беспорядков и производства дознания».

Спустя полтора месяца такое же сообщение и тоже, разумеется, не попавшее в печать:

«Подрядчик — производитель работ по строительству Сурамского тоннеля инженер Бескровный телеграммой на имя Министра Путей Сообщения донес, что рабочие его семь месяцев не получали жалования. Рабочие сильно обнищали и находятся в весьма жалком состоянии. За последствия такого положения дел инженер Бескровный слагает с себя всякую ответственность».

События эти происходили уже перед пуском тоннеля. Информация готовилась увидеть свет. Можно думать — какая бы она была, если бы об этом писали сами строители. Труд рабов на сооружении египетских пирамид и то, в сравнении с этим, был, кажется, полегче. Все-таки над египтянами сияло чистое, голубое небо, а строители тоннеля работали под землей...

И если сейчас, читатель, ты проедешь по этому тоннелю, не слушай рассказы о слабонервном инженере. Подумай о богатырях, которые чуть ли не голыми руками, в стужу, голодные пробивали для тебя путь в этой горе.

А пудовую медную доску с глупой надписью сорвали с обелиска в 1917 году. Но почему на этом месте нет до сих пор других слов? Почему нет тех имен, которые дороги нашей памяти?

Надо признаться, что забывчивость наша порой не знает границ.

Тоннель строили давно. Но вот что было совсем недавно, уже на глазах нашего поколения.

Когда мы шли тоннелем, Николай Дмитриевич обратил внимание на подвешенную к потолку контактную сеть.

Знаете, как ее монтировали?

Начало тридцатых годов. Из Москвы, Ленинграда, Кольчугино, Харь-

кова тянутся на юг поезда с наклейками:

Груз сурамского перевала. Для ударного строительства электрификации первого магистрального участка дорог СССР.

Грузам этим — всюду зеленая улица. Движение на перевале натянуто, как тугая струна. Уже надо приступать к монтажу контактной линии в тоннеле, а остановить движение нельзя. Дорог каждый час.

Бригада монтеров решает прокладывать линию, не закрывая тоннель. Проходит состав. В «окно», образовавшееся до следующего, в тоннель вгоняется паровоз с монтажным вагоном. Керосино-калильные фонари слабо мерцают в этом чаду. Монтеры-верховики забираются под потолок и там, на ощупь, не видя и не дыша, подвешивают сеть. Очередной маршрутный поезд только на время выгоняет их из тоннеля. Иной раз в «окно» удастся успеть протянуть всего несколько метров.

Среди монтеров особенно выделялся один, саженного роста, недюжинной выносливости и неутомимой активности человек. Вскоре его назначают бригадиром монтеров, а по выходе из тоннеля — прорабом на монтаж высоковольтной линии передач Загэс — Рионгэс.

Монтаж проходит в сложнейших условиях. Мачты для линии передач привозят в разобранном виде. Несколько пар буйволов подтаскивают их к склонам. Выше люди несут их сами, клепают и ставят на скалистых вершинах. Сурамский перевал оцетинивается сотнями мачт.

Далее те же буйволы или быки раскатывают барабан со сталеалюминиевым проводом. Это на равнине. Но в горах, где пролет иной раз составляет по полкилометра, а бросать провод на землю и царапать его нельзя?

Изворачивались как-то, приспособлялись. Прораб оказался сметлив и неутомим. Инженеры подчинялись ему беспрекословно. Рабочие старались подражать во всем. То был не прежний перевал с подрядчиком Бескровным. Своя, первая, советская, электрифицированная линия нужна была республике, всей стране.

К концу монтажа, примерно, за две недели перед тем, как закончить всю линию, прораб шел ночью один по путям. На него наехал поезд. Думают, что он спал от усталости на ходу.

Как только монтаж закончился, все бригады съехались на могилу, сами сделали ограду, и на митинге решили присвоить высоковольтной линии передач Загэс — Рионгэс имя монтера, своего прораба. Его звали Андро Гегешидзе.

Благородна и красива была воля строителей. Но где ее следы? Кто знает сейчас об этом решении? Оно лишь бытует в преданиях сурамских «стариков» и — оттуда постепенно выветривается с годами. А надо бы его восстановить и выполнить!

Николай Дмитриевич Ткешелашвили молчит. Может быть, вспоминает Андро? Ведь они были добрыми соседями много лет. Жили в одном доме, дверь в дверь. А может быть, и о чем-то своем задумался. 40 лет на Сурамском перевале пролетели, как один день...

Между тем, давно, еще в тоннеле, начался спуск. Сильно притормаживая, мы шли под тридцатиградусным уклоном, т. е. на каждом километре снижались на тридцать метров. В эти минуты тяговые моторы нашего электровоза, превратившиеся на спуске в генераторы, вырабатывали энергию, передавая ее в общую сеть, одновременно усиливая торможение. Ведь на спуске энергия не нужна. А тот, кто взбирается по ту сторону тоннеля, вверх — берет ее. Так просто выглядит на практике трудное, специальное слово рекуперация. Приятно узнать, что родина метода рекуперационного торможения, внедренного сейчас на всех перевальных участках электрифицированных дорог, — Сурамский перевал.

Но каково же было здесь машинисту без автоматических тормозов? Ведь стоило только зазеваться, и ничего уже не могло остановить тяжелый состав.

— А «ловушки»? — напоминает Автандил.

О, да! «Ловушки» — это хитрая штука, нечто вроде аппендикса — маленькая рельсовая вет-

ка, вытянутая от станции вбок и вверх по склону. Если поезд проскочит станцию, непременно попадет сюда. Но случилось, оказывается, что и «ловушки» бывали бессильными: с большого разгона состав не мог «вписаться» в кривую, срывался с рельс, летел в пропасть. Происходил взрыв горючего в цистернах, пожар.

— А теперь нет большего позора для машиниста, — настойчиво повторяет несколько раз Илья, — нет большего позора, чем попасться в «ловушку».

Однако на первой же после тоннеля станции Ципа стрелки нормально показали на нее и лишь тогда открыли — автоматически открыли — главное направление, когда поезд окончательно стал. Видимо, эта предосторожность не мешает и сейчас. Никакие автоматы не заменят полностью человека. Человек нужен будет всегда.

Посудите сами, мы стоим на маленькой станции целых шесть минут.

— Приказ, — объясняет Илья. — Дальше тоже очень крутой спуск, и автотормоза могут сдать, если кончится питание. Их надо подзарядить.

Пока же внимательно взглянемся в эти места, представим себе декабрь на Ципе. В тот памятный декабрь 1905 года, может быть, все уже было в снегу, и сильный ветер, столь частый в этих местах, кружил по ущелью, сметая белую порошу с гор. Боевая дружина под командованием большевика Ноя Буачидзе двигалась по перевалу вверх. Вот она атаковала 11-ю и 12-ю роты Тенгинского полка в Квирилах и Харагоули и продвинулась к Ципе. Здесь сотня Ейского казачьего полка охраняла вход в тоннель. Хорошо вооруженных и вымуштрованных казаков трудно было захватить врасплох.

Но кто это? Что это за люди в бушлатах дерутся бок о бок с дружинниками за перевал? Да это матросы лейтенанта Шмидта, герои Очакова, революционные моряки Черноморского флота, пришедшие на подмогу к грузинским друзьям! С ними вместе отряд разоружает казаков у тоннеля. К тоннелю подходят новые отряды из Хашури, Самтредиа, Кутаиси. Надо во что бы то ни

стало остановить движение по Сурамскому перевалу. Разрабатывается операция. В тоннеле происходит столкновение двух паровозов. Перевал закрыт.

Это уже серьезно, очень серьезно. Карательные войска генерала Алиханова-Аварского вышли в экспедицию. И долго еще грохотали выстрелы, лилась кровь, шли упорные партизанские бои в горах, что стоят тесной толпой вокруг Ципы.

Электровозу надо для подзарядки автотормозов шесть минут. А мне кажется, что в это время он отдает молчаливый салют маленькой станции у тоннеля в память о героях 1905 года, участниках борьбы за перевал.

И снова путь. Приходится повторять все изгибы горной речонки, которая сперва называется Чхеримела, потом, смотрим, — надпись Шавморева, на следующем перегоне она уже Лабнара.

— Житья от нее нет, — непочтительно сплевывает из своего высокого окна Илья. — Сколько стараются путевики, какие строят подпорные стены, а она раздуется во время паводка и лезет прямо на полотно.

И право, какой же ты беспокойный, старый седой Сурам! Сколько сверлили тебя люди, как обильно поливали они твою землю потом и кровью, а ты все не можешь покориться — срываешь ураганом контактные сети, валишь на полотно сугробы снега, грозишь размывом весенних рек. И держишь возле себя, приковываешь к себе цепями древней сыновней любви целые поколения своих питомцев.

На маленькой горной станции Марелиси Николай Дмитриевич показал мне, где работал его отец, осмотрщик вагонов Дмитрий Павлович Ткешелашвили.

— Мы из Деиси, — махнул он рукой куда-то вверх. — С тех пор, как построили через перевал дорогу, отец сошел вниз. Работал осмотрщиком вагонов, потом — вагонным мастером.

Чтоб поглядеть вблизи на старый сарайчик, где располагалось раньше хозяйство Ткешелашвили — отца, выходим на перрон.

— Сарай был доверху наполнен деревянными тормозными колодками, — вспоминает Николай Дмитриевич. — А напротив, только путь перейти — дом, в котором родился я и мои братья.

Очень нетрудно представить: мальчики целыми днями крутились возле своего отца, приглядывались ко всему, переживали вместе все события. Все шесть братьев Ткешелашвили стали машинистами. Именно на таких маленьких полустанках и создаются целые династии железнодорожных рабочих. Именно здесь преданность делу своих отцов входит в плоть и кровь...

Однако пора уже было заканчивать путешествие. На одной из станций мы увидели встречный состав, груженный углем. Николай Дмитриевич повел меня в хвост к «толкачу». Из окна электровоза выглядывал, приветливо улыбаясь, молодой человек. Околышек его форменной фуражки был с тремя белыми кантами. «Машинист первого класса», — отметила я про себя. Но тогда почему же он на «толкаче»?

— Это мой сын, Михаил, — объяснил Николай Дмитриевич без гордости. — Спросите, кто его не знает на перевале? Отличный машинист, долгое время был здесь комсомольским вожаком. А потом задумал учиться и с тех пор пересел на «толкач». Не каждый машинист первого класса пойдет добровольно на это. Но Мише важно иметь для занятий больше свободного времени.

Я стала приглядываться к Михаилу. Он казался таким же, как все его товарищи по работе, как его отец, старый машинист-инструктор, или сверстник Илья Лабадзе. И вместе с тем он не совсем походил на них. Он как бы соединил в себе все: немного взял от отцовской старой рабочей культуры, прибавил к этому черты мастера нынешнего поколения, плюс приобрел еще что-то, что несколько приподнимало его над тем и другим. Это «что-то» и давали ему, наверное, книги, лекции, все расширяющийся общий кругозор.

Итак, машинист, сын машиниста заочно кончает институт. Куда он получит назначение? Нет, он этого еще не знает. В стране сейчас стро-

ится много электрифицированных дорог. Специалисты нужны всюду. Здесь ли, на перевале, или в других краях, инженера с дипломом, перво-классного машиниста примут с рас-простертыми объятиями везде. Тог-да еще милее станет старик Сурам с его головокружительными спусками, тоннелями, «ловушками» и «кривы-ми» — лучшая школа электротяго-виков.

Теперь посмотрим отсюда, из ка-бины «толкача», как «наш», дав сви-сток, продолжает свой путь. Гигант-ский железный змий, выдавленный из тоннеля, медленно и плавно спол-зает в Колхидскую низменность.

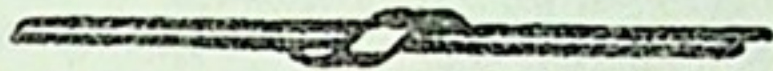
Михаил все время насторожен и

по каким-то, только ему понятным, сигналам и приметам, действует в ритм с машинистом, находящимся далеко от него, впереди. Оказывает-ся, и это не простое дело.

Из кабины «толкача» видна по-следняя платформа с ткибульским угольком да «хвостовой» на задней площадке в своем брезентовом не-гнущемся плаще.

Где-то чинят полотно, предупреж-дая об этом сигналами. Бригада контактной сети ликвидирует после шальных налетов ветра обрывы про-водов.

На Сурамском перевале идет обычный трудовой день.

Произведения М. А. Шолохова на грузинском языке

1. „Судьба человека“

Кому не известен рассказ Шолохова «Судьба человека», эта чудесная песнь о простом и великом человеческом сердце, и одноименный фильм, приковавший к себе восхищенное внимание мировой общественности? «Высокий сутуловатый мужчина» с «приглушенным баском», «твердыми губами» и с глазами, «словно присыпанными пеплом, наполненными такой... смертной тоской, что в них больно смотреть»... Таким со страниц «Правды», где впервые печатался рассказ, шагнул в нашу жизнь Андрей Соколов, за сложным, возвышенным образом которого встала судьба народа.

...Родился в Воронежской губернии, во время гражданской войны сражался в Красной Армии, в дивизии Киквидзе, в голодный 22-й год потерял всех родных, сам уцелел чудом. Но вскоре жизнь, начатая так нелегко, стала входить в спокойное, надежное русло. Андрей Соколов встретился с девушкой, душевную красоту которой чутко понял и навсегда полюбил. Они зажили простой, непритязательной жизнью, обычной для многих других людей: трудились на совесть, радовались успехам детей, растущему благополучию, внося в будничные дела и заботы тот особый свет, который вносят во все, с чем соприкоснутся, люди чистой и щедрой души. Так прошло десять лет и... началась война. Всем своим содержанием, своей гуманистической устремленностью рассказ направлен против виновников бедствий народа, против опустошительного «урагана войны». Муки плена, которые даже скупой на слова Андрей Соколов называет «нездешними», потеря любимой семьи и в самый последний день войны гибель последней надежды — сына, нечеловеческие страдания, физические и моральные, пройдя через которые герой все же находит в себе силы жить и любить — все это уместилось в пределах небольшого рассказа.

Неслучайно и Хемингуэя поразило искусство, с которым Шолохов в максимально емкой форме передает самые драматические эпизоды, и безупречная точность, с какой он изображает глубинные движения человеческой души. Рассказ «Судьба человека» — это произведение, в котором важнейшие и гуманнейшие идеи современности воплотились в поразительно совершенной художественной форме.

В печати уже сближали шолоховский рассказ с повестью Хемингуэя «Старик и море» и романом Ремарка «Три товарища». Действительно, эти три произведения мировой литературы последних лет объединяет высокая человечность, боль за людей и вера в них; все три автора желают для своих героев по-человечески осмысленной и гордой, пусть даже трудной, даже трагической судьбы. Но этим сходство исчерпывается: налет усталого фатализма ясно чувствуется в произведениях Хемингуэя и Ремарка. Соколов тоже изображен один на один с врагом, потом со своей страшной, почти невыносимой тоской. Судьба его испепелена войной, но, потеряв все, что можно потерять, он черпает новую энергию в своей коллективистской психологии, в большой и естественной, как само дыхание, любви к людям. Нерастраченное чувство отцовства и чувство ответственности за будущую жизнь он отдает усыновленному им малышу, который уже совсем иными, «светлыми, как небушко», «как звездочки ночью после дождя», глазами смотрит на мир. Тема весны, тема вечного возрождения жизни звучит параллельно со скорбным рассказом Соколова, не заглушаемая им.

Уже этот краткий анализ дает возможность судить о том, какую нужную работу проделали Р. Инанишвили и Г. Хомерики, переведя рассказ Шолохова «Судьба человека» на грузинский язык (редактор Г. Абашидзе).

Говорят, что стиль — это человек. В рассказе «Судьба человека» повествование ведется от имени Андрея Соколова. Авторские ремарки только изредка прерывают течение рассказа. Все, что читатель узнает о Соколове, он узнает от него самого. Героя характеризует главным образом его рассказ, причем важно не только то, о чем он рассказывает, но и то, как он рассказывает. Читая исповедь Соколова, мы слышим его мерный хрипловатый голос, его скупые, простые слова. Нет необходимости объяснять, что в процессе перевода произведения с таким значительным и глубоким подтекстом неизбежно возникновение специфических трудностей. Авторы с этими трудностями в целом справились.

Стиль речи рассказчика очень своеобразен. Строгая сдержанность сочетается здесь с лиризмом и страстностью, простота — с глубиной в раскрытии духовной жизни, видимая будничность — с подлинно эпической мощью и величавостью повествования. В переводе выдержано разнообразие стиля подлинника, сохранен и скрытый лиризм, как ведущая интонация, окрашивающая собой течение рассказа. Не пострадала при переводе и прозаическая непринужденность разговорной речи, плавные, неторопливые тона повествования, отличающие переводимый текст. Произведение отличается особенной ритмичностью, размеренностью интонации. Например: «Били за то, что ты русский, за то, что на белый свет еще смотришь... Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнешь...» Надо отметить, что этот ритм четко слышен и в переводе. Лексика и фразеология шолоховского рассказа насыщена словами и оборотами, характерными для народной речи, идиоматическими выражениями, фразами, исполненными живого народного юмора.

Параллели, найденные для них на грузинском языке, иногда представляются спорными. Например: «дадим фрицам прикурить» переведено, как „დავუბოლებთ ფრიცებს“. Не лучше ли было употребить какой-нибудь из хорошо известных в грузинском языке оборотов: „ზურგზე ბოლს ვადებთ“ или „კუდით ქვას ვასროლებთ“.

Из неудачно переведенных фраз приведем следующие:

В тексте читаем: «За что же ты, жизнь, меня так искалечила? За что так исказнила?»

В переводе: «За что же ты, жизнь, меня так измучила? За что, в чем я провинился?»

Это «в чем я провинился» вносит жалобную нотку, приглушая скорбную энергию фразы, отличающую речь Соколова.

В тексте: «...От ста сорока двух че-

ловек осталось нас пятьдесят семь. Это как, браток? Лихо?».

Вместо по-соколовски короткого, отрывистого «Лихо?» в переводе читаем: «Это как, браток? Не годится, не так ли?».

В тексте: «Постоял, поскорбел душою».

В переводе: «Некоторое время стоял неподвижно, сжав челюсти от горя».

В переводе фраза проигрывает в смысле простоты и сдержанности в выражении чувств, характерных для рассказчика.

Иногда выпущено только одно слово, однако оно влияет на восприятие фразы в целом.

В тексте: «Рассказчик на минуту умолк, а потом сказал уже иным, прерывистым и тихим голосом».

В переводе: «Рассказчик на минуту умолк, а потом сказал дрожащим и тихим голосом».

Слово «иным» в переводе пропущено. Между тем, при той словесной строгости и скупости, которая отличает рассказ, оно не случайно: Андрей Соколов рассказывает о смерти жены и дочерей, и можно представить, какой горестной силой звучит его голос. «Значит я два года с мертвыми разговаривал?» — На этих словах он умолк и заговорил уже «иным», более спокойным, тихим голосом, а так как спокойствие было насильственное и давалось ценою страшного напряжения воли, то и голос говорящего прерывался. Слово «дрожащий», к которому прибегли переводчики, в данном случае не равнозначно слову «прерывистый».

Неверно передан смысл таких предложений:

В тексте: «...И в первый день нет-нет да и пожмет мне на ходу руку».

В переводе: «В первый день нет, а потом пожал мне на ходу руку».

В тексте: «Фашисты перестали пленными брезговать».

В переводе: «Фашисты уже не в такой мере брезговали близостью с пленными».

Неправильно переведены идиоматические выражения: «До ветру не пускали»¹. «...Ему идти руку прикладывать»².

Перевод не свободен от погрешностей и, повидимому, авторы еще обратятся к нему при подготовке нового издания. Но и сейчас заслуживает одобрения работа Р. Инанишвили и Г. Хомерики, познакомивших грузинских читателей с маленьким шедевром шолоховского творчества и с его героем, человеком простой, суровой и прекрасной судьбы.

ЛИНА ХИХАДЗЕ.

¹ ჰაერი არ გვუფხვია (стр. 27).

² ხელის ასაღებად ეახლებოდნენ (стр. 36).

2. Два романа

Творческая деятельность, произведения М. Шолохова всегда вызывали глубокий интерес грузинской общественности. Многообразны нити, связывающие писателя с духовной культурой грузинского народа.

На грузинский язык переведены почти все произведения М. Шолохова. С особой гордостью можно привести следующие факты: уже в середине 1934 года в Грузии был опубликован полный перевод первой книги «Поднятой целины» (переводчик А. Чумбадзе), а в 1942 году на грузинском языке издана «Наука ненависти».

Трудно переоценить значение публикации перевода «Поднятой целины» в Грузии. Его значение далеко вышло за пределы чисто литературного факта и стало, по существу, событием в общественной жизни республики.

В настоящее время книги первого издания романа «Поднятая целина» на грузинском языке стали библиографической редкостью. Настало время готовить новое издание с предисловием и комментариями, в основе которого будет новая редакция романа, изданная в 1953 году.

В Грузии проведена поистине громадная работа по переводу одного из центральных произведений всей советской литературы — «Тихого Дона». К работе были привлечены квалифицированный переводчик Т. Джавахишвили, редакторы К. Лордкипанидзе и Р. Коркия.

Первая книга «Тихого Дона» на грузинском языке вышла в 1955 году (редактор К. Лордкипанидзе). В ее основе — издание 1954 года. Вторая книга переведена с русского издания 1956 г. и опубликована в 1958 г. под редакцией Р. Коркия. И, наконец, третья книга, вышедшая в текущем году под редакцией Р. Коркия, также переведена с издания 1956 г. Таким образом, в основу перевода положены издания после 1953 г., когда многолетняя авторская правка произведений получила законченное выражение в выпуске новой редакции романа.

Говоря о переводе «Тихого Дона», необходимо кроме самого факта опубликования эпопеи на грузинском языке, что является значительным вкладом в грузинскую культуру, в русско-грузинские литературные взаимоотношения, также особо подчеркнуть положительные стороны работы переводчика: грузинский читатель получает ясное представление об идейно-тематической основе и основных образах произведения. Случаи неверного перевода (а таковые,

к сожалению, имеются) относятся к отдельным частностям и не в состоянии существенно повлиять на идейно-тематическую основу.

Сегодняшний уровень теоретической мысли в Советском Союзе требует «выразить полно и точно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка» в неразрывном единстве содержания и формы. От переводчиков требуется к тому же умение сохранить национальную окраску произведения, своеобразие индивидуального стиля писателя, особенности речи сотен персонажей различного интеллектуального уровня, умение передать специфические языковые реалии (диалектизмы, игру слов, пословицы и поговорки, своеобразие отдельных говоров и т. д.). Все эти трудности с особой остротой встали при переводе романов М. Шолохова.

Сохранились ли при переводе «Тихого Дона» и «Поднятой целины» указанные особенности художественной ткани произведений, и в первую очередь, ее языка? Нашли ли при переводе эпопеи Т. Джавахишвили и А. Чумбадзе адекватные формы для передачи всего идейно-художественного и языкового богатства произведений?

При переводе художественного произведения огромное значение имеет сохранение «духа» оригинала, его индивидуального, неповторимого стиля, свидетельствующего о творческой личности автора. Как, например, важно было для грузинского читателя получить переводы произведений М. Шолохова, правильно передающие его оригинальную творческую манеру, его стиль.

И нам кажется, именно этими качествами в значительной степени обладает перевод «Поднятой целины» на грузинский язык.

Как хорошо, например, сохранено в переводе настроение знаменитого шолоховского описания степного кургана: «Летом, вечерними зорями, на вершину его слетает из подоблачья степной беркут. Шумя крылами, он упадет на курган, неуклюже ступнет раза два и станет чистить погнутом клювом коричневый веер вытянутого крыла, покрытую ржавым пером хлупь, а потом дремотно застынет, откинув голову, устремив вечно синее небо янтарный, окольцованный черным ободком глаз. Как камень-самородок, недвижимый и изжелта-бурый, беркут отдохнет перед вечерней ловитвой и снова оторвется от земли, взлетит. До заката солнца еще не раз серая тень его царственных крыл перечеркнет степь.

Куда унесут его знобящие осенние ветры? В голубые предгорья Кавказа? В Муганскую степь ли? В Персию ли? В Афганистан?»¹.

Для стиля М. Шолохова очень характерны описания, глубокая лиричность которых как бы притаилась за внешне грубоватыми выражениями. Вот отрывок из 14 гл. «Поднятой целины»: «Февраль... Жмут, карежат землю холода. В белом морозном накале встает солнце. Там, где ветры слизали снег, земля по ночам гулко лопається. Курганы в степи, — как переспелые арбузы, — в зменстых трещинах. За хутором возле зяблевой пахоты снежные наносы, слепяще, нестерпимо блещут. Тополя над речкой все серебряного чекана...»

Как все характерно в этом отрывке для М. Шолохова: и общий лиризм описания, и новые оригинальные метафоры: «белый морозный накал», «серебряный чекан тополей» и некоторая внешняя грубоватость образов: «карежат землю холода», «ветры слизали снег», «курганы, — как переспелые арбузы»... Все, все здесь рисует яркую картину февраля в степи.

Да и сам четкий, отрывистый ритм способствует наглядности описания: кажется, что февральские холода сжимают слова, не дают им возможности тягуче растекаться по фразам, делают фразы чеканными, звонкими.

А. Чумбадзе сумел во многом сохранить и ритм отрывка, и шолоховские образы, и его лиризм².

Удачная передача образных выражений подлинника, вообще говоря, —

большая заслуга переводчика. Ведь в этом случае он должен был учитывать три момента: перевод, во-первых, должен правильно передать мысль подлинника, во-вторых, сохранить образную оболочку этой мысли и, в-третьих, переводчик не должен был нарушить ни грамматических, ни лексических, ни художественных норм того языка, на который он переводит.

Удачно передан также довольно сложный шолоховский образ переводчицей Т. Джавахишвили:

«На полу — перерезанная крестом оконного переплета золотая дрема лунного света» («Тихий Дон», кн. 1, гл. III)¹.

Бывает, однако, что стремление к абсолютной точности приводит к нарушениям стиля подлинника, оборачивается буквализмом. Происходит это в тех случаях, когда словосочетание, свойственное одному языку, является совершенно чуждым другому. В таких случаях буквальный перевод делает легкий, привычный, доступный образ подлинника искусственным, тяжелым и трудновоспринимаемым. Таким, например, является неудачный перевод на грузинский язык выражения «подвижной, как вьюн»².

Если сравнение «подвижной, как вьюн», пришедшее в литературный язык из народного, является привычным и вполне понятным для любого русского читателя, то предложенный перевод его создает искусственный образ, вряд ли понятный читающему «Тихий Дон» на грузинском языке.

В этом случае следовало бы подобрать какое-нибудь другое образное выражение, не являющееся чуждым грузинскому литературному языку.

Повторяем, найти такой эквивалент нелегко. Не потому ли переводчики иногда вообще опускают тот или иной образ, например следующие: «По лесу, осекая хвою, щепя сосны, с гадючьим шипом зарываясь в землю, скакали и, чмокая, рвались разрывные пули» («Тихий Дон», ч. IV, гл. 3), или: «Белокурая курчавая голова, со сбитой фуражкой, точно ласкаясь, никла щекой к земле» (там же).

Подобные пропуски, хотя количество их и не очень велико, конечно, весьма нежелательны.

Очень сложная задача стояла перед Т. Джавахишвили при передаче стиля «Тихого Дона». Здесь уже недостаточно было одной вдумчивости или тщательности. Требовался определенный талант

¹ „იატაკზე ფანჯრის ალათიდან შემოსული ჯვარედინად გადაკვეთილი მთვარის შუქი ოქროსფერი ციმციმით თვლებდა“.

² „ხლაკუნასავით მოუსვენარი“. («Тихий Дон», ч. V, гл. 2).

¹ „ზაფხულობით, ბინდისას, მის მწვერვალს ღრუბელთა წიაღიდან ველის არწივი ესტუმრება ხოლმე. ფრთების შხუილით დაეცემა იგი ყორღანოს, ორიოდჯერ უხერხულად წააბიჯებს, მოკაუჭებული ნისკარტით გაშლილი ფრთის ყვითელ მარაოს გაიწმენდს, ხოლო შემდეგ თვლებით გარინდებული თავს უკან გადაიგდებს და მარად ლაქვარდოვან ცას შავი ზოლით შემოხატულს ქარვის თვალს მიაპყრობს. ვით პატიოსანი თვალი-ობოლი, ყვითელ-ყომრალი უძრავი არწივი ნადირობის წინ ოდნავ დაისვენებს და შემდეგ კვლავ სხარტად მოსწყდება მიწას, ზეადფრინდება. მზის ჩასვლამდე არა ერთგზის დასერავს კიდევ ველებს მისი მეფური ფრთების ლანდი.“

ნეტავ სად წარიტაცებს მას შემოდგომის სუსხიანი ქარები? კავკასიის მტრედისფერ მთავორებისაკენ? თუ მულანის ველში? სპარსეთში? ან ავღანისტანში?“

² „თებერვალია... ჰკუმშავს, ჰკორძავს მიწას სიცივე. თეთრს ყინვის ნაწრობში ამოდის მზე. იქ, სადაც ქარს თოვლი აულოკავს, ღამეობით მიწა სკდება. ყორღანები ველად, — როგორც გადამწიფებული საზამთროები, — ხრახნილად დახეთქილა. ხუტორის გარედ, შემოდგომის ნახვის ახლოს, ნამქერი თვალისდასაბრმავებლად ბრწყინავს. ალვის ხეები მდინარის პირად ვერცხლითაა ნაქედი...“

художника при том непременно, конечно, условии, что переводчик в совершенстве владеет обоими языками — и тем, с которого переводит, и тем, на который переводит.

Т. Джавахишвили, в основном, удается сохранить стиль подлинника. Но на некоторые неудачные места все же необходимо указать.

Во второй главе четвертой части «Тихого Дона» описывается сцена, когда Листницкому приносят листовку, найденную казаками в окопах. Листовка призывает бороться против самодержавия, против империалистической войны. В этой листовке читаем: «Царское правительство поставило под огонь миллионы солдат». В листовке важно было подчеркнуть гибельную силу войны, несущей смерть людям, защищающим не свои, а чужие интересы. Это подчеркивается в листовке несколько раз, увеличивая силу призыва. (Два года льется кровь рабочих и крестьян всех наций. Сотни тысяч сирот и вдов — вот результаты этой бойни... Царское правительство поставило под огонь миллионы солдат... и вы, темные люди, в борьбе за их интересы идете на смерть, убиваете таких же тружеников, как и вы сами... Довольно пролито братской крови). Поэтому нельзя считать удачным предложенный в переводе эквивалент¹.

Стилистическая направленность того или иного отрывка зачастую зависит от эмоциональной насыщенности слова, и замена при переводе эмоционального слова стилистически нейтральным тоже явление крайне нежелательное. Так, в тексте той же листовки, читаем: «Два года вы изнываете в траншеях, защищая чуждые вам интересы». В переводе же агитационно-приподнятый тон фраз заметно снижен, так как выразительное, эмоционально насыщенное «изнываете» заменено стилистически нейтральным — «сидите»².

Остановимся теперь еще на одном чрезвычайно важном моменте перевода шолоховских произведений на грузинский язык.

Речь идет об использовании диалектизмов. Как известно, не только в речи шолоховских персонажей, но и в его авторской речи мы встречаем характерные особенности донского говора. Писатель считает, что надо писать на русском литературном языке, но одновременно указывает: «Употребление

местных слов в какой-то мере допустимо, но надо делать это умело и со вкусом». Перевод этих «местных слов» — дело необычайно трудное.

Как же в этом отношении обстоит дело в анализируемых переводах? А. Чумбадзе старается, в основном, где возможно сохранить разговорный характер речи героев. При этом он, разумеется, далек от «буквализма», он вовсе не старается разговорное или просторечное выражение употребить именно в том же предложении, в том же словосочетании, что и в оригинале. Он, сообразуясь с возможностями грузинского языка, передает обычно общую разговорную интонацию того или иного отрывка.

Тех же принципов придерживается и Т. Джавахишвили. И большей частью речь героев в ее переводе звучит естественно и живо. Но на два отступления все же укажем:

В тексте: «Как же ты ухитрился? А еще гайку тебе нашивали...»

В переводе: „ეგ როგორ ჩაიღებ? შენთვის უროდნიკის ნიშანიც კი მოუნიჭებიათ...“

В тексте: «Дизиртира пымали... из ваших казаков».

В переводе: „თქვენი კახაკებიდან ღებერთირი დაიჭირეს“.

Перевод шолоховских произведений — дело чрезвычайно сложное и ответственное. Это своеобразный экзамен на переводческую зрелость. И надо сказать, что грузинский читатель получил, в основном, талантливые художественные переводы, отвечающие во многом высоким требованиям.

Отмеченные же нами недостатки переводов не снижают исторического и культурного значения большой работы, проделанной усилиями многих людей, знающих и любящих произведения большого советского писателя, ибо нельзя забывать о том, что такой труд, как перевод «Тихого Дона», — исключительный по объему и сложности и рассчитан на ряд лет. Но останавливаться на успехах, достигнутых в области перевода произведений М. Шолохова на грузинский язык, также не следует. Надо идти по пути преодоления непреодоленных трудностей. Только тогда можно надеяться, что четвертая книга «Тихого Дона» на грузинском языке будет звучать еще более сочно и ярко, что языковое многоцветье шолоховского шедевра будет донесено до грузинского читателя с наивозможной полнотой и убедительностью.

Д. ТУХАРЕЛИ,
Э. КРЕМЕР.

¹ „დააყენა იარაღის ქვეშ“.

² „სხედხართ“.

ГОТОВЯСЬ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ...

В огнях сражений за свободу и в неустанном созидательном труде грузинский народ создал замечательные образцы поэтического творчества, многие из которых обогатили сокровищницу мировой культуры. Лучшие образцы грузинской классической литературы не раз переводились на русский язык. Этому способствовала многовековая дружба грузинского и русского народов, их культурно-литературные связи, имеющие исключительно богатые традиции.

Однако долгое время на русском языке не существовало сборника, охватывающего все дореволюционное развитие грузинской литературы в целом или ее отдельных родов (поэзия, проза, драма). Пробел этот был восполнен лишь в 1955 году, когда Государственное издательство художественной литературы выпустило трехтомник грузинской классической прозы. Изданный крупным тиражом, сборник этот охватил наиболее значительные беллетристические произведения (публикуемые либо полностью, либо в отрывках), созданные крупнейшими грузинскими прозаиками с V по XX век.

Трехтомник явился своего рода первенцем — он положил начало большому и важному делу — изданию серии широко задуманных сборников произведений национальных литератур. Инициатором издания сборника явился Союз писателей Грузии, серьезную работу провели редакторы — составители, Гослитиздат, творческий труд работников которого был по праву высоко оценен грузинской общественностью.

Но в сборнике — и это неудивительно, если принять во внимание его большой объем и чрезвычайно сложный состав — есть и недостатки и погрешности. Правда, могут спросить: почему же разговор о сборнике возникает сейчас, четыре года спустя после его выхода в свет? Объясняется это тем, что предполагается издание нового сборника грузинской прозы и, следовательно, такой разговор не только не бесполезен, но и насущно необходим.

* * *

Первый том сборника (25 печ. л.) в основном посвящен древнегрузинской литературе. Богатая грузинская агиографическая литература представлена двумя ви-

дами — «мученичествами» (т. н. маририки) и «житиями». Это «Мученичество Шушаники» Якова Цуртавели (V в.), «Мученичество Або Тбилели» Иоанна Сабанидзе (VIII в.), «Житие Григория Хандзтели» Георгия Мерчули. Грузинская светская литература — произведением Мосе Хонели «Амиран-Дареджаниани» (XII в.).

Все эти произведения даны в виде маленьких отрывков, занимающих, в общей сложности, 37 страниц. С сожалением приходится констатировать, что лишь эти отрывки призваны дать читателю представление о двенадцативековом периоде развития грузинской прозы.

Далее в томе представлены: отрывок из «Русуданиани» — сборника назидательных рассказов, объединенных единой композицией (неизвестного автора XVII века); книга Сулхан-Саба Орбелиани «О мудрости вымысла», являющаяся непревзойденным образцом, истинным венцом древнегрузинской прозы, и «Калмасоба» Иоанна Багратиони. Сюда же почему-то включены повести писателей середины XIX века «Соломон Исакич Меджгануашвили» Л. Ардазиани и «Сурамская крепость» Д. Чонкадзе, тогда как этих последних следовало поместить вместе с представителями новогрузинской литературы.

Во втором томе (33 печ. л.), посвященном новогрузинской прозе (проза XIX века), опубликованы произведения крупнейших представителей грузинского критического реализма 60—70-х годов И. Чавчавадзе, Ак. Церетели и Г. Церетели.

И. Чавчавадзе представлен антикрепостнической сатирой «Человек ли он?», рассказом «На виселице», посвященном проблеме личности в буржуазном обществе, и повестью «Отарова вдова», в которой дается картина взаимоотношений двух основных враждующих классов Грузии пореформенного периода — дворянства и крестьянства; Ак. Церетели — двумя повестями: историко-патриотической — «Баши Ачуки» и автобиографической — «Пережитое», а из произведений Г. Церетели в томе помещены рассказы «Тетушка Асмат» и «Серый волк».

Далее идут произведения А. Казбеги «Воспоминания пастуха», «Голубка», «Хевисбери Гоча» и несколько маленьких рассказов Важа Пшавела. Затем следуют писатели-«восьмидесятники», представители т. н. «народнической литерату-

ры» — Н. Ломоурн, С. Мгалоблишвили, Е. Габашвили.

Следует отметить, что такой порядок размещения материала нарушает принятый было в этом трехтомнике за основу историко-хронологический принцип. Творчество писателей-народников увязывается, главным образом, с 70—80-ми годами, и поэтому в сборнике они должны были предшествовать произведениям писателей более позднего этапа — А. Казбеги и Важа Пшавела, а не следовать за ними.

Третий том (35 печ. л.) посвящен грузинской прозе конца XIX и начала XX веков. Здесь опубликованы произведения Э. Ниношвили («Озеро Палиастомы», «Симона», «Восстание в Гурии»), Д. Клдиашвили («Соломон Морбеладзе», «Мачеха Саманишвили», «Микела»), В. Барнова («Торжество змеи», «Кривая груша», «Заря Исани»), повесть Унараго (К. Татаришвили) «Мамелюк», несколько рассказов Н. Лордкипанидзе («Бурдюк», «Богатырь», «Женщина в платке», «Лихолетье») и роман Л. Киачели «Тариэл Голва».

На титульном листе этого тома сказано: «Том третий, начало XX века». Между тем, открывается он произведениями Э. Ниношвили и Д. Клдиашвили, из которых первый умер в 1894 году и, следовательно, полностью принадлежит XIX веку, а наиболее значительные произведения второго, в том числе опубликованные в том «Соломон Морбеладзе» и «Мачеха Саманишвили», созданы в конце XIX века (1894—1897 гг.). Правом ли после этого переносить творчество этих писателей в XX век? Ведь тогда к ним нужно будет подходить с совершенно иным идейно-эстетическим критерием.

Трехтомнику предпослана обзорно-критическая статья «Грузинская классическая проза», первая глава которой (V—XVIII вв.) написана профессором А. Барамидзе, а вторая (XIX—XX вв.) — проф. Ш. Радиани и Г. Маргвелашвили.

К томам приложены биографические справки, составленные проф. А. Барамидзе и доц. С. Чилая.

* * *

Несмотря на большое общественно-политическое и культурно-литературное значение сборника, нельзя пройти мимо некоторых его недостатков, которые проявились как в отборе публикуемого материала, так и в предпосланном трехтомнику вступительном очерке, в научном аппарате, которым снабжено издание.

Грузинская литература — одна из древнейших и богатейших литератур народов Советского Союза. А художественная проза является древнейшей ее областью, она уже в V веке была представлена таким замечательным по своему содержанию и художественной форме про-

изведением, как «Мученичество Шушаники» Якова Цуртавели (необходимо отметить, что это произведение представлено в новом, научно-уточненном переводе академика К. Кекелидзе).

Ряд памятников древнегрузинской словесности содержит исключительно ценные исторические сведения, представляющие большой интерес не только для грузинского народа, но и для народов Ближнего Востока, Закавказья и Северного Кавказа. Кроме того, по единодушному признанию самых авторитетных ориенталистов, изучение христианской литературы раннего средневековья без учета грузинской — неполноценно. Поэтому первый том, который должен был охватить эти важнейшие памятники, являлся самой трудной частью издания и требовал особого к себе внимания. Однако, к сожалению, ряд широко известных памятников древней грузинской литературы либо совершенно не был включен в сборник, либо представлен мелкими (к тому же не всегда достаточно удачно выбранными) фрагментами, что в определенной степени обеднило как его познавательное значение, так и идейно-художественные достоинства.

Так, например, в трехтомнике отсутствует замечательная автобиографическая повесть писателя X века Василия Зарзмели, с подлинной реалистичностью отображающая социально-экономическую жизнь страны, сословно-классовые противоречия, специфические черты грузинского феодализма. Не включено в трехтомник и такое ценное и своеобразное с художественной точки зрения произведение, как «История и восхваление венценосцев» (начало XIII века), отличающееся поразительным богатством поэтических приемов, яркостью художественных образов. Это произведение интересно для русского читателя тем, что, давая яркое представление об уровне грузинской художественной прозы, оно содержит, вместе с тем, крайне важный эпизод из грузино-русских отношений XII века.

Опущено в сборнике и такое выдающееся произведение, как «История Давида Строителя», являющееся не только первостепенного значения историческим памятником, но и замечательным образцом художественной прозы.

Примером же неудачного выбора отрывков может служить, например, фрагмент из прославленного памятника древнегрузинской литературы «Жития Григория Хандзтели», являющегося блестящим беллетристическим произведением, содержащим богатейшие сведения исторического, политического, экономического и культурного характера. Эта объемистая повесть представлена в сборнике

всего тремя страницами, не дающими, по существу, никакого представления о своеобразной композиции, законченном и интересном сюжете, замечательных художественных образах, опозитизированных картинах природы, блестящем поэтическом стиле, социальной заостренности и идейной целеустремленности этого шедевра древнегрузинской литературы.

На наш взгляд, вообще следует считать недопустимым метод фрагментной подачи художественного произведения, без хотя бы краткого изложения его сюжета.

В урезанном виде подан читателю и один из самых замечательных памятников древности — агиографическая повесть Иоанна Сабанисдзе (VIII в.) «Мученичество Або Тбилели», отличающаяся высокими художественными достоинствами, глубоким содержанием и патриотизмом. Она представлена куцыми отрывками, всего на двух листах.

В первый период своего развития грузинская литература внешне носила церковно-религиозную окраску, но значение и величие лучших образцов древнегрузинской литературы в том и заключается, что они далеко выходят за рамки религиозной литературы и, представляя, по существу, реалистическое художественное отражение эпохи, являются, в ряде случаев, главным источником, позволяющим воссоздавать картины исторического прошлого. К сожалению, предвзятый подход к отдельным литературным памятникам V—X веков (видимо, вследствие их религиозного содержания) в некоторой степени проявился и в настоящем издании, приводя порой к неоправданному сокращению произведений, в результате чего древнегрузинская проза представлена недостаточно ярко.

Несмотря на то, что переводы включенных в том произведений осуществлены крупнейшими учеными (акад. К. Кекелидзе, акад. Н. Марр), в переводах, в результате «стилистической правки», допущены погрешности, часто совершенно меняющие смысл. Так, например, искажено начало «Мученичества Шушаники», являющееся основой для датирования произведения. В этом произведении слова «так как» добавлены к предложению «вначале был христианином и был рожден от родителей христиан, женой его была дочь армянского военачальника Варскена». В результате получилось, что грузинский питиахш женился на дочери армянского военачальника, руководствуясь своим вероисповеданием. В переводе произведения VIII века «Мученичество Або Тбилели» откуда-то появилось слово «аллах», исказившее смысл фрагмента.

В нынешнем издании имеются, к сожалению, фактические неточности. Так, например, в нем указано, что перевод «Амиран-Дареджаниани» принадлежит К. Кекелидзе, тогда как он выполнен К. Дондуа. Даниэл Чонкадзе причислен к писателям сороковых годов, тогда как он творил в конце 50-х и начале 60-х годов.

Еще одно — в справке следовало включить новые данные, установленные грузинским литературоведением. Так, например, ранее существовало мнение, что «Амиран-Дареджаниани» является не оригинальным произведением, а переводом. К моменту выхода в свет сборника уже было доказано, что в основу «Амиран-Дареджаниани» легли грузинские сказания об Амირани и, следовательно, данное произведение вполне оригинально. Однако об этом русский читатель из сборника не узнает.

О переводе имен древних авторов... Грузинский суффикс «ели», имеющий большое значение для расшифровки этих имен, в сборнике иногда переводится, как «ский» (например, Георгий Хандзтели представлен как Хандзтинский), что противоречит установившейся традиции и выпадает из общего строя (Цуртавели, Зарзмели, Шавтели, Хонели, Руставели и т. д.).

Биографические справки, приложенные ко второму тому, не всегда дают представление о роли и значении того или иного писателя, об его идейно-классовой позиции, творческом методе, о художественной ценности его произведений; кроме того, в них допущен ряд ляпсусов и стилистических погрешностей (ошибочно даны названия произведений, перепутаны хронологические даты и т. д.). О некоторых фактах в справках упоминается без необходимого разъяснения. Так, например, сказано, что А. Казбеги, возвратившись в 1870 году из Москвы, где он учился в сельскохозяйственной академии, «принял решение сделаться пастухом» и «семь лет бродил по горным пастбищам». Но почему принял этот замечательный писатель такое, на первый взгляд, странное решение, из справки не видно.

Нельзя не пожалеть о том, что в трехтомник не вошли произведения таких крупных классиков грузинской литературы, как Шио Арагвиспирели и Чола Ломтатидзе. Творения этих выдающихся художников ознаменовали новый этап в развитии грузинской литературы. Они подняли грузинскую прозу на более высокую ступень, обогатив ее замечательными по своей форме и содержанию произведениями, навсегда вошедшими в сокровищницу национальной культуры.

Трехтомник завершается замечательным образцом дореволюционной классики — романом Л. Киачели «Тариэл Голау». Но есть две веские причины, по которым этот роман следовало опублико-

вать не здесь, а в сборнике грузинской советской прозы. Во-первых, чтобы не распылять произведения Киачели, которыми должен открываться подобный сборник, а, во-вторых, потому — и это главное, — что «Тариэл Голуа» (хотя в нашей критике и существует мнение, что этот роман — произведение критического реализма) является первым произведением социалистического реализма в грузинской литературе.

В заключение надо остановиться на включенных в трехтомник переводах. Многие из них заслуживают высокой оценки. Но немало и таких, в которых допущены серьезные ошибки. Например, «Отарова вдова» переведена так: «Вдова Отараант» (?!). Как понять русскому читателю слово «Отараант»? И это повторяется несколько раз не только в рассказе, но и в критической статье! Таким же образом повесть Э. Ниношвили «Симона» (и ее главный герой) носит название «Симон» (?!).

В трехтомнике немало случаев искажения имен: Рукха вместо Рука, Бадр Изманидзе вместо Бадри Иаманидзе, Муменик вместо Муменин, Бууга вместо Бучуа, Бебурашвили вместо Бебурисшвили и т. д.

И еще — «нескладный разговор» заменяется «бессовестной беседой», повелительное наклонение глагола — «рассыпь» заменяется «целой россыпью» (?!). Таким

же образом вместо «Рассказа о Сепедавле Дариспанидзе» мы имеем «Рассказ Сепедавле», получается, что это рассказ не о нем, а его самого. Подобные примеры можно продолжить.

За период, прошедший после издания трехтомника, русский читатель получил ряд новых, доброкачественных переводов грузинских книг. Надо надеяться, что именно они будут использованы в предполагаемом новом издании антологии. Это издание должно выйти в значительно увеличенном объеме и полностью сохранить для русского читателя размах, глубину и прелесть грузинской классической прозы.

Подводя итоги, хочется подчеркнуть: сказанное не умаляет значения того поистине огромного труда, который вложен в создание трехтомника коллективом Гослитиздата и всеми привлеченными к этому делу лицами. Трехтомник, впервые предоставивший русскому (а значит, и любому иномациональному) читателю возможность ознакомиться с грузинской прозой в таком не виданном ранее объеме, сыграл большую положительную роль в деле ее популяризации, стал серьезным вкладом в богатую событиями историю русско-грузинских литературных взаимоотношений, еще одним фактом, подтвердившим заботу нашего государства, Коммунистической партии о развитии национальных литератур.

Проза, драматургия, статьи Важа Пшавела

Благодаря неустанному творческому труду русских поэтов-переводчиков, в первую очередь Н. Заболоцкого, русский читатель получил возможность почти полностью ознакомиться с поэтическими творениями классика грузинской литературы Важа Пшавела.

Но Важа Пшавела не только поэт. Он — мастер грузинской прозы, замечательный драматург и критик. К сожалению, до последнего времени эта сторона его творчества русскому читателю была знакома мало. Серьезный пробел теперь заполнен. Семь рассказов Важа Пшавела в переводе Елены Гогоберидзе, напечатанные в первом томе избранных произведений Важа Пшавела (Гослитиздат, Москва, 1958 г.), были первым шагом в этом направлении. А в нынешнем году издательство «Заря Востока» выпустило сборник «Избранное» Важа Пшавела, в который включены лучшие его рассказы, пьеса «Отлученный» («Изгнанник») и критические статьи.

Почти всю жизнь Важа Пшавела прожил в деревне. Он хорошо знал, как живет грузинский крестьянин, о чем он думает и мечтает, что его волнует. В памяти писателя жили народные предания, повествующие о благородстве и мужестве человека, о героических битвах за свободу, о богатырях, защищавших родную землю. Важа Пшавела любил и знал природу. Вместе с тем знал он и далекую от нее жизнь города. Жизненные впечатления писателя, богатые и разнообразные, находили свое выражение в произведениях, которые мы вправе назвать его маленькими шедеврами. В этих маленьких шедеврах даны верные и яркие картины пшавской жизни, повествуется о жизни и борьбе народа, о разорившихся дворянах и преуспевающих чиновниках... Словом, герои его рассказов взяты из действительности...

Важа Пшавела был, наряду с И. Чавчавадзе и А. Церетели, одним из знаменосцев национально-освободительной борьбы грузинского народа. В своих высокохудожественных произведениях он призывал народ к борьбе за социальную справедливость, за национальную независимость. Важа Пшавела был великим песнопевцем природы, художником, изу-

мительно правдиво раскрывавшим ее красоту. Рассказы Важа Пшавела одухотворены присущим всему его творчеству глубоким гуманизмом, любовью ко всему живому — к человеку, к природе, жизнь которой в его произведениях не раз становилась аллегорическим отображением жизни человеческого общества. Всей душой ненавидит писатель угнетателей народа. В рассказе «Картины из сельской жизни» писатель сравнивает их с волчьей стаей, но даже волки, говорит он, лучше, чем эти потерявшие человеческий облик кровопийцы.

Пьеса «Отлученный» («Изгнанник») долгое время не привлекала внимания театров и литературной критики. Впервые высокую оценку дал ей основоположник грузинского советского театра К. Марджанишвили, задавшийся целью поставить ее на сцене, но, к сожалению, не успевший осуществить свой замысел. Теперь пьеса эта, как известно, занимает почетное место в репертуаре грузинских театров.

Несомненно живой интерес вызывают статьи Важа Пшавела, в которых он предстает как критик-реалист. По мнению Важа Пшавела, художественная литература призвана служить интересам народа. «Литература только тогда выполняет свой священный долг, когда она служит народу», — утверждает Важа Пшавела. «Поэту необходима любовь к своему народу, она важна для него так же, как пар для паровоза», — говорит он в статье «Талантливый писатель». В. Пшавела подчеркивает не только эстетические, но и познавательные функции литературы: «...литература это сила... одно из важнейших орудий прогресса, развития народа, его самосознания, улучшения его жизни. Если одни пашут, сеют, словом, ведут хозяйство и тем самым обогащают свой народ, то литература указывает, куда и на что направить это богатство с большей пользой для народа». Весьма ценны высказывания писателя относительно содержания и формы произведения, языка и других вопросов художественного творчества. «Подлинный поэт, — говорит он в названной выше статье, — не может заранее определить форму; форма должна следо-

ать за чувством и мыслью, за подлинно осмысленным и подлинно прочувствованным предметом». Большую теоретическую ценность представляют его высказывания о месте фольклора в творчестве поэта и художественный анализ «Витязя в тигровой шкуре».

Как известно, Важа Пшавела писал свои поэтические произведения на пшавском диалекте, в прозе же он большей частью пользуется общелитературным грузинским языком. Язык прозы Важа Пшавела отличается предельной ясностью, богатством, народностью и простотой. Следует отметить, что в переводах всех произведений, вошедших в сборник и выполненных Ф. Твалтвадзе и В. Орджоникидзе с большой любовью и хорошим знанием материала, его художественной сущности, все эти качества сохранены, сохранен и свойственный автору лаконизм речи. Самым сложным для перевода нам представляется рассказ «Дареджан», в котором автор пользуется пшавским диалектом, но и здесь переводчики сумели сохранить интонационное звучание оригинала, его суро-

вую и простую народную речь. ^{Очень} хорошо звучат на русском языке «Свадьба соек», «Рассказ маленькой лани» и другие.

Кое-где в тексте переводов пропущены некоторые идиоматические выражения, к которым следовало бы подобрать соответствующие русские. Встречаются неточности. Так, например, «чири» переведено как «сушеный персик». Но «чири» — это сушеные фрукты вообще: и персик, и яблоко, и груша и т. д. Следовало бы также объяснить, что означают слова «Копала», «Лашарский крест» и другие. И еще одно: нужно, наконец, соблюсти единообразие при переводе слова «швели», хотя бы в пределах одного издания. Е. Гогоберидзе переводит его как «косуленок», в рецензируемой книге оно переведено и как «лань» («Рассказ маленькой лани»), и как «косуля» (в статье Важа Пшавела, 295 стр.).

Книгу «Избранное» включает статья критика Г. Маргвелашвили, дающая обстоятельный, аргументированный анализ творчества Важа Пшавела.

Не только новое, но и хорошее

Каждая новая книга писателя — это почти всегда новый рассказ о времени и о себе. Строка, написанная сегодня, является отблеском (ярким или бледным) современности и показателем того, вырос ли художник, сделал ли еще один шаг вперед в своем искусстве или палитра его обеднела и позволяет наносить на полотно лишь черно-белые блики.

Именно поэтому настораживает читателя заголовок вышедшего не так давно в издательстве «Сабчота мцeralи» поэтического сборника Реваза Маргиани — «Только новое».

Реваз Маргиани — поэт щедрого и оригинального дарования — принадлежит к числу тех художников, своеобразную манеру которых узнают и отличают сразу же. Маргиани — типичный представитель среднего поколения грузинских писателей, — тех, которых всколыхнула и выдвинула волна энтузиазма, порожденного завершением в нашей стране строительства социализма тех, которые прошли суровое испытание Великой Отечественной войны, а сегодня вместе с представителями старшего поколения несут на своих плечах главную ответственность за судьбы нашей литературы.

Своеобразие стихотворений Р. Маргиани, на наш взгляд, заключается в их сюжетности, конкретности. Большинство стихотворений, по существу, представляет собой баллады, лирические новеллы, радующие целеустремленностью и точностью образов, глубиной и проникновенностью мысли.

Не будет преувеличением сказать, что эти лучшие стороны лирики поэта еще больше развились в его новых стихотворениях. Большая часть этих стихов написана во время заграничного путешествия поэта. Образы родной страны, матери, любимой, когда поэт находится за много тысяч километров от них, становятся для него еще более близкими, любимыми. Где бы ни был поэт, родина — всегда с ним. Многие из стихотворений построены на ассоциациях — удачных, верных. Таковы стихотворения «Моя отчизна», «Я жажду», «Мне снилось» и другие, которые, к тому же, согреты неподдельным лиризмом.

Реваз Маргиани — активный борец

за мир, стоящий в передовой шеренге тех художников слова, которые поставили на службу этому великому делу свой талант, темперамент, мастерство.

В рецензируемом сборнике эта животрепещущая тема воплощена в жизне-радостных, полных оптимизма поэтических образах. Поэт путешествует по Европе, он видит, что простой народ повсюду жаждет мира и созидания. Поэтому идеи дружбы и братства народов становятся органическим лейтмотивом таких хороших стихотворений, как «У французов», «В Хельсинки неожиданно меня попросили», «Дети» и другие.

Да, творчество Маргиани, даже там, где поэт говорит о войне, глубоко оптимистично. И, вместе с тем, в отдельных стихотворениях высоко звучит трагическая нота. Во время пребывания в Германии поэт вспоминает своих друзей, талантливых грузинских поэтов, павших смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны. И, возвышая свой голос против тех, кто жаждет развязать новую войну, поэт напоминает: война губит жизни, сердца, любовь и таланты.

Подлинным драматизмом проникнуто стихотворение «Мирза Геловани».

...Идет проливной дождь. Поэт здесь, на германской земле, вспоминает погибшего друга. Вспоминаются былые дни, грозные тучи над Родиной, жаркие схватки с врагом, затаенная мечта — вернуться и творить. Но не всем суждено это. Правда, кровь пролита недаром, добыта великая победа, но все же не затихает грусть по тем, кто никогда больше не вернется, не притронется чуткими пальцами к любимой лире. И мы прощаем поэту, «слезу, поставленную точкой к этим стихам».

Не менее впечатляющим является стихотворение «Из Местии до Одиши», воссоздающее замечательный образ молодого, также рано погибшего поэта Александра Саджая.

Для этих стихотворений характерно, прежде всего, высокое благородство и гражданственность мысли, безупречность формы, полностью созвучной драматизму их содержания.

И еще об одной, родной для поэта, теме хочется здесь сказать. Эта тема —

героическое прошлое нашей страны, великие подвиги, совершаемые её сынами во всех сферах жизни, — раскрывается в стихотворениях «Идет Горгасал», «Акакий».

Своеобразна любовная лирика Маргиани, из которой особо следует отметить миниатюры «Достаточно лишь твоего дыхания», «Твои глаза» и другие.

Реваз Маргиани успешно работает в области пейзажной лирики. Конкретность, зримость присущи лучшим из его стихотворений этого жанра, в особенности тем, что посвящены Сванетии. Мнится, читая их, что идешь вместе с поэтом по следам его чеканных строк — по горным кручам и обледенелым выступам, дышишь свежим, морозным воздухом, наслаждаясь чудесными пейзажами.

Многие стихотворения Реваза Маргиани построены как воспоминания о чем-то и сейчас очень живом, очень важном и существенном для поэта. Вместе с тем, как правило, они, эти стихи, обращены в будущее. Поэтому, утверждая, что анализ пройденного пути в какой-то мере присущ многим новым стихотворениям Реваза Маргиани, мы вправе думать, что рецензируемый сборник зна-

менует собой завершение определенного этапа в творчестве поэта и начало нового, надо надеяться, еще более зрелого и щедрого.

В заключение — несколько соображений, пожеланий и замечаний.

Прежде всего, несколько слов о поэтической форме, о том, что в отдельных стихотворениях Маргиани проскальзывает порой небрежное к ней отношение. Это проявляется в банальности тех или иных рифм, неблагозвучии поэтической фразы (неудачное сочетание согласных) и т. д. Быть может, это мелочи, но мелочей в настоящей, большой литературе не бывает.

И последнее. Долгое время книги зачастую оформлялись попросту плохо. В настоящее время в этом деле произошел перелом. Издательство «Сабчота мцэрალი» теперь серьезно заботится о внешнем виде книг, к оформлению их привлекает мастеров изобразительного искусства. Сборник новых стихотворений Реваза Маргиани оформлен безукоризненно. Выдающийся грузинский художник Ладо Гуднашвили вновь блеснул своей неистощимой фантазией, дав книге, если можно так выразиться, много света, воздуха и чувства.

Г. Алибегашвили,
кандидат искусствоведения

Давид Какабадзе

В Государственной картинной галерее Грузии экспонировались произведения одного из выдающихся художников Советской Грузии — Давида Несторовича Какабадзе. Творческое наследие Д. Какабадзе велико. Он оставил интересные работы в области живописи, акварели, графики, плодотворной была его деятельность по оформлению театральных постановок и в кинематографии. Нынешняя выставка, хотя далеко и не полная, дает ясное представление о творческой эволюции художника, прошедшего в искусстве сложный и своеобразный путь.

Датой своего рождения как художника Д. Какабадзе считал 1908 год, когда в журнале «Сакартвело» стали появляться его рисунки, исполненные пером. Уже в этих зарисовках (преимущественно родного села Кухи) начали определяться те черты, которые в дальнейшем становятся характерными для его художественной манеры — четкость тонкого рисунка, строгая законченность исполнения. И все же эти работы во многом были пока еще результатом стараний самоучки.

По окончании гимназии Д. Какабадзе поступил в Петербургский университет на отделение естественных наук и одновременно начал посещать мастерскую художника Дмитриева-Кавказского, под руководством которого проучился пять лет (1910—1915).

Работ, выполненных Какабадзе в мастерской Дмитриева-Кавказского, сохранилось очень мало. Среди них обращают на себя внимание пять небольших этюдов с видами Финляндии, несколько портретов, а также ряд имеретинских пейзажей, занимающих в творчестве Д. Какабадзе этих лет особое место и начавших тот цикл работ художника, который больше всего прославил его имя.

...С юности и до конца своих дней любовь к родной природе влекла художника к неутомимым путешествиям по стране. Пешком, с рюкзаком за плечами, обошел он все уголки Грузии, накапливая богатейший материал для своих пейзажных композиций.

Если ранние этюды Д. Какабадзе носили, в основном, характер быстрого наброска с натуры, то поздние вещи представляют уже строго продуманные композиции, исполненные на многократно подготовленном полотне и впечатляющие тщательно пролессированной красочной поверхностью. Эти черты, впрочем, в определенной мере проявились и в некоторых ранних вещах, например в «Автопортрете с гранатом» (1913), справедливо относимом к лучшим работам художника. Изображенная по колени фигура выделяется четким силуэтом на фоне резко удаленного пейзажа. При исполнении пейзажного фона Д. Какабадзе вдохновлялся одной из персидских миниатюр. В условности средневековой миниатюры нашел он средства для решения интересовавшей его в ту пору задачи — создать впечатление огромного пространства, используя чередование планов. Это чередование планов, передающее огромные пространства, является одной из характернейших особенностей картин художника. Интересно, что столь специфическая манера находит простое объяснение: как вспоминал сам художник, часто еще будучи мальчиком, он забирался на вершины высоких деревьев и в восторге замирал, любуясь широко открывавшейся оттуда далью с бесконечными полями и цепью гор на горизонте. То, что он видел, и как он видел, художник и пытался передавать в своих произведениях, а затем — теоретически обосновывать. Уже в студенческие годы

Д. Какабадзе, выступая с определением своих взглядов на искусство, высказывается за тщательность выполнения — «делание» картин, за сохранение чистоты рисунка и определенности форм, как главного условия существования произведения искусства.

В 1918 году Д. Какабадзе возвращается в Грузию. Здесь он создает целую серию карандашных зарисовок Тбилиси, которую сам художник рассматривал в качестве предварительного наброска для будущих больших работ. Всю «тбилисскую серию» отличает четкий рисунок.

Склонность Д. Какабадзе очертить, прощупать предметы в их границах сказалась не только в графике, но и в живописи. В 1918 году он исполнил маслом «Имеретинский натюрморт», где в непогрешимой композиции сгруппированы выделяющиеся на белом фоне стола предметы, обычные в обиходе грузинского крестьянина. Четкий толстый контур как бы вырезает их из фона. Предметы становятся интересными, прежде всего, как красочные пятна, проектируемые на другом красочном пятне (белом фоне). Но важно то, что все эти художественные средства служат выявлению характера самих вещей, оживающих в своей специфической выразительности. В этом отношении особенно интересна одна из самых лучших его картин — «Имеретия — мать моя» (1918). Как видно и по названию, картина совмещает два образа — матери и родины — и в определенной степени символична. Тонким черным контуром прочерчивается фигура женщины, поданная крупным планом на фоне резко удаленного пейзажа. Неба не видно — его закрывают горы. Картина хотя и несет на себе некоторые следы увлечения манерой письма старых западных мастеров, но, тем не менее, является произведением сугубо национального звучания.

Национальный характер серии «имеретинских пейзажей» Давида Какабадзе определяется, вообще говоря, не только выбором сюжета, способностью уловить специфику имеретинского пейзажа с его рельефами гор и с «лоскутками» полей, но и красочной гаммой.

Как и многие другие художники, Давид Какабадзе увлекается в эти годы поисками новых путей в искусстве, путей, которые должны были, по представлению, часто ошибочному, этих молодых искателей, соответствовать происходящим социальным преобразованиям. Ряд произведений свидетельствует о кратковременной дани, которую художник отдал кубизму. Затем, порвав с кубизмом, Давид Какабадзе вступает в по-

лемику с Пикассо и Браком, выдвигая уже такие художественные концепции, в результате которых появляется целый ряд сугубо абстрактных композиций.

С 1919 по 1927 год Давид Какабадзе жил во Франции. В этот период он создал цикл мастерски сработанных карандашных зарисовок различных уголков Парижа и серию акварелей «Бретань».

В 1928 г. Д. Какабадзе вернулся в Грузию и вскоре был приглашен преподавателем в Академию художеств, где проявил себя, как чуткий и умелый педагог. Обучая своих воспитанников мастерству, он стремился способствовать раскрытию их творческой индивидуальности, не поощряя никаких подражаний. Свою плодотворную педагогическую деятельность Д. Какабадзе, являясь профессором и заведующим учебной частью Академии художеств, продолжал вплоть до 1948 года.

Над какой бы темой не работал художник, его излюбленным жанром остается пейзаж. Интересны его серии «Рионгэс» (1933), «Сванетия» (1939), «Старый Тбилиси» (1944) и др., привлекающие внимание своеобразной художественной манерой и умением уловить в изображаемом самое характерное и выразительное.

Постепенно в творчество Д. Какабадзе все более властно вторгается тема труда. В 1949 году Д. Какабадзе выставляет три больших полотна — «Сванетия. Разработка руды», «Поти. Элеватор», «Казбеги», в 1951 — «Рустави. Первая выплавка чугуна».

В этих вещах чувствуется отказ художника от декоративных решений, к которым он прибегал в ранних вещах, а в связи с этим и от старой манеры письма: нет больше выведенных контуров, тщательной лессировки, изображение не «прощупывается» по контуру. Прозрачное небо, тяжелые волны в «Поти», глубина интерьера в «Рустави», клубы облаков в «Казбеги» переданы в легкой и свободной манере, без всякого ущерба точности и четкости рисунка или гармоничной звучности красочной гаммы. Жанр пейзажа расширяется за счет привнесения фабулы, действия. О растущем интересе художника к теме трудового героизма советских людей свидетельствуют интересные, полные неиссякаемой творческой энергии, этюды к будущим картинам.

Своей многогранной творческой деятельностью Давид Какабадзе вписал интересную страницу в историю грузинского советского изобразительного искусства.

«НИАНГИ» ЗАГОВОРИЛ ПО-РУССКИ

Говорят, что крокодилы не любят путешествовать. Но это — неправда. Недавно крокодил с берегов Куры побывал у своего тезки с берегов Москвы-реки, и в результате этого дружественного визита грузинский «Нианги» наконец-то был представлен русскому читателю. Представление произошло путем выпуска в «Библиотеке «Крокодила» книжки «Нианги» смеется».

Что «Нианги» смеется, это, конечно, хорошо, но еще лучше, что то же делают и его читатели. Когда читатели не смеются, крокодилий смех внушает грусть.

Впрочем, читая «Нианги», смеются не все. Есть и такие, которые хмурят брови, а то и скрежещут зубами — это, как вы догадываетесь, те, кого «Нианги» поддел своими вилами.

Читаешь эту книжечку, и по всему видишь, что «Нианги» — это не какой-нибудь бродяга. Он знает, кого есть. Кстати, этим его предки прославились еще до революции. Не думайте, что «Нианги» — из семьи чопорных толстяков, гордившихся своим золотым тиснением и солидной годовой подпиской, тех, кого читал на сон грядущий обыватель. Нет, предки его — тоненькие, не очень красивые, но очень задиристые журнальчики, которые, несмотря на свой не очень могущественный вид, давали иной раз хорошего щелчка самим царским властям. Так это сделал и отредактированный Акакием Церетели «Хумара», закрытый сразу же после выхода своего первого номера. Налицо, таким образом, хорошие семейные традиции. Но «Нианги» живет в иное время, когда то, о чем мечтал Акакий Церетели и другие великие грузины, стало

былью. Но тому, чтобы эта была становилась все более радостной в наибо-льшем темпе, кое-что мешает. И вот с этим «кое-что» борется «Нианги» — хлестким фельетоном, веселой притчей, острой карикатурой... Многие попадают на вилы грузинскому крокодилу... И солидный деятель райисполкома (теперь уже бывший солидный деятель), откармливавший свою живность в колхозном стаде («Лонгиноз-паша» Георгия Иванишвили), и любитель прихвастнуть («Гладиатор» Нодара Думбадзе), и недоверчивая заведующая загсом, и склочник, посрамленный благодаря тбилисскому Шерлоку Холмсу («Шерлок Холмс» Гурама Панджикидзе). Вместе с «Историей с холодильником», написанной популярным Парсаданом, названное представляет в журнале прозу «больших форм». Что же касается «малых прозаических форм», таких, как «Миниатюры» Гарри Метревели, рассказик «Уважительная причина» Гурама Шарашидзе, «Сказки, в которые не верят и дети» Р. Мамулашвили, «Микроскопические рассказы» Мосэ Карчава, Эдишера Кипиани, Гурама Шарашидзе, то они достигают цели не хуже, чем их более объемистые собратья, жжет ведь и малая щепотка, если это — щепотка перца.

Итак, «Нианги» смеется. И смех этот тем более приятен, что в его создании активно участвуют поэты. Таким образом — еще одно открытие для русского читателя: грузинские поэты хорошо распоряжаются и орудием труда и сатиры — вилами. Об этом свидетельствуют стихи Карло Каладзе, Акакия Геловани, З. Кухниадзе.

Остроумны карикатуры — авторами их являются Г. Пирцхалава, Г. Ломидзе, Д. Лолуа, Н. Малазония, Д. Эристави, З. Нижарадзе, Д. Нацвлишвили.

В книжке, о которой мы рассказываем читателю, нет, к сожалению, сатирических материалов на международном материале — это, пожалуй, может создать у читателя несколько ограниченное понятие о грузинской юмористике.

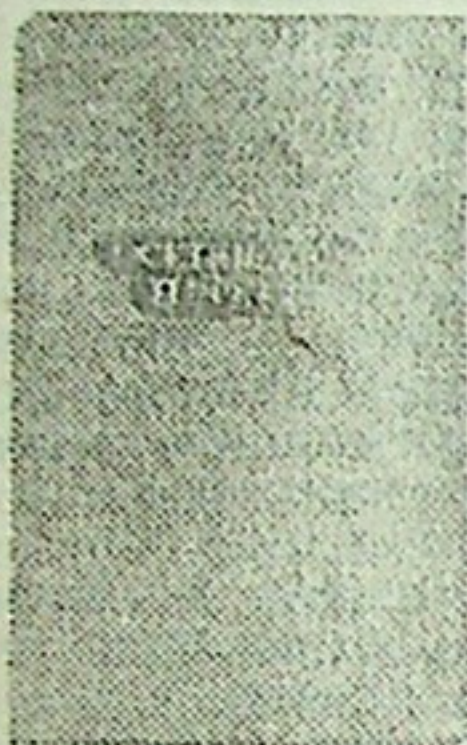
...Во время визитов дружбы фотографируют обычно обе стороны. Жаль, что на обложке книжки «Нианги» смеется», рядом с традиционным крокодилом с берегов Москва-реки нет крокодила грузинского, с лихо заломленной на затылок кахетинской шапоч-

«Нианги» смеется». «Библиотека «Крокодила», № 13. Издательство «Правда», Москва, 1959 г.

кой. Впрочем, не это главное, главное то, что представление «Ннанги», а, значит, и довольно многочисленного отряда грузинских юмористов русскому читателю — состоялось; «Ннанги» заговорил по-русски. И за это хочется поблагодарить «Библиотеку «Крокодила», переводчиков и редактора И. Лабковского — автора хорошего, теплого предисловия к книжке.

С. МАРИНАШВИЛИ.

ОСЕТИНСКАЯ ПРОЗА

Сборник «Осетинская проза», вышедший в издательстве «Заря Востока», включает в себя народные сказания, произведения классической и современной литературы. Предваряющая сборник статья Г. Джатилова содержит ценные сведения из истории осетинской литературы, объясняет значение нартского эпоса,

рассказывает о возникновении в XIX веке осетинской художественной прозы, испытавшей в своем развитии благотворное влияние идей Белинского, Чернышевского, Добролюбова, знакомит читателей с осетинскими советскими писателями.

Видное место в разделе художественной прозы занимают очерки «В осетинском ауле» Инала Канукова (1847 — 1898). Автор — один из прогрессивных общественных и литературных деятелей своего времени — описывает в этих очерках жизнь крестьянства, рисует картины беспросветной нужды и горя, нищеты и бесправия осетинской деревни.

Трагическая картина жизни осетинского крестьянства до революции предстает перед читателем в рассказе «Охота за турами» Коста Хетагурова.

Революционер-демократ, видный общественный деятель, выдающийся поэт и прозаик Коста Хетагуров является основоположником осетинской художественной литературы и литературного языка.

Рассказывая о жизни крошечного аула (всего тринадцать дворов), затерявшегося высоко в горах, Коста Хетагуров

«Осетинская проза». Редактор Б. Абуладзе. Издательство «Заря Востока». Тбилиси. 1958 г.

привлекает внимание читателя к главному герою — Тедо. Тедо с товарищами вынуждены идти на трудную и опасную охоту за турами, чтобы добыть для своих семей средства к жизни. На каждом шагу охотников подстерегает опасность. Но Тедо не знает страха. На узкой горной тропинке, извивающейся змеей в расщелинах скал, он спас жизнь товарищу. Наконец, они у цели. Применяв хитрость, Тедо одним выстрелом сразил двух больших туров, но... радость его преждевременна. Когда испуганное стадо туров бросилось бежать, по крутой стремнине загрохотали камни, и страшный обвал похоронил Тедо.

Не менее трагична судьба героев были «Азау», принадлежащей перу Секи Гадиева. Современник Коста Хетагурова и Инала Канукова, поэт и прозаик Сека Гадиев (1855—1915) занимает видное место в истории осетинской литературы. Он является первым писателем-прозаиком, создававшим свои произведения на осетинском языке.

Среди писателей, чья литературная деятельность протекала в основном до революции, следует назвать Арсена Коцоева, Цомака Гадиева и Елбиздыко Бритаева.

Опираясь на традиции чеховского реализма, Арсен Коцоев простым народным языком написал ряд рассказов, пронизанных тонким юмором. Его рассказы «Охотники», «Пасха Гуго», «Друзья» и другие пользуются широкой известностью и любовью во всей Осетии. Наиболее крупное свое произведение — «Джанаспи» Арсен Коцоев посвятил классовой борьбе в осетинской деревне, победе нового над старым.

Поэт-революционер Цомак Гадиев, сын Сека Гадиева, является автором стихов «Народ», «Клич борьбы», «Набат» и других. Благодаря многосторонности своего таланта, он создал замечательные произведения.

Цомак Гадиев — один из основоположников социалистического реализма в осетинской литературе. Его повесть «Честь предков» вошла в число лучших произведений советской литературы о колхозном строительстве.

Среди писателей дореволюционного периода нельзя не назвать Ал. Кубалова, Б. Гурджибекова, Б. Туганова, Р. Кочисову — первую осетинку-писательницу, Д. Короева и других, обогативших национальную литературу произведениями различных жанров.

После установления Советской власти в Осетии в литературу вливается молодое пополнение. Первым долгом следует назвать Созырико (Сико) Кулаева, оставившего, несмотря на короткое время

творчества (с 1927 по 1937 год), неизгладимый след в осетинской прозе.

Привлекает к себе внимание и Дабе Мамсуров, произведения которого пользуются большой популярностью и любовью далеко за пределами республики.

Видное место в литературе тридцатых годов занимал большой и тонкий мастер Кудзаг Дзесоев. Немалых успехов в те же годы достигли писатели А. Тибиллов, Г. Бараков. К тому же периоду относится начало литературной деятельности Р. Чочиева, Е. Бекоева, Г. Плиева, Ниги и других, которые в период Великой Отечественной войны поставили свое творчество на службу борющемуся народу. Тогда же стали известны имена Д. Мамсурова, Т. Епхиева, Б. Бодиева, Т. Бесаева, Е. Уруймаговой, Д. Туаева, Д. Джигоева, В. Санакоева, Н. Гаглюева и других.

В последние годы читатели познакомились с молодыми осетинскими прозаиками Г. Дзугаевым, Н. Джусоевым, М. Габуловым, А. Букуловым и другими.

В сборник вошло свыше двадцати произведений писателей Осетии, в которых отобразилась жизнь и быт народа как до Великого Октября, так и в советское время. Многие рассказы отличаются остротой тематики. Таков, например, рассказ «Из-за земли» из цикла «Говорят башни» Чермена Бегизова. В нем описывается то время, когда народу не хватало земли, и клочок пашни завоевывался кровью. «Земля, на которой поместилась бы корова, стояла столько же, сколько сама корова», — пишет автор.

Зато когда читаешь напечатанный в этом же сборнике рассказ «Честь предков» Цомака Гадиева о новой деревне, где рождается радостная счастливая жизнь, охватывает чувство законной гордости за свою Родину, под солнцем которой расцветают все народы.

В рамках небольшой статьи трудно подробно разобрать каждое из напечатанных в сборнике произведений. Но в общем надо сказать, что издание сборника «Осетинская проза» на русском языке, безусловно, нужное и полезное дело, которое следует приветствовать.

Тем досаднее некоторая небрежность при составлении сборника. Так, во многих произведениях встречаются непонятные слова, требующие пояснения. Между тем сноски почему-то даются не во всех случаях.

К числу недостатков сборника относится, на наш взгляд, и то, что рассказы советских писателей не выделены в отдельный раздел.

Вызывают досаду также пропущенные

в некоторых рассказах стилистические погрешности.

Но, несмотря на имеющиеся недостатки и упущения, сборник «Осетинская проза», несомненно, вызовет у читателей интерес.

Д. ТАМАРАДЗЕ.

ПУТЕМ СВОЕГО НАРОДА

Рождению новой жизни, нового человека посвящен роман абхазского писателя И. Папаскири «Темыр». Действие его разворачивается в Абхазии, в первые годы установления Советской власти. Автор рассказывает о том, как в темной, глухой деревушке Алашара рождается колхоз, рисует убедительные картины классовой

борьбы в абхазской деревне.

Сюжет романа прост: бедняк Темыр любит дочь своего соседа Ахмата — Зину, или, как называют ее односельчане, Зину. Девушка отвечает ему взаимностью. Но на пути их к счастью встает непреодолимое препятствие. Когда Темыр был еще ребенком, кто-то убил его старшего брата Мыту. По старинному обычаю, Темыр должен найти убийцу и отомстить. Он — кровник, а кровник — «половина человека, а не человек»; кровник не имеет права бывать среди людей, он должен жить изгнанником до тех пор, пока кровью не смоет кровь. Темыр, верный этому обычаю, вынужден отказаться от любимой девушки, до тех пор, во всяком случае, пока не свершится месть.

Но выясняется, что у Темыра и Зины вообще нет никакой надежды хотя бы в будущем быть вместе, так как убийцей Мыты является Ахмат, отец девушки.

Однако Темыр не в силах убить старого Ахмата, и не только потому, что он отец Зины, но и потому, что многое изменилось в Абхазии, «новые, советские люди появились на земле, и сила их большая, и достоинства их другие, и видят в себе эти люди совсем иные качества... эти абхазцы совсем не похожи на жителей старой Абхазии!». Вот это — главное, и Темыр, сперва, правда, полсознательно, чувствует, что в этих новых условиях немислимо совершить то, что по-

И. Папаскири. «Темыр». Перевод с абхазского А. Пасынкова. Редактор Г. Бебутов. Издательство «Заря Востока». Тбилиси. 1959 г.

велевает ему старый обычай, рабами которого были его предки на протяжении «многих столетий, а может быть и тысячелетий».

Движимый сначала лишь простым стремлением узнать от людей еще что-нибудь о совершенном некогда убийстве, Темыр начинает бывать на собраниях, ходит в сельсовет, в библиотеку. И это — уже первое нарушение обычая и первый шаг к освобождению. Постепенно волны новой жизни подхватывают его. Но Темыр не в силах еще сразу порвать нити, связывающие его с прошлым. Автор психологически правдиво показывает внутреннюю борьбу героя, в котором словно живут и борются два человека — один стремится к свету, к счастью, стремится идти в ногу со своим народом, строить, созидать, любить, а другой тянет назад, к убийству, крови, разрушению.

Интересно, что не любовь приводит Темыра к новой жизни, а его односельчане, народ. И в этом — большая жизненная правда романа. В таких условиях только таким путем мог Темыр порвать с прошлым, освободиться от его пут.

Доверие народа, вручившего ему в какой-то мере судьбу деревни, многое меняет в его миропонимании. «Убить человека... но как я, друг Михи, председатель сельсовета, могу сделать такое дело! — говорил он себе все чаще».

Через некоторое время еще недавно забитый, одинокий бедняк Темыр Тванба, ныне один из самых уважаемых людей в селе, вступает в партию. Проходит еще короткое время, и Темыр созывает общее собрание крестьян, на котором решают организовать колхоз. И Темыр чувствует, как вместе с крестьянами, порвавшими со старой жизнью, освобождается от ее гнета и он сам. Потом, в годы учебы в Москве, Темыр окончательно поймет и осознает всю нелепость и бессмысленность того, что казалось ему когда-то святой его обязанностью.

Победа Темыра над своим вторым «я» символизирует торжество новой жизни в Советской Абхазии. А сама история его является своеобразным отображением той большой борьбы между старым и новым, которая шла в абхазской деревне в первые годы после революции.

В этом отношении особое место в романе занимает образ Михи, секретаря партийной ячейки. Миха олицетворяет животворную силу партии, ее направляющую роль. Миха — организатор, руководитель, воспитатель. Это он вовлекает Темыра в общественную работу, поддерживает его в тяжелые минуты сомнений, колебаний, открывает перед ним новые горизонты, новые возможности.

Живо изображает автор картины сво-

бодного труда абхазских крестьян. Приезжая на каникулы из Москвы в родную деревню, Темыр с радостным удивлением замечает, что в Алашаре — своя чайная плантация, что девушки вступают в комсомол, и первая среди них — Зина. И, самое главное, — крестьяне тянутся в колхоз. Даже такой закоренелый единоличник, как Арсана, признал преимущества коллективного хозяйства.

И. Папаскири создал привлекательный образ женщины новой Абхазии. Это — Зина. Автор с большой любовью относится к своей героине, и то же чувство вызывает она у читателей. Это сильная, глубокая натура. Ей пришлось немало пережить. Но ничто — ни долгая разлука, ни сознание невозможности быть вместе с Темыром — ничто не смогло ослабить ее любви. «Пускай постарею, стану дряхлой, буду умирать, но... буду его ждать», — решает девушка.

Зина становится членом колхоза. Она первой в селе, нарушая волю матери, вступает в комсомол. Она настолько «отбилась от рук», что «оскверняет обычай дедов» — в священный для семьи вторник, запретный день, выходит на работу. Зина передовая колхозница, лучшая ударница, имя которой известно всей Абхазии.

Автор сумел правдиво показать, как Советская власть принесла счастье абхазскому народу, вывела его на светлую, широкую дорогу новой жизни. Судьба Темыра и Зины — это судьба многих абхазских юношей и девушек, которая сложилась бы, конечно, далеко не так счастливо, живи они несколькими десятилетиями раньше.

Роман И. Папаскири написан в мягком лирическом тоне. Удачны описания живописной абхазской природы.

Нельзя не отметить хорошего качества перевода, выполненного А. Пасынковым и частично А. Дубровским. Оба переводчика вполне справились со своей задачей — они нашли верные интонации, сумели сохранить национальный колорит произведения, передать своеобразные народные выражения, так трудно поддающиеся переводу.

Хочется сделать и несколько критических замечаний.

Так, думается, выпадает из ткани романа и совершенно не нужна история Надиного отца; несколько трафаретны образы Мыкыча и Мурзакана; порой ощущается налет сентиментальности. Но в целом книга И. Папаскири, написанная увлекательно и живо, со знанием исторической обстановки эпохи, заслуживает положительной оценки и представляет несомненный интерес для русского читателя.

К. ГВРИТШВИЛИ.

ГЛАВНЫЙ ОБЪЕКТ — СОВРЕМЕННОСТЬ

Творческий путь Михаила Лохвицкого не очень велик. Три года, разделяющие время появления его книги «Встречи в пути» и нового, выпущенного недавно издательством «Молодая гвардия» сборника «Люди горных кряжей», почти полностью охватывают его пока небольшую писательскую биографию. Понятно, подобная хронология несколько

условна: ряд очерков, корреспонденций и небольших рассказов М. Лохвицкого был опубликован на страницах республиканской печати еще десятилетие назад. И, думается, именно работа в газете, беспокойная профессия журналиста и обогатила его во многом запасом наблюдений, обострила интерес к событиям сегодняшней жизни, к судьбам людей, дела и чувства которых ему пришлось не только наблюдать со стороны, но и отстаивать или отвергать как непосредственному участнику происходящих событий.

Отсюда — подкупающая достоверность лучших его рассказов, интересных, прежде всего, остротой проблематики, желанием сражаться на переднем крае жизни.

Действие наиболее удавшейся, на наш взгляд, повести М. Лохвицкого «Через овраг» протекает в одном из отдаленных уголков республики — в колхозе, затерянном в горах, куда не столь уж часто ступает нога районного начальства, да и значение которого в общих планах района не очень-то велико. Больше того, многие словно привыкли к положению дел, к тому, что колхоз всегда называли в числе самых отстающих, почти безнадежных.

Но было бы глубокой ошибкой думать, что автора повести интересует лишь эта несложная констатация факта. Нет, она только предпосылка для более важных наблюдений и обобщений. Не случайно в центре повести образ Георгия Арчвадзе, нового председателя колхоза, который, по мысли автора, во многом выражает характерные устремления самой жизни, пафос творческого труда. В этом закономерность самой действительности, которая в преодолении многих трудностей настойчиво и верно

М. Лохвицкий. «Люди горных кряжей». Редактор М. Лапшин. Издательство «Молодая гвардия». Москва, 1959 г.

прокладывает свой путь, выдвигая героя — и в жизни и в литературе, — прочно, многими нитями связанного с народом.

Но понять умом и ощутить сердцем закономерность жизни — только одна (хотя, вероятно, и важнейшая) предпосылка успешности писательского труда. Ведь знание, ощущение хода времени может быть реализовано в произведении, понятно, не в голых сентенциях и умозрительных рассуждениях, а в логике человеческих характеров, в истории их становления и роста. И в этом смысле опять-таки пример образа Георгия Арчвадзе очень поучителен... Арчвадзе в центре произведения не только композиционно, не столько по месту, отведенному ему в повести автором, сколько благодаря активности собственного характера, своему несомненному душевному обаянию. Георгий — далеко не идеальный герой, и автор, проводя его через многие нелегкие испытания, помогает нам, читателям, разглядеть ту двойную зависимость, то взаимовлияние, которое связывает его героя с обстоятельствами окружающей жизни.

Впрочем, говоря шире, может ли вообще отсутствовать такая связь в реалистическом произведении? Ответить, по моему, можно только отрицательно, ибо произведения, в которых герои и жизненные обстоятельства либо не связаны вовсе, либо их воздействие друг на друга произвольно и не подчинено никаким законам, не в состоянии ни обогатить наше представление об окружающем мире, ни приоткрыть тайники человеческой души. Характеры, развивающиеся по воле авторов в некой дистиллированной среде, будут всегда нести на себе печать большей или меньшей «сделанности», заданности.

Вспомните в этой связи хотя бы открывающую сборник «Люди горных кряжей» повесть «Девушка с нагорья». Дело не в том, что конфликт повести далеко не нов (любовь и искусство), а в том, что решен он не очень-то свежо и оригинально. Произошло же это, скорее всего, потому, что героиня повести в переломный момент ее жизни очутилась в абсолютной изоляции, наедине со старой учительницей Нуцубидзе, образ которой, к тому же, лишь намечен легким пунктиром. Да и автор здесь становится особенно лаконичным: «Сперва занятия продолжались час, потом два. Когда Нина Владимировна уходила в консерваторию, Надя шла на базар, возвращалась, готовила обед и садилась за арфу уже одна. Вечерами она стала посещать вечернюю школу. После школы принималась за уроки. Другая не выдержала бы такой нагрузки, но Надя все преодолевала. Ей только трудно

было бороться со сном, она часто засыпала, положив голову на тетради, потом вскакивала, шатаясь, шла в ванную, умывалась и снова садилась за стол». Зимой Нина Владимировна повезла Надю в оперный театр на «Данси», — вот почти все, что мы узнаем о жизни Нади в Тбилиси, о важнейшем периоде формирования ее характера, о тех глубоких сдвигах, которые, если верить течению сюжета, произошли в ее душе.

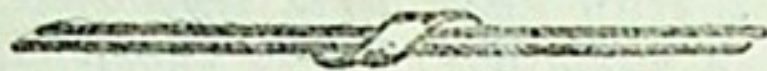
Поэтому-то читателя не покидает ощущение некоторой традиционности, пожалуй, даже литературности в решении всего конфликта произведения (это подчеркивается и банальностью некоторых выражений — «Звуки рояля лились каскадом», «хор скрипок пел о радости и счастье жизни» и др.).

В повести «Девушка с нагорья»

М. Лохвицкий словно отступает от основной линии своего творчества, заметно, повторяем, прежде всего, жадной пытливостью к процессам «быстротекущей жизни», желанием постигнуть и запечатлеть в человеческих характерах ее важнейшие закономерности. В этом еще и еще раз убеждают такие рассказы книги, как «Тяжелая палата» и «Тасо».

В сборник «Люди горных кряжей», вошло и несколько рассказов из предыдущей книги писателя. И хотя рассказы были отобраны наиболее зрелые, они сейчас явно проигрывают от соседства с такими произведениями, как повесть «Через овраг» или рассказы «Тяжелая палата» и «Тасо». А это ли не лучший показатель продолжающегося роста профессионального мастерства прозаика?

М. ЗАВЕРИИ.

ЛЕОНИДЗЕ Г. Георгиевич
Грузинский поэт.
Родился в 1899 году. Первое стихотворение опубликовано в 1911 году. Первая книга стихов вышла в 1938 году. В последующие годы издан ряд поэтических сборников.

Г. Леонидзе трижды удостоен Сталинской премии: за поэму «Детство вождя», за сценарий кинофильма «Щит Джургая» и за поэмы «Бершоула» и «Портохала».

КАНДЕЛАКИ Римма Евгеньевна
Родилась в Москве. Училась в Московском институте востоковедения. В печати работает с 1930 г. Пишет на русском языке. Была фельетонистом-очеркистом газеты «Заря Востока», публиковала стихи и стихотворные переводы в московских и закавказских журналах. С 1938 г. сотрудничает в газете «Известия», журналах «Смена», «Огонек», «Вокруг света», «Пионер». В 1957 г. в журнале «Литературная Грузия» была опубликована повесть Р. Канделаки «Бродил художник по городу» о жизни Нико Пиросмани.

КАХИДЗЕ Медея Ильинична
Грузинская поэтесса. Окончила Тбилисский университет имени Сталина. Литературную работу начала с 1950 г. Систематически печатается в грузинских журналах «Мнатоби», «Пионери», «Дила», а также в «Литератури газети», «Ахалгазда комунисти» и др.

Первый сборник стихотворений «Возраст любви» выпущен в 1955 г. издательством «Сабчота мцeralи».

ГАИРБЕКОВА Машидат
Первая советская поэтесса-горянка. Родилась в аварском ауле Карата. Училась в Дагестанском педагогическом институте и в Московском литературном институте им. Горького. На аварском и на русском язы-

ках вышли книги стихов Гаирбековой «Слово горянки» и «Далекая сестра». Аварским театром в 1950 г. поставлена ее пьеса «Счастливы день».

ГЮНТЕР ГЕРЛИХ Родился в 1928 году. Выходец из рабочей среды. Работал в народной полиции, затем в доме для трудновоспитуемых, о которых написал роман «Черный Петер». Гюнтер Герлих — автор ряда очерков и рассказов.

ДАВИТАШВИЛИ Михаил Данилович
Родился в 1914 году. Журналист. Окончил литературный факультет Тбилисского педагогического института им. Пушкина. С 1933 г. работает в органах советской печати.

М. Давиташвили автор ряда очерков о Великой Отечественной войне и жизни колхозной деревни Грузии. Очерки издавались на грузинском, русском и украинском языках.

МЕСХИ Ия Семеновна
Журналистка. Начала печататься с 1938 года в газетах «Вечерний Тбилиси» и «Молодой Сталинец».

В 1939 году переехала в Сибирь и работала в партийной и комсомольской печати Новосибирска и Красноярска, затем — корреспондентом «Комсомольской правды» по Новосибирской области. Первый большой очерк о Чукотке — «Здесь начинается день», был опубликован в журнале «Сибирские огни».

С 1951 года И. Месхи является корреспондентом «Огонька» по Закавказью. В 1957 году в Тбилиси вышла ее книга очерков «Дороги родные».

ЦИЦИШВИЛИ Георгий Шалвович
Родился в 1920 году. Печатается с 1950 года в центральных и республиканских изданиях. Кандидат филологических наук. Автор ряда статей по литературоведению, искусствоведению, теории и истории театра.

Технический редактор М. Сосел я

Подписано к печати 9 октября 1959 г. 6 печ. лист.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 936 Тираж 400. УЭ 03583

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

1970